

ТАМЫР

Выпуск 1-2 (23-24) 2009

*Ассоциация «Золотой век»
Алматы 2009*

Учредитель:

Ассоциация по экологии культуры
народов Казахстана “Золотой век”

Главный редактор

Ауэзхан Кодар

Шеф-редактор

Замза Кодар

Редактор

Александр Хамидов

Оригинал-макет:

редакция “Тамыр”

Обложка: у Лувра

Фото из личного архива А. Кодара

Периодичность:

Поквартально

Зарегистрировано Министерством культуры,
информации и общественного согласия РК.
Свидетельство о постановке на учет
средства массовой информации № 2334 Ж от
01.10.2001.

Адрес редакции:

г. Алматы, м-н Жетысу-1, дом 40, оф. 1.

Телефон редакции: (727) 736-82-89

E-mail: tamyr999@yandex.ru

**При перепечатке материалов и
цитирования ссылка на “Тамыр”
обязательна.**

Отпечатано в типографии
“Signet Print”

г. Алматы, ул. Макатаева, 127.

телефон: (727) 244-53-57.

Усл.п.л. 9. Бумага офсетная.

Печать офсетная.

Тираж 1000 экз. Заказ № 00

СОДЕРЖАНИЕ

ДИАЛОГ

К юбилею «Тамыра».....	3
Голоса друзей: Сергей Гонцов (Москва), Алексей Грякалов(С-Петербург), Петар Боянич (Великобритания), Маргарита Сосницкая(Милан)...	5

ПУЛЬС ПЕРЕМЕН

Ауэзхан Кодар. Культура на фоне кризиса: что стоит за сменой вех?.....	6
А.Кодар – Ж.Баймухаметов. Диалог о «скудном времени».....	9

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Б. Г. Нуржанову – 60 лет.....	16
-------------------------------	----

ЗАЛ ПАМЯТИ

Мугамиля Мухтаровна Ауэзова.....	18
----------------------------------	----

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Петар Боянич. Терроризм: Террор и взрыв.....	20
Ауэзхан Кодар. Тенгрианство в свете номиналогии Делеза-Гваттари.....	33

ПОЭЗИЯ

Восточные корни русской души (о поэзии Сергея Гонцова).....	37
Сергей Гонцов. Восточные мотивы.....	39
Ауэзхан Кодар. Птицы и ангелы (новые стихотворения).....	51
Сплавление горизонтов в поэзии Елены Зейферт.....	65
Елена Зейферт. В ладони господней рыбка я.....	68

ПРОЗА

Алексей Грякалов. Слепой орел/зоркий крот.....	75
Дана Гирей. Из дневника чучмечки.....	87

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Махамбет. Время смуты. Перевод А.Кодара.....	89
--	----

НАШ ВЕРНИСАЖ

Знакомьтесь: художник Максут Тивамов.....	108
---	-----

ҚАЗІРГІ ҚАЗАҚ

Болатбек Қонысбай, Сакен Нарынов. Алшандаған «Алтын сақа».....	111
---	-----

К юбилею «Тамыра»

*“Тамыра” - 10 лет,
Мы нулы страны и века.
Здесь мысли дерзких цвет,
Казахи, цыны, греки.*

*Здесь Мешри шлет нам °куто
И в этой благодати,
Идеи к нам текут,
Открыться сами кажут.*

*Как Ноя струи наши гели,
Где вместе волки, серны.
У нас цветет подери,
Маиуу с постподериот.*

*Мы как лицо страны,
Мы - дружба, нулы и корни.
Тревожим ги-то си,
Питаем разговоры.*

*Рисунь в пустоте,
Маия в стени оливой.
Средь ожиревших тел
Спасает душу живую.*

*“Тамыр” - души приган
И пишет ты любовис,
Чтоб нулы всегда стуган
От жизни полиокровной.*

ҒУОУ[у АҮ_ССК

Дорогой, Аўэзхан, прими сердечные поздравления с драгоценным рубежом журнала Тамыр, издания многозначного и многозвучного, и, на мой взгляд, опередившего то, что принято называть современностью. Как тў же современность на каждом шагу убирают своим могуществом разнообразные стихи, от весенних бурь до горных массивов, и несть числа этим твердым вещам. Так что хвала Творцу, а сотворцам - божественной удачи во всех превосходных начинаниях!

Сергей Гонцов (Москва), поэт

Дорогой Ауэзхан!

Совсем нет времени для полноценного разговора о журнале - будто и в самом деле пост-модерн!

Всего несколько слов.

Найду со случайного разговора с молодыми коллегами - философами-культурологами Петербурга. Просмотривая подборку "Шамыр", которую я привез как подарок главного редактора, ориентированные "на Запад" молодые "жесткие интеллектуалы" сосредоточенно припили. Что их привлекло? Думаю то же самое, что и меня. Журнал показывал возможность самостоятельного творческого существования личности и сообщества. И понятно, что это трудно - так во всех регионах мира. Но существование такого издания - факт сохранения творчества и свободы. Напомню, что именно вокруг журнала формируется творческий мир - так формировались миры символистов и акмеистов, кубофутуристов, французских сюрреалистов, представителей "нового романа". Пвардовский хотел, чтоб его вспоминали как редактора "Нового мира". В России журналы переживают нелегкие времена. Миллионные пиражи перестройки упали - остались преданные ипатели, а новые почти не прибавляются. Литература делается в серийных изданиях - журнал проириывает. Но вспомним: Бог не в силе, а в правде!

Шамыр - правдивый журнал. Его раскованная легкость - от жесткой публицистики до переводов статей актуальных для современности философов, от русской и казахстанской прозы до актуальной критики - говорит о творческом предстоянии миру. Выбран извезвычайно тогный взгляд - современное и традиционное, временное и вежное сходятся в пространстве журнала. Журнал несомненно регионален, но гений всегда гений своей местности. Если гений хорошо хранит свое место, он оказывается интересен всем. Привлекает постоянное присутствие жесткой публицистики, иногда кажется, что есть крен в сторону "модерна", но это проявление того, что осуществлен живой творческий опыт. Я писал об этом на примере творчества Ауэзхана Кодафа.

Сравнивая "Шамыр" с другими изданиями, хогу сказать, что в нем есть необходимая для нашего времени критическая жесткость, внимание к тонкой лирике, хорошая проза, глубокие аналитические статьи филологов, культурологов, казахстанских, российских и европейских философов. Хотелся пожелать журналу - главному редактору и сотрудникам - благополучия в личной жизни и усилия творчества. "Шамыр" возвращает нас к истокам - через прошлое - к будущему. Только так и может быть обречено настоящее, в котором так нелегко сегодняшним людям.

Алексей Грякалов (С-Петербург), доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории философии факультета философии человека Российского государственного педагогического университета им. Н.А. Герцена.

Дорогой редактор Ауэзхан Кодаф!

Пишет Вам доктор философии, специалист по изучению проблем войны и мира Петар Боянич. Сообщаю, что получил через своих российских друзей несколько номеров Вашего журнала «Тамыр». Я и раньше слышал о Вас от своих друзей в Париже, но теперь был рад узнать, что в Казахстане, вызывающей интерес своими демократическими преобразованиями, издается такой современный журнал и на таком высоком интеллектуальном уровне. Больше всего мне понравился критический дух Вашего журнала, желание посредством европейского мышления посмотреть на казахское прошлое и настоящее.

Мне искренне стали дороги такие ваши поэты-классики как Абай, Магжан, Махамбет в Ваших блестящих переводах, дорогой Ауэзхан.

Я обратил также внимание на таких авторов как Бекет Нуржанов и Жанат Баймухаметов, которые могут составить гордость любого европейского философского издания.

Мировой финансовый кризис прежде всего бьет по культуре, но если в Казахстане на протяжении 10 лет издается такой нонконформистский журнал, это вызывает уважение к Вам и Вашей стране.

Журнал настолько увлек меня, что я предлагаю Вам свое сотрудничество и с удовольствием готов стать Вашим представителем в Великобритании.

Петар Боянич

**Центр современного мышления,
Эбердинский Университет (Великобритания)**

«Тамыр» - голос Евразии

Культурная функция журнала «Тамыр» многогранна. Он не только хранитель своих национальных традиций и славы, но и почитатель традиций Востока, прошедших преломление через евразийское сознание: на его страницах публиковались хайку, написанные русскими авторами.

С его страниц прозвучал голос блестящего публициста и переводчика - увы - безвременного ушедшего, Полуяхтова, и голос этот был услышан далеко за пределами Казахстана, услышан российской общественностью.

Журнал «Тамыр» поддерживает и развивает культурные связи не только с Россией, но и с Русским зарубежьем. Цвет публики Казахстана, его духовная элита познакомилась с произведениями ряда русских поэтов и писателей, малоизвестных у себя на родине. Но в условиях перманентной культурной революции и холодной войны искусству малоизвестность - это отнюдь не всегда признак некачественности, а чаще показатель достоинства и бескомпромиссности позиций автора. И своим вниманием «Тамыр» оказал ошеломляющую моральную поддержку таким людям.

Маргарита Сосницкая (Милан), писатель, поэт

Ауэзхан КОДАР

КУЛЬТУРА НА ФОНЕ КРИЗИСА: ЧТО СТОИТ ЗА СМЕНОЙ ВЕК?

Недавно по телеканалу «Спас» показывали разговор Олеси Николаевой с писателем Алексеем Варламовым о «Мастере и Маргарите» М. Булгакова. Меня поразило то, что ведущая настойчиво хотела внушить своему собеседнику религиозную оценку этого произведения с точки зрения православной ортодоксии, Варламов же стоял на том, что искусство – это особый мир, который надо оценивать по его же (искусства) законам. На мой взгляд, разговор не получился, хотя с обеих сторон были высказаны довольно интересные мысли.

Ведущую не удовлетворяло в этом романе романтизация Воланда или сил зла и это она ставила чуть ли не в упрек Булгакову. Но, по-моему, с этим надо разобраться. Булгаков жил в разгар эпохи Сталина, т.е. в настолько изолгавшемся мире, что зло могло победить только еще большее зло. Этим Булгаков намекал на то, что Сталин и есть Сатана, что сам Вельзевул по сравнению с ним – гуманист и поборник справедливости. Напротив, те, кто стоят по другую сторону, т.е. Иешуа и Мастер, как бы не вмешиваются в этот мир, живут в каком-то своем особом мире. Но именно их это невмешательство и есть вмешательство, поскольку отказываясь от участия во всеобщем зле они сохраняют свой мир, мир добра и любви, где никто никому не враг, не зря же в финале романа Иешуа и Понтий Пилат вместе идут, беседуя, по лунной дорожке. В этом еще и та идея, что за каждую душу надо бороться отдельно. Уже то, что Пилат перед казнью Иисуса сказал: «Я умываю руки», т.е. тоже ушел в невмешательство, обособляет его от остальных и оставляет надежду на то, что не все в нем потеряно.

Варламов прав, роман Булгакова – абсолютно не религиозное произведение, а скорее даже, еретическое, раблезианское, но с огромным этическим зарядом, идущим «от противного» - от кажущегося приятия зла.

Я начал свою страничку с рассуждений о творчестве Михаила Булгакова оттого, что меня насторожило то, что если ему ранее вменялась антисоветчина, то теперь – недостаточная религиозность. Это говорит о том, что наше общество стремительно преобразовывается из атеистической страны в монотеистическую, ценности меняются столь кардинально, что не успеваешь за ними следить.

На самом деле, невозможно, чтобы за какие-то 20 лет мы так капитально изменились, для этого нужна очень большая, подвижническая работа в духовной сфере, но мы прекрасно знаем, что этой сферой никто, по крайней мере, во власти, не занимается. Там просто нет таких кадров. Значит, все декларируемые изменения в сфере религиозных приоритетов и религиозности – не более, чем декларации. Тем не менее, кому-то очень хочется разыграть исламскую карту в Казахстане, да так, чтобы нас навсегда оторвать от былых наших европейских ценностей, которые надо сказать основательно проникли в казахское общество, особенно, с первой четверти XX века. Сложению казахской советской общности способствовала также 2-ая Мировая война, известная у нас как Великая Отечественная. В 50-е годы европейская гуманитарная культура стала у нас господствующей и можно даже сказать, безальтернативной. Именно в это время у нас появляются такие «короли вальса», как Латиф Хамиди и Шамши Калдаяков, чуть позже, в 70-е переводится на казахский язык «Фауст» Гете, вообще, благодаря стараниям Мухтара Ауэзова и др. кипит работа по переводу мировой литературной классики на казахский язык, а также впервые задумываются о переводе казахской классики на другие языки.

Так неужели теперь все это стало ненужным? Неужели все это надо бросить на свалку и заняться заучиванием Корана под диктовку арабских или турецких эмиссаров?! Этим послед-

ним, конечно, ни на гран не нужна наша культура, они попросту не заинтересованы в том, чтобы она существовала. Эти эмиссары, такие как Булутай или Аслбек Мусин и иже с ними, элементарно обрабатывают зарубежные гранты, пытаются даже постмодернизм использовать ради величия Аллаха. Об этом, кстати, хорошо сказал глава Союза мусульман, а ранее – мой коллега по поэтическому цеху, Мурат Телибеков: «Ныне не встретишь мулл со светлыми лицами, одни бизнес-муллы». Вот вам и исламская духовность, о которой нам протрещали все уши!

Внедрение исламской парадигмы в нашу страну – это глобальный бизнес-проект и идеологическая диверсия со стороны мусульманских стран, а теперь, как выясняется, и американских спецслужб, поддерживающих ту же секту коранитов. Это способно подорвать гуманитарную безопасность Казахстана. Они хотят сделать нас рядовой мусульманской страной и конец тогда мечтам нашей власти войти в число развитых, цивилизованных стран! Как это может быть, если Коран заменит Конституцию, а исламская цензура – современное правовое сознание? Меня поражает, что никто еще внятно не выступил против этого! Или кризис зашел так далеко, что никто кроме исламского мира нам не поможет?

Боюсь, что это только иллюзии определенных групп в Администрации Президента. Как бы то ни было, если ранее наша страна была с развитой научно-производственной инфраструктурой, теперь мы видим только ее разрушение: Академия наук разогнана, во главе Союза писателей – клика несменяемых сатрапов от литературы, Пен-клуб, призванный защищать права независимых, протестно мыслящих писателей обслуживает только интересы своего престарелого руководителя-классика. Министерство культуры и информации давно выполняет роль цепного пса Ак Орды, выбившиеся в депутаты музыканты определяют идеологический курс, по которому должна развиваться философия, самопознанием нации управляет первая леди страны Сара Назарбаева.

Все хорошо в Королевстве Датском, не правда ли?

Между тем, самопознание, действительно, насущная необходимость для Казахстана, но начинать ее надо не с седой старины, не с эпохи египетских фараонов, а с эпохи европейского просвещения в казахской степи, т.е. с периода Абая и Шакарима, потом перейдя к началу XX века, надо очень тщательно изучить историю движения «Алаш», а подойдя к эпохе Советской власти, задуматься над тем, что это ведь тоже была эпоха смены духовных парадигм, когда на смену религиозному пришло сознание атеистическое, а на смену родо-племенных приоритетов – общечеловеческие. Так неужели все это, доставшееся ценой большой крови, так и не укоренилось в нашем сознании, не стало чем-то вроде безусловного рефлекса?

Возможно, для кого-то и не стало, но мы, авторы журнала «Тамыр», еще с середины 90-х стоим за европейскую составляющую в менталитете современного казаха. Мной, например, была выдвинута концепция, что русскоязычные казахи не проклятие нации, не «манкурты» и изгои, а напротив, ее единственная надежда, единственный шанс казахов на выживание в этом усложнившемся мире. Мне представляется, что идеологические шарахания последних лет в нашем обществе – от неизменных рыданий о затирании казахского языка до культа всяких исламских сект вроде коранитов, говорит о беспомощности наших идеологических исканий, не вытекающих из насущных запросов современности.

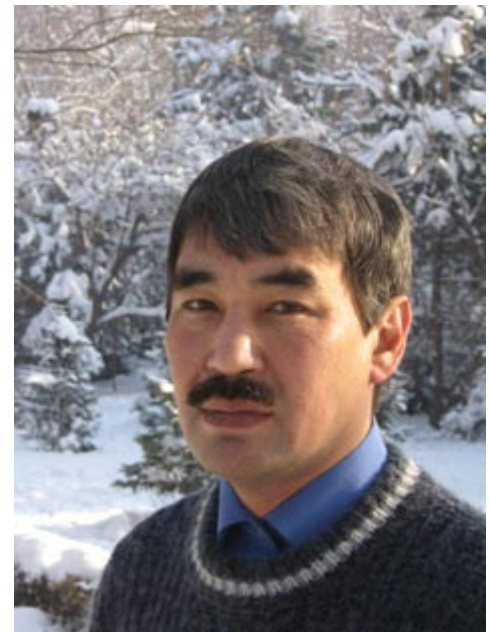
АУЭЗХАН КОДАР - ЖАНАТ БАЙМУХАМЕТОВ

ДИАЛОГ О «СКУДНОМ ВРЕМЕНИ»

другие и вовсе считают, что его никогда не было?

Ж.Б. На самом деле, в нашей номадической по своему характеру культуре возможно всё что угодно. Я имею в виду различные новомодные течения, которые имели место, имеют место и, я надеюсь, еще будут иметь место в нашем культурном ландшафте. В связи с этой нашей природно-генетической и исторической способностью вбирать в себя общечеловеческий глобальный опыт различных культур следует заметить, что именно теперь перед нашим так сказать “особым кочевым” мировоззрением возникла проблема обретения своей собственной культурной идентичности. Именно для решения этой проблемы и была инициирована государственная программа “Культурное наследие”. Однако, постмодернистский дискурс с его требованием дискурсивного плюрализма, неприятием идеи самоидентичности и ставкой на многополярные коммуникативные стратегии пришлось не ко двору нашим официальным идеологам, и поскольку таким образом постмодернизм оказался препятствием на пути к обретению “нашей культурной самоидентичности”, было принято решение объявить его вышедшим из интеллектуальной моды и уже успевшим умереть, так толком и не понятым большинством отечественных интеллектуалов. И все же я считаю, что слухи о смерти постмодернизма несколько преувеличены, и вот почему. Так или иначе, постмодернизм, прежде всего направлен на восстановление некой изначальной традиции с целью ее последующей радикальной деконструкции. Сам факт присутствия в нашей жизни того выведенного из сферы забвения и воссозданного культурно-исторического материала, относящегося к эпохальным рубежам номадического принципиально открытого бытия-в-мире, свидетельствует о том, что работа с этим материалом вольно или не вольно подразумевает применение постмодернистских по своему существу процедур поиска наших культурных корней, которые, согласно Жилю Делёзу, главному

архитектору постмодернистского дискурса, в нашем уже прошлом номадическом пространстве культуры, есть не что иное, как ризомы, сетевидные “войлочные” структуры нашей кочевой ментальности. И, я полагаю, не далек тот час, когда представленный ныне архивный материал относительно нашего центральноазиатского далекого и близкого прошлого подвергнется постмодернистскому демонтажу интерпретаций как освобождению от идей, притязавших на универсальность и абсолютность. В этом смысле, для философского постмодернизма важны не только буква, плоть, но и стоящий за ними дух нашего с вами времени, в котором всё смешалось как в доме Облонских. В разборе смешения всего и вся, по большому счету, и желают принять посильное участие постмодернистские умы, не важно, называя это мероприятие “деконструкцией”, “шизоанализом”, “опытом Другого”, или как то еще, пусть даже если угодно постпостмодернизмом. Как говорил Бланшо, важно в этой ситуации быть способным говорить на двух языках: одном, обозначающем возможное, и другом, откликающемся на невозможное. Чего, по сути, и требуется в нашей постмодернистской, т.е. неоднозначной, многовекторной, многополярной культурной ситуации. И это хорошо, поскольку в противном случае нас ожидает идеологическая экспансия тоталитаризма и фундаментализма. А это, как наш народ уже знает, не очень хорошо.

А.К. Наряду с собственным творчеством, (а ты не только философ, но и поэт), ты активно занимаешься художественным переводом. Я с удовольствием читал твои переводы из Бодлера, Рильке, Силезиуса, немецких экспрессионистов. Ты перевел Георга Тракля, австрийского поэта первой четверти XX в., когда он еще не был переведен в России. Что тебя подвигло заняться переводом европейской поэтической классики?

Ж.Б. Хочу в первую очередь отметить то, что Европа – это наше Другое, даже не смотря на то, что, мы, бывшие советские школьники, получили, как не крути, образование по европейским стандартам, и как бы на этом основании вольны считать себя носителями европейского менталитета. Однако Европа, в моем понимании, это не только традиционная составляющая бинарной культурной оппозиции Восток-Запад, это еще и историческая составляющая, заполненная своей собственной социальной и духовной драмой, которая принимала вид различных реформаций и революций, т.е. феноменов, направленных на слом казалось бы незыблемых общественных устоев. Как правило, обоснование всякого радикально нового социально-политического проекта происходило в Европе под знаком утверждения в головах людей, прежде всего, нового ментального горизонта, который способствовал формированию и нового бытийного порядка. И в этом смысле роль поэтов трудно переоценить. Труд поэта – это не только воспевание гармонии с природой или красот возлюбленной, это еще и вдумчивое проникновение в суть вещей, требующих от нас трепетного участия в их судьбе. Где, в нашей современной потребительской эпохе место этим заветным вещам, когда их полностью заменили их симуляции и многообразные электронные игрушки? Пожалуй, лишь в музее. И прежде всего, в музее наших подлинных чувств, которые мы тоже успели мумифицировать. Так вот, **поэт** (греческое слово означающее творца, создателя, креатора) уже по своему определению, призван сотворить новый возможный мир, где люди и близкие им вещи обращаются вспять к своим истокам, к природе, к тому началу, которое в свою очередь их всех некогда сотворило, к самому первому в мире **Поэту**, который его и создал. Кстати, “обращение вспять” по-латински звучит как **revolutio**. Именно к такого рода европейским подлинно-революционно мыслящим поэтам некогда, еще в пору юности, у меня возникло стремление понять их произведения, и, разумеется, на языке оригинала, который только и может представить возможность доступа к, казалось бы, такой близкой и такой далекой для нашего времени стихии, какой является поэзия. А дальше, Ауэзхан, как ты сам знаешь на своем личном опыте поэта-переводчика, дело стало за моими собственными попытками перевода на “великий-могучий” тех поэтов, которые, в моем понимании, наиболее точно и правдиво отвечали различным вызовам своей

эпохи, производя, прежде всего, революцию в формах выражения поэтической мысли. Вот почему меня и привлекло в свое время творчество Шарля Бодлера, Артюра Рембо, Райнера-Мария Рильке, Георга Тракля и других не менее значимых для меня поэтов, чьи стихотворения в моих переводах к нынешнему моменту составили целый объемный сборник, который я, к сожалению, не имею возможности опубликовать, по пресловутым причинам.

А.К. В нашей казахстанской ситуации, когда даже культура заражена геополитикой, все твои увлечения выглядят довольно экзотично, мол, какая Европа в песках Каракума? Насколько тебе уютно в такой ситуации? Какие ты ставил перед собой цели и насколько они сбылись? В этой связи меня особо интересует твое отношение к Хайдеггеру, я прекрасно помню, что твое движение в философию началась с любви к этому философу.

Ж.Б. Сразу оговорюсь, что мне уютно во всякой ситуации, где речь идет о деле мышления, независимо от того осуществляется ли оно в дружеской беседе или на наших научных симпозиумах. Конечно, жаль, что на последних не всегда удается ощутить какой-либо фундаментальный диалогический настрой, поскольку разногласия во взглядах и мнениях у нас обычно перерастает в худшем случае в суетную галиматью, а в лучшем, в плебейское самовосхваление, наряду с тайным или явным желанием набить оппоненту морду. Однако страсти кипят, а это значит, что еще не все потеряно для дела мышления. Оно не менее страстно, чем мы об этом порой думаем. Может быть, это и есть самая настоящая подлинная страсть, которая нам досталась в наследство от наших предков. И в этом деле, я считаю, что мой интерес к философско-поэтическому опыту Хайдеггера, является закономерным. В начале 90-х годов, обучаясь в аспирантуре, я принялся за исследование его философского наследия. В результате появился текст диссертации под названием “Учение Мартина Хайдеггера об истине”. В этой работе я стремился показать, что Хайдеггер в своем проекте фундаментальной онтологии представил историю западной метафизики как историю забвения Бытия, как историю покорения человеком сил природы (в связи с этим пунктом вспоминается известная фраза Олжаса Сулейменова “Земля, поклонись Человеку”), как история нигилизма, обесценивания ценностей, когда человек становится рабом технически оснащенного мира. Изначальный смысл истины Бытия как несокрытости, по-гречески **aletheia**, приоткрывает, и нам, как ты говоришь, живущим в “Каракумах”, то судьбоносное обстоятельство, что казахский этнос, стремящийся к тому, чтобы стать истинно суверенной нацией, ввергнут сейчас в процесс планомерного забвения того, что нас некогда превратило в этническую единицу. Более того, нынешняя казахстанская образовательная система культивирует среди учащихся не столько умение мыслить, сколько информированность, соответствие **стандарту**, когда из нескольких вариантов, учащемуся требуется найти единственно правильный. Кстати, мой 10-летний опыт преподавательской деятельности показал, что в деле образования фундаментальное значение имеет то, что Аристотель и Аль-Фараби именовали словом **энтелехия**, целеполагание, то, что, собственно говоря, и придает образованию смысл: образование, не как многознание, а как способность непрерывно учиться думать, мыслить теми категориями, которые созданы не только интеллектом, но и тем, что этому интеллекту придает смысл. Помнишь, Ауэзхан, как лет 20 тому назад, мы обратились к изречениям первого древнегреческого философа Гераклита, одно из которых звучит следующим образом: “Многознание уму не научает, а не то научило бы Гесиода и Пифагора, равно как и Ксенофана с Гекатеом”. (фрагмент 40). Я думаю, именно в этом изречении явлена суть всякого философствования: это постоянное и неуклонное стремление к осмысленной жизни и критика в отношении тех, кто выдает мышление за умение пользоваться набором готовых рецептов и правил. Вот почему подхваченный в XX веке Хайдеггером этот гераклитовский импульс в качестве обертона, оказался и для меня очень важным в понимании того, как у нас, в постсоветском Казахстане, обстоит дело с творчеством мысли, и что в связи с этим необходимо предпринять. Однако, многое из того, что я мысленно проектировал, как

то, скажем, создание “Центра философских исследований”, или публикация сборника своих философских и поэтических работ не сбылось по понятным мне достаточно прозаичным причинам: аллегорично выражаясь, если философия в средние века воспринималась в качестве “служанки богословия”, а в Новое время выступала в роли “царицы наук”, то в наше постмодернистское время, она мне представляется в образе странника, блуждающего “духовной ночью” в поисках “рассветной страны”, как хорошо об этом поведал нам Хайдеггер, обращаясь к осмыслению поэтических образов “скудной эпохи”.

А.К. Насколько я знаю, все эти годы ты активно сотрудничал с журналами «Тамыр» и «Аполлинарий». Что обусловило твой выбор именно этих изданий? Насколько перспективно в нынешней ситуации выпуск таких журналов?

Ж.Б. На этот вопрос постараюсь ответить кратко, поскольку боюсь показаться льстивым лицемером по отношению как к “Аполлинарию”, так и к “Тамыру”. К чести этим отечественным периодическим изданиям следует отметить, что они, возникнув не в самые благоприятные для казахстанской культуры времена, тем не менее, сумели сохранить до сего дня свой первоначальный импульс – быть независимыми, быть честными и способными к живой и открытой коммуникации как со своими авторами, так и с пытливой читающей публикой. Многолетнее личное знакомство с их главными редакторами всякий раз укрепляло во мне убеждение в том, что именно эти энтузиасты, смогут противопоставить процессу общего духовного обнищания, свой талант организаторов очагов неконформистской культуры. Пока существуют образованные, взыскующие истины подлинные творцы литературы и искусства, до тех пор издания подобные “Аполлинарию” и “Тамыру” будут востребованы.

А.К. Нам с тобой невозможно обойти нашу дружбу с Игорем Полуяхтовым, тоже активным сотрудником «Тамыра», к сожалению, ныне покойным. Прискорбно также, что в этом году ушли из жизни главный редактор журнала «Аполлинарий» Ольга Маркова и художник Рустам Хальфин? Это что – тенденция: уход в небытие самой креативной и, что парадоксально, самой невостребованной интеллигенции? Одна серьезная дама даже мой журнал нечаянно похоронила...

Ж.Б. Безусловно, сравнительно недавний уход из жизни каждого из этих мэтров высокой культуры, для нас, остающихся пока еще по эту сторону бытия, невосполнимая утрата. В своем вопросе ты употребил слово тенденция. Пожалуй, это понятие как нельзя лучше отражает трагическую ситуацию, в которой оказываются сейчас не столько “выдающиеся деятели”, сколько “скромные делатели” культуры, к которым я хотел бы причислить и упомянутых тобой ныне покойных Игоря Полуяхтова, Ольгу Маркову, Рустама Хальфина. Игорь – для меня, прежде всего автор фундаментального академического перевода поэмы Т. С. Элиота “Бесплодная земля” и просто просвещенный и интересный собеседник на актуальные темы теории литературы и искусства. Именно он посоветовал мне обратиться к переводу стихотворений выдающегося английского “поэта-окопника” Уилфреда Оуэна, который, прошел сквозь ужасы I-ой Мировой войны и погиб на поле сражения за неделю до ее окончания. Этот поэт очень точно сформулировал задачу поэзии - быть **предостережением**, предостережением от новых бед, еще более глобального масштаба. В Ольге Марковой я нашел очень строгого, но благосклонного критика всех моих опусов, которые я когда-либо приносил в редакцию “Аполлинария”. На организованных ею “Поэтических вечерах” я имел счастливую возможность пообщаться с нашей литературной братией, озвучить перед ней свои тексты, наряду с другими. Благодаря дружбе с Рустамом Хальфиным, я вошел в качестве агента постмодернистского дискурса в креативную среду отечественного contemporary art. Выступив с докладом на памятном международном семинаре Art-Discours’97, я получил возможность пообщаться с бомондом московского contemporary art, в частности с Виктором Мизиано, известным художественным

куратором и редактором интеллектуально-инновативного “Художественного журнала”, который впоследствии опубликовал мою статью о казахстанском актуальном искусстве. В 1999 году я прошел курс обучения в рамках международного семинара по истории и теории современного искусства в Соросовском Центре современного искусства-Алматы и получил соответствующий сертификат. Что же касается контемпорарного творчества Рустама, то меня глубоко тронул его интерес к так называемой первопластике, к тактильному пространству, тому способу его освоения, который был известен нашим номадическим предкам и тактильный опыт которых Рустам стремился воссоздать в качестве современного мифа в своих пространственных композициях и пластических объектах. Я признаюсь, это был грандиозный, поистине “утопический” художественный проект, впрочем, как и творческие проекты ранее упомянутых мной безвременно ушедших от нас творцов культуры. Что говорить? Общение с ними (да светит им свет вечный!), было для меня плодотворным и поучительным как в познавательном, так и в экзистенциальном плане.

А.К. Многие считают, что ты сделал немалый вклад в движение «контемпорари-арт» в нашей стране. В чем это выразилось, в каких формах сотрудничества? Насколько актуально сейчас это движение?

Ж.Б. Прежде всего, для меня contemporary art по крайней мере в его отечественном исполнении – это особая разновидность культуры на самом ее острие, на самом ее пределе, где уже культура в ее общепринятом значении смыкается со своим антиподом - контркультурой, которая несмотря на свой несколько ершистый и провокативный характер, тем не менее способствует более тонкому и рельефному ощущению духа времени. В основном, мой вклад в отечественное актуальное искусство выражался дискурсивным образом, в форме критических статей, пресс-релизов, текстов для различных каталогов и буклетов. Однако помимо этого у меня есть, правда, небольшой, опыт непосредственного участия в создании художественных объектов и инсталляции, которые были в свое время отмечены на международных и местных художественных выставках в качестве показательных и наиболее значимых. Я имею в виду здесь совместную работу с молодым, талантливым художником Дастаном Кожахметовым. На Международном художественном фестивале Тенгри-Умай в 2002 году мы осуществили перформанс “Environmental Pollution” (“Загрязнение окружающей среды”), посвященный теме надвигающейся экологической катастрофы и не только. На баннере с фото-изображением Алматы с высоты полета международной космической станции струей мазута из презерватива была нанесена надпись: **Environmental Pollution**. На организованной в 2006 году Центром Современного искусства-Алматы выставке “Barrel.kz”, посвященной актуальной теме нефтяных богатств Казахстана, мы поместили инсталляцию “Осындай бар ел” (в переводе с казахского “есть такой народ”), представляющую собой голубого цвета металлическую бочку, светящуюся изнутри сквозь проделанные отверстия красным светом, на которую водружена ель (новогодняя искусственная ёлка) с фотографиями алматинских бомжей на голубом фоне в качестве игрушек. На боках бочки на четырех языках (казахском, русском, английском и языке французского оригинала) был воспроизведен текст стихотворения Шарля Бодлера “Бочка ненависти”. Кстати, это же ты, Ауэзхан, по нашей просьбе перевел это стихотворение на казахский. Игорь Полуяхтов перевел его на английский, а я – на русский. Одним словом, наши художественные работы получились соответствующими требованиям современного концептуального искусства и к тому же весьма знаковыми для нашего времени всеобщего потребления.

Насколько же вообще наше актуальное искусство будет актуальным в недалеком будущем, покажет время. Однако повод для оптимизма есть, поскольку худо-бедно, но еще функционируют различные художественные галереи, да и сами отечественные художники, пусть и за рубежом, подобно Тимуру Бекмамбетову, делают себе имена, тем самым, зарабатывая свой творческий

капитал. Собственно говоря, современное искусство, как и всякий иной род искусства, самым магическим из которых признано в наше прагматическое время кино – это своеобразный Протей, обладающий даром превращения во все, что угодно, а также даром пророчества, если верить древнегреческим мифам. В преображенном виде оно будет существовать даже в том случае, если после глобального катаклизма мы вынуждены будем вернуться в пещеры и создавать новые мифы о канувшем в Лету Золотом веке “новейших технологий”.

А.К. Любая культура – это процесс, но хотелось бы понять, куда это все идет? Ты мог бы очертить векторы развития казахстанской культуры после распада Советского Союза и по наше время? Имеется в виду – какие приоритеты были, на что они сменились и на что меняются ныне?

Ж.Б. Все, что произошло и по-прежнему происходит с казахстанской культурой с момента распада Советского Союза я объясняю работой того свойственного нашему способу экзистенции фатального механизма, который я назвал бы комплексом хюбриса. Поясню, что это такое. Я думаю, ты помнишь, Ауэзхан, знаменитое изречение Гераклита: “**Хюбрис** нужно гасить пуще пожара” (фрагмент 43). *Хюбрис* – это греческое слово, означающее спесь, чванство, надменность, высокомерие, необузданность, “беспредел”, дерзостный вызов человека Творцу. Так вот это понятие имеет для нашей жизни фундаментальное значение. Хюбрис лежит в основе нашей идеи культурной самоорганизации, связанной с актами нарушения пределов, злоупотребления, излишеств, преодоления барьеров, - одним словом, все то, что нам досталось по генетической линии от наших номадических предков. Однако хюбрис - это губительное состояние культуры, поскольку вслед за ним всегда наступает состояние **фрустрации**, чувство неудовлетворенности, ущемленности, ощущение обманутого большими ожиданиями. Фрустрация же чревата моральной глухотой, невосприимчивостью, бесчувствием, вялостью, пустотой, бессмысленностью, - теми характеристиками бытия, которыми особенно богато современное постсоветское молодое поколение граждан. Именно поэтому в Казахстане как, впрочем, и в других странах центральноазиатского региона, не существует никакого иронического разрыва между тем, что есть, и тем, что должно быть. Здесь речь идет об элементарном выживании подавляющего большинства граждан, вынужденных работать за низкую зарплату и получать мизерную пенсию. Здесь не до гламура. Однако это неустойчивое состояние может обратиться в такую неуправляемую стихию могущества хюбриса, что будничная спесь наших нынешних хозяев жизни покажется смехотворной.

Сейчас необходима “новая аскеза” как правильное определение меры могущества и наслаждения. Нынешний глобальный кризис есть программный сбой в работе системообразующей машины желания, питающейся от энергии хюбриса как тотальной онтологической характеристики человеческого бытия. Фуко говорил о необходимости создавать правила поведения, благодаря которым можно обеспечить “владение собой”, формировать “практики существования” или “техники себя”. В самом деле, именно такой вектор нашего культурного строительства может освободить нас от маниакальной идеи утвердить нас в качестве особых, исключительных, первичных. Необходимо разработка культурного проекта нео-гуманизма, возможного как ренессанс, новое прочтение гуманизма Эразма Роттердамского, Питеря Брейгеля и Данте в ментальном схождении философии, изобразительного искусства и поэзии. Необходима новая эстетика существования и вчувствования, которая позволяла бы нащупать фундамент нашего знания о самих себе. Необходимо, как сказал бы Хайдеггер, стояние в просвете бытия, расположенность к подлинному бытию, осмысление опыта того, что казахи называют **жарык-дуние** (**жарык** – свет, **дуние** – мир, т.е. **светлый мир** или **мир-просвет**), фундаментального опыта, который позволит избавиться от злопамятства и чувства мести. В таком свете я вижу главные приоритеты, стоящие как перед нашими культурными институциями, так и перед каждым мыслящим гражданином нашей республики.

А.К. Как бы ты мог охарактеризовать современную культурную ситуацию к лету 2009 г.? Нестораживает ли тебя активизация неоиаламского сектантства в Казахстане?

Ж.Б. Современная культурная ситуация находится в фарватере нынешнего международного финансового кризиса. Следует отнести к этому испытанию по-философски, т.е. понять, что кризис этот не первый и не последний, и что, по большому счету, то, что зовется кризисом – это практически синоним слову жизнь. Как мы знаем, слово *кризис* греческого происхождения и оно означает суд, рассмотрение дела в суде, решение суда, - этакий перманентный судебный процесс, в кафкианском смысле. Так вот, наша жизнь, жизнь каждого из нас – это пребывание в одном лице то в роли прокурора, то в роли адвоката, то в качестве подсудимого. Активизация же любого вида сектанства, не только неоиаламистского, - это не что иное, как проявление пресловутого хюбриса, спеси, которую необходимо гасить “пуце пожара”, поскольку за всем этим стоит самонадеянная уверенность определенных небескорыстно настроенных и действующих группировок в исключительном праве выступать в качестве прокурора и от имени Бога вершить неправедный суд.

А.К. Возможно ли дать какое-либо емкое определение нашей казахстанской культуры?

Ж.Б. Если культуру в ее целом кратко, но емко определить как некую совокупность достижений человечества в производственном, общественном и умственном отношении, то казахстанская культура, желает она того или нет, все-таки должна соответствовать данному определению. В противном случае она может броситься заново изобретать велосипед. Сейчас суверенному Казахстану предстоит задача представить перед мировым сообществом новые достижения, а для этого в первую очередь необходимо государственная поддержка тех, кто эти достижения будет осуществлять. Логика достаточно простая и банальная, но как зачастую сложно ее бывает претворить в жизнь в наших непростых “степных” условиях.

А.К. И традиционный вопрос: твои планы на будущее?

Ж.Б. Что касается моих творческих планов на будущее, то я думаю, какими бы они ни были, при этом я должен иметь здоровую долю скепсиса и иронии по отношению к тому, что нисходит сверху в виде больших, но пустых обещаний, быть вдумчиво осмотрительным по отношению к тому, что меня окружает, с тем, чтобы по ситуации знать что предпринять далее, а также искренне верить в то, что находится внутри меня, в то, что действительно обогащает мою жизнь.

Б. Г.Нуржанову – 60 лет

Дорогой Бекет Галымжанович!

Вы – известный философ, поддерживающий все новое в области философии и культурологии. В частности, Вы первым в Казахстане поняли перспективы постмодернистского дискурса, представленного именами Хайдеггера, Фуко, Лиотара, Бодрийяра, Деррида, Делеза и др.

Вы – прекрасный педагог, воспитавший десятки аспирантов и магистрантов, кандидатов и докторов наук.

Множество статей, вышедших из-под Вашего пера, учебник «Культурология», вышедший в 1994 г. и неоднократно переиздававшийся характеризуют Вас как крупного ученого-компаративиста, способного переработать имеющиеся материалы в новый оригинальный сплав, где достижения мировой философской мысли анализируются в условиях «здесь» и «теперь». Так, в последнее время Вы напряженно и плодотворно размышляете о феноменах глобализации и нациестроительства или, иначе говоря, о национальной идее в эпоху глобализации.

Однако для нас Вы, прежде всего, автор нашего журнала, поддержавший нас в самые трудные годы нашего становления.

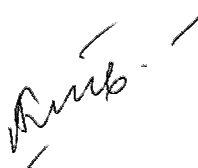
Мы позиционировали «Тамыр», как издание нового типа, культивирующее независимое мышление и современные технологии мысли, нам были чужды устоявшиеся стандарты этнофетишизма и квазипатриотизма. Это поначалу вызвало резкое неприятие нашего журнала в казахской писательской среде и среди интеллигенции узконационалистического толка. Именно в это время Вы поддержали нас своим авторитетом профессионального философа, который не отделяет свою нацию от общекультурного развития всего человечества. Вы и, в самом деле, сформировали себя как философа, чей случай «нетипичен» (Мамардашвили), поскольку Вы еще в советское время переросли стандарты марксистского «идеологического» мышления, одним из первых в республике деконструировали Гегеля, не поддались соблазну стать одним из пропагандистов «казахской философии», в то время как все другие кинулись разрабатывать это актуальнейшее в то время направление.

Вы опубликовали у нас не так много материалов – это несколько статей и два перевода из современной французской философии. Мы горды тем, что опубликовали Вашу работу «Город и степь», которую можно назвать краеугольной в деле обоснования кочевого образа мысли. Это крупный вклад современной казахской философии в диалог культур и цивилизаций. За Ваши заслуги перед журналом «Тамыр» и перед казахстанской культурой мы в год 5-летия нашего издания, в 2004 г. наградили Вас премией интеллигенции от интеллигенции «Бронзовый Асык».

Не менее весомый вклад Вы внесли в государственную программу «Культурное наследие», переводя на русский язык классиков постмодернизма и фундаментальной антропологии.

Поздравляя Вас с 60-летием, желаем Вам крепкого здоровья, огромных творческих успехов и талантливых продолжателей Вашего дела, умеющих как Вы, сочетать национальное и общечеловеческое.

Гл. редактор журнала «Тамыр»

А.А.Кодар

Мугамиля Мухтаровна Ауэзова (1918-2009)

13 июля 2009 г на 91-ом году своей жизни скончалась Мугамиля Мухтаровна Ауэзова – дочь великого писателя от первого брака. Она прожила не простую жизнь, но никогда не забывала, чьей дочерью она является. Особенно гордилась Мугамиля-апай тем, что была рядом с отцом в самое трудное для него время, когда его впервые арестовали, и, когда никто не решался с ним общаться, боясь за свою жизнь. В эту тяжкую пору только она, девочка 12 лет, носила на саночках передачи в тюрьму и обстирывала отца, пока однажды он не вышел на свободу. Уже за одно это она достойна того, чтобы ее имя было золотыми буквами вписано в историю казахской литературы. Ныне усилиями ее детей издана книга Мугамили Ауэзовой «Слово об отце». Здесь мы воспроизводим ее обложку и публикуем стихотворение Ауэзхана Кодара, посвященное этой великой женщине.

МУГАШ

Мугамиле Мухтаровне

Она пришла проста и величава,
С широкими шумерскими глазами.
Прекрасная в лучах отцовской славы,
Сама и свет, и след его, и память.

Мухтара дочь – она осталась дочкой
И в восемь лет, и в восемьдесят девять.
На санках драных сквозь снега и кочки
Она в тюрьму ему таскала хлебы.

Забыв друзьями и женой своею,
В тот год один он бедовал в застенках,
Где камеры нельзя найти тусклее,
Где он не мог занять себя хоть чем-то.

В тюрьму, где смерть не знает проволоочки,
В каморку, где общаться только с вшами.
К нему с мешком пробралась только дочка
С красивыми отцовскими глазами.

Дочь матери, простой степной казашки,
Пусть хоть была покинутая всеми.

В ней оказалось столь добра и ласки,
Что плакал папа, ей целуя темя.

Она ждала, но он пришел нежданно,
В арбе, один, с нехитрыми вещами.
И это стало для нее как рана,
Ее отец, покинутый друзьями.

Потом опять пошел Ауэзов в гору,
Жена пришла, друзья толпились роєм.
И только дочь опять забыли вскоре
И стала жить она сама с собою.

И было все, и было все не просто,
Но не забыть до сути добираясь,
Как дочь его, сама еще подросток,
Спасла отца, как тот спасет Абая.

Терроризм: Террор и взрыв “... значение огня и создание бомб” //

Взрывы, произошедшие в Нью-Йорке более чем пять лет назад, представляют собой начало “войны с терроризмом”, которая продолжается до сих пор. В означенное время многие события в различных частях света были ознаменованы более или менее разрушительными взрывами с большим или меньшим числом жертв, взрывами, ставших, без каких-либо оговорок, известными в качестве террористических “актов”, “акции” или “атак”. Возможно ли объяснить терроризм с помощью анализа связи между словами “террор” и “взрыв” (фраза “бомбовая атака” может быть взрывом самолета, выступающего “в качестве бомбы”, так же как взрыв террориста-смертника, который взрывает бомбу на себе)? Быть может такой вид определения терроризма не будучи *узким* /2/, может иметь преимущества в сравнении с другими определениями?

“Определяя терроризм” – террор определений

Умножение или “взрыв” (explosion) текстов о терроризме, которые всегда заново пытаются определить терроризм, будучи последствием страха перед терроризмом (“страх перед страхом”), есть “террор” самого терроризма. Трудность, связанная с определением терроризма, установлением его причин и способа существования, проявляется весьма разнообразно:

1. Отсутствие правовых определений терроризма. До сих пор, ни одна из дискуссий, имевших место в Генеральной Ассамблеи ООН и в ее Комитете по правам человека с 1970 годов по 2000 года, не имела успеха в определении международного терроризма и фактически не сумела провести различие между ним и другими формами политического насилия (не существует различия между террористом, убежденным преступником /*Uberzeugungsverbrecher* /3/, борцом за свободу и, например, защитой своих законных прав посредством национально-освободительного движения) /4/.

2. Традиционный страх перед бунтом и революцией. Все сегодняшние определения терроризма имеют некоторое отношение к Французской революции, т.е. к якобинской диктатуре, так же как и к богатой традиции терроризма в Европе в прошлом и XIX веке. Агент терроризма и сторонник крайних форм насилия (крайней и сокрушительной силы) не всегда должен быть тем, кто является слабым, скорее он обычно (или одновременно) является тем, кто силен (государство – государственный терроризм или терроризм, созданный государством).

3. Стирание или осуждение историей тайных связей между “сильным” (государством) и “слабым” (террористами, террористическими группами). Правительства определенных государств или их администрации прежде всего являются ответственными за мощь, организацию и даже наличие этих банд. Правительства самых могущественных государств узурпировали власть (“мировое господство”), нанесли урон суверенитету других государств, плохо защитили интересы своего собственного народа и причинили ущерб своим собственным суверенитетам (своим собственным гражданам). Напротив, “террористы” не смогли превратиться в носителей интересов меньшинств и слабых, в тех, кто желает равенства и участия в управлении миром, скорее всего их “энтузиазм” перешел в фанатизм или в “энтузиазм ради чего-то абстрактного” /*ein Begeisterung fur ein Abstractes*/ (это является важной характеристикой магометанства; например, Гегель сравнивает его с терроризмом Робеспьера). /5/

4. “Институционализация” лицемерной аргументации (двойных стандартов), которая “укрепляет” суверенитет привилегированных государств и защиту своих граждан. Философ решает исключительно государственные проблемы и проблемы по управлению миром. Он создает аргументацию, которая оправдывает насильственные средства для поддержания существующих институтов и существующего баланса сил: право на насильственную интервенцию, право на превентивную войну и упреждающий удар, возникновение “асимметричной войны”, законность заказных убийств, право на насильственную смену правления, тюремное заключение без суда, оправдание пыток и т.д.

Взрыв, или точнее несколько мощных взрывов, которые произошли в сентябре 2001 года в Нью-Йорке, связаны с террором. Прежде чем я попытаюсь объяснить близость слова “террор” к слову “взрыв” (это слово подразумевает бомбу, динамит, нефть, огонь/греческий огонь или нафталин), необходимо кратко рассмотреть несколько направлений в которых проходила дискуссия о терроризме. Вопрос состоит в том, возможно ли преодолеть трудность, связанную с определением терроризма, - с предположением того, что правильное определение терроризма положит конец терроризму и какой-либо будущей возможности террора, - с некоторыми дополнительными предпосылками, которые больше усложнят дело?

Событие, которое видимо ежегодно повторяется, обозначаемое двумя числами и чертой между ними (9/11; нет других чисел, обозначающих год или прибавляемых к этой дате), которое я здесь использую в качестве парадигмы “террористического акта”, обычно поясняется с помощью следующих слов (все эти слова и фразы предполагают разъяснение и объяснение слов “террор” и “терроризм”):

Во-первых, событие (9/11) не является даже событием, оно не имеет статуса события, поскольку не произошло ничего неожиданного, поскольку все было готово, поскольку терроризм не столько начало, сколько ответная реакция на террор, которая предшествовала ему и в конце концов спровоцировала его; затем, в противовес и независимо от феноменологической рамки предыдущего предложения, событие представляет собой полную неожиданность, так что террористический акт является вообще непредсказуемым; поскольку оно уже произошло, оно может произойти снова в любое время и в любом месте; так же как смерть может всегда быть нежелательной неожиданностью, следовательно, одно такое событие представляет собой постоянную угрозу; это событие порождает панику и затем смерть многих невинных людей, которые оказались совершенно случайно во время (случайного) взрыва; смерть невинных людей и материальный вред являются лишь вторичными целями этих событий, которые имеют чисто политическую подоплеку и намерение; в принципе, этот вид политического насилия осуществляется тайно.

Заключительные две особенности террора являются очень важными и должны быть отделены от этой цепи обозначений, поскольку эти особенности недавно хитро посчитали незначительными: (1) секретность /6/ - это ключевой знак террора (страха, неопределенности и ужаса, предшествующего всякому явлению источника или предмета страха /7/). Секретная армия сеет страх. /8/ Насилие, которое исходит от страха несомненно приводит нас к мистериям тайного знания и тайным превентивным акциям секретных служб (без какого-либо публичного контроля с ничтожными результатами), которые являются главными субъектами войны против терроризма и против невидимых и тайных врагов. (2) Насилие очень близко к террору поскольку, терроризм, на самом деле, воспроизводит или пытается воспроизвести тип обоснования или институциональное насилие (суверена в каком-либо событии), которое кладется в основу всякого государства. Терроризм следует практикам и убеждениям государственных институций, которые каким-либо образом могут быть развиты, изменены, осознаны или созданы посредством насилия. /9/ Попытки стереть из памяти предыдущее насилие или прекратить даже большее ожидаемое или неожиданное насилие посредством порождения в мире большего насилия, зачастую заканчиваются лишь временным прекращением насилия. Часто беспорядком и даже последующей еще большей незащищенностью. Короче говоря, даже еще большим террором. /10/

Некий набросок относительно возможной трудности, связанной с определением терроризма, начинается с присоединения некоторых элементов, устанавливающих отношения между вещами, которые не должны стоять рядом. Если неперемное условие для определения терроризма является понятие “террора” – иногда кажется, что отличающиеся друг от друга определения совершенно это не учитывают, если мы затем добавляем два ключевых сегмента террористической деятельности (“секретность” и “насилие”) к террору, то у нас есть возможность использовать поучительную аналогию (или контр-аналогию). В целом, статус аналогии или аналогий является очень спорным. Он раскрывает смысл, но создает бесконечную неопределенность. Следующая аналогия, которую часто повторяют и которую св. Августин сделал знаменитой, является крайне непоходящей поскольку она пытается быть чем-то более великой, чем “обычная” и “выразительная” (?) (imprecise) аналогия:

“Упраздните справедливость, - говорит Августин в книге *О граде Божьем*, - и чем станут государства, как не шайками разбойников */latrocinia/* с большой дороги? И чем станут бандитские шайки */latrocinia/*, как не королевством в миниатюре. /11/

То, что делает выражение Августина абсолютно неприемлемым, так это условность, допущение в начале этого выражения, которым он “разрушает” “элегантный и восхитительный ответ пирата великому Александру Македонскому” – “упраздните справедливость”, “отбросьте правосудие”. Вероятно иногда можно что-либо отбросить (прежде всего, аналогия всегда настаивает на своеобразной оговорке, на необходимости закрыть свои глаза или проморгать и пройти мимо того, что ее уничтожит); однако, в этом случае, справедливость или несправедливость являются отображением именно этого сравнения между империей и пиратством, и определенным образом (не)справедливость возможна лишь внутри одного или другого, и одно немыслимо без другого. Это – важный вопрос, и Томас Нейджел указал на остроту и значимость этой аналогии и суверенитета. /13/ Здесь меня не интересует ни смелый ответ бандита, ни имперская мировая игра (Александр спросил его: “Что ты здесь, делаешь, на море, с тех пор как ты вдруг стал “пиратом”, когда еще недавно ты “орудовал” на улицах и на суше и был разбойником”), ни игры относительно размеров краж, ни политкорректность Августина (“*remota iustitia*”), ни позиция скрытого философа-консультанта Аристотеля, который всегда перед императором Александром прислушивается к ответу преступника (по-видимому, функция философа состоит в поиске того, чтобы адекватно отреагировать на терроризм пирата и разбойника) и т.д. Мой вопрос должен исходить из позиции пассажира, который плывет вместе пассажиром Лениным по морю, из позиции пассажира, который обыскали до полета (теперь император спрашивает “что ты делаешь в небе с тех пор, как ты вдруг стал “террористом”, когда еще недавно ты...”); мои вопросы должны быть вопросом о том, у кого есть слабость, беспомощность */imbecilitas/*, но нет невинности. На самом деле, мой вопрос – это вопрос слабоумного, вопрос о том, кому еще предстоит решать /14/ (кому, безусловно, почти не дано решать), находясь между несколькими монархами, ни один из которых не гарантирует поддержку, но скорее держит его (слабоумного) в неведении и терроре:

Следовательно, “покинул” ли маленький корабль большой флот, а если да, то “поместил” ли тот, кто ищет меня бомбы в багаж того, кто собирается убить меня?

Должна ли ответственность государства за существование терроризма предшествовать какой-либо реакции со стороны государств(а) на насилие террориста?

Ответственность государства уже предполагает террор государства. Возможно, ответственность должна начаться с неведения государства относительно определения, организации и требований своего врага; ответственность – это уже слабость государства (государство – это слабоумный, у государства есть эпилепсия, “поскольку страх перед мраком и привидениями – это самый сильный страх по сравнению с другими” /15/), которое знает о существовании больше чем одной или множества суверенностей и монополий на применение насилия; ответственность государства проявляется посредством его риторики праведности и требует от невинных граждан помочь ему и защитить его от зла (в самом деле, “невинные” или “праведные” - это принесенные в жертву и оставленные на произвол судьбы граждане).

Что же затем делает империя и как она конституирует себя посредством прекращения и создание пиратства (террор и ненадежность проистекают от насильственных процессов)?

Существует несколько элементов, которые, вероятно, могут подтвердить аналогию Августина и сделать более трудным определение терроризма:

Террор. Террор – это “орган” государства, находящийся в основах суверенности. Правительство порождает и контролирует террор (самый высокий возможный уровень страха) /16/, порождает выдуманного невидимого или реального врага (опасность) и ужасает свой собственный “организм” (суверен превращает свою суверенность, своих граждан, свое *civilitas* [гражданство] или *socialitas* [общество] в *imbecillitas* [бессиллие]). /17/ Существует некоторые различные мнения и версии относительно террора, о которых упоминает Гоббс. Я оставлю их в их первоначальном, “неизменном состоянии”, какими они были до вмешательства Гоббса и его теорий о том, что (1) страх – причина возникновения государств, что (2) взаимный страх является основанием государства, что (3) лишь государство может превозмочь страх перед будущим злом, что (4) правительство государства (суверен) способно на то, чтобы быть “сильнее”, чем страх и ответственным за обеспечение безопасности своих граждан и т.д.

При представлении власти (...), страх, исходящий от невидимой власти, на самом деле является таковым как мы его представляем, подлинной религией.

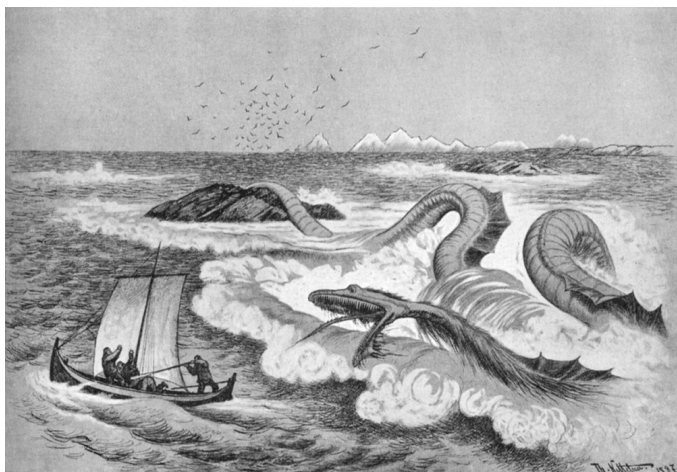
Страх, без понимания причин или сущности, *панический террор* /18/; названный так исходя из басни, которая делает Пана его автором;

Эта страсть (*Террор*) происходит не иначе как в давке или толпе народа. /19/

В этом слове *страх* я схватываю определенное предвидение будущего зла /*futuri mali*/ /20/.

Страх – это затруднение или досада испытываемые умом, возникающие от опасения /*fantasias*/ наличного зла, которое может повредить или уничтожить. Опасность – это близость устрашающего зла. /21/

Пятый фрагмент взят из перевода Гоббса *Риторики* Аристотеля. Гоббс не следует греческому тексту; скорее он конструирует, убирает и дополняет, составляет и подчищает /22/ (или дополняет Аристотеля фрагментами из своих работ /23/). Это *нечто* Аристотеля (этот *объект* страха, это враждебное /*entra*/), которое находится вблизи и угрожает (в конце последнего фрагмента), и которое Гоббс называет “злом”, кажется бесконечно “близким”. Несмотря на тот факт, что слова “страх” и “террор” кажутся смешанными в этих утверждениях, несомненно, они означают прибытие “чего-то”, что разрушает и из укрытия которого является то, что трудно найти. Однако, в отношении использования Гоббсом слова “страх” к террору есть два дополнения: Пан, бог, устрашающий путников, единственный смертный бог (*Левиафан* Гоббса также смертен), вносит момент неожиданности в страх и таким образом превращает его в террор (Гоббс создает целую систему понятий для описания этой “феноменологии неожиданности” – невидимый, изображенный, религиозный, мифический, охваченный паникой, множественный, злой, будущий, деструктивный, опасный, закрытый, ужасающий, враждебный); и во-вторых,

в отличие от страха у террора, в нем самом, есть нечто заразное и взрывное, поскольку именно оно, находящееся вблизи (под боком) поражает “множество народа” (“взрыв”, прежде всего, является медицинским термином, который с давних времен означал неожиданное вторжение симптомов в организм или во множество организмов).

Известный ответ Гоббса на эти наиболее важные проблемы содержат две идеи: идея величайшего (верховного) /*superanus*/ и идея единого, единственного

и уникального /*unus*/. Суверен-Левиафан полагается в качестве защитника от этой ужасной опасности и изображается в виде огромного гиганта и Единого, который вмещает в себя “множество народа”. Он возвышается как башня над городом и ничто не может его удивить.

Ответ Гоббса на террор (терроризм): суверен внутри себя должен объединять, управлять /*imperare*/ и безусловно сопрягать множество различных элементов. Следовательно, Левиафан структурирован как бомба.

“Все против одного”. /24/ Границы этой огромной оболочки, которая возвышается над городом, по сути представляют границы аналогии Гоббса и парадокс суверенитета. Кажется, что эта исходящая извне опасность от других суверенов (как возможно, что существуют некоторые, кто являются “*superanus*”?) выступает в качестве дополнения к руководящей силе внутри суверенитета. Меч находящийся в правой руке Левиафана, поднятый высоко над городом, аналогичен ключам, закрывающим двери и отделяющим граждан от ненадежных улиц (от бандитов, *Strassenraub*) /25/ или мечам, которые носят путники. /26/

“Те, кто путешествуют носят свои мечи с собой, потому что они боятся воров /*qui iter facit, cum telo est, qia metuunt latrines*?”. Это подходящий аргумент Гоббса для королевств и городов, чтобы они возводили стены (“города сжимаются своими стенами”) и, таким образом, полностью защищали себя от своих соседей.

Что всегда вызывает интерес к этой аналогии, так это момент, в котором она превосходит установленные ее автором пределы. Например, если сам Левиафан мог быть путником со своим мечом над каждым городом на земном шаре /27/, то, по аналогии, суверенитет был бы не государственным, а глобальным, и он не ограничивался бы государством, но был бы космополитичным. Аналогично, терроризм и война против терроризма могли действительно означать начало космополитизма и отмечать выход из “естественного состояния” (“*state of nature*”) и милитаристского государства, в которых обнаружило суверенное государство и это происходит до сих пор. Проблема, связанная с этой аналогией, в том, что сегодня всякая выдумка и всякая глупость, которые могут быть возведены на основе текста Гоббса и зрительных фантазий (карты и различные гравюры Левиафана, которые следуют его текстам), кажутся актуальными и возможными. Стоящей за этим причина, возможно, является страх, который свойствен каждой эпохе. Кроме того, страх (а точнее террор) находится в истоках аналогий и фантазий Гоббса.

Страх придает определенную динамику целой теории о суверенитете и коллективной безопасности. Суверенитет просто возрождается посредством террора. Следовательно, проявление террора (терроризма) как одновременного ответа на опасность или террор начиналось бы на улицах, падало бы с неба и появлялось бы на горизонте. Очистка улиц, очистка неба или очистка моря означает момент, с которого уже не достаточно просто “закрыть дверь” и идти спать, а, скорее всего, необходимо закрыть улицы, свести до минимума

публичное пространство, грабить дома /28/, закрыть границы, отменить полеты, изолировать подозрительных и т.д. Единство (“даже самое великое единство”) или Величественное (“более великое, чем величайшее”) следует начать лишь с исключения, удаления и нанесения поражения части целого. Эта всеобщая логика, диктуемая террором, является самим по себе террором прежде терроризма и различных теоретических реакций на террористическое насилие. Точнее, страх, бросок к объективированному и упоминаемому страху (достаточно последовать настоящему требованию Гоббса на слове “зло” в аристотелевской теории страха; приближение “объекта” страха на наиболее близкую возможную дистанцию (как он говорит “под боком”); Гоббс выбирает слово “опасение”, а не, например, “впечатление” согласно слову Аристотеля “*ek fantasias*”, “*fantasia*”) создает конфронтацию с последующими единством и согласием. Мне хотелось бы провести различие между двумя версиями этой логики:

- “Все против всех” /29/ или теория “преступного врага” /*hostis iniustus*/. /30/.

Одно государство – всегда враг, это есть условие для союза всех других государств, так же как общими врагами всех (врагами глобального суверена-путника) являются международные террористы. Страх (террор) всегда проявляется в форме противостоящего насилия, которое исходит из того же самого страха (терроризма): страх государства, которое тайно вооружается разрушительным оружием (Кант) или страх группы, у которой есть мощная бомба. Другой важный фактор для определения терроризма может заключаться в том (1), что это государство или группы вооружены против “всех”, и что (2) за противостоянием или войной с ними никогда не последуют действия норм международного права.

- “Гомеопатическая стратегия”. Предвосхищение Гегелем (да и не только им) гомеопатической медицины /31/ и “перевод” этой стратегии в политическую теорию освещены в известном фрагменте из *Феноменологии духа* /32/, где правительство государства способно, время от времени, “создавать” врага (“заказывать” войну), для того, чтобы поддерживать свое единство и уберечь государство (save the state) от возврата к “естественному состоянию” (state of nature). Враг (война) – это одновременно и часть организма, с которым организм предполагает начать конфликт (болезнь, лихорадка, кризис, война), с тем, чтобы одержать победу над ней и тем самым поддержать свою (органов) единство и целостность. /33/

(Гомеопатические стратегии в текстах Гегеля иногда приобретают невероятные и совершенно удивительные формы. В одном афоризме из его Йенского периода бомба появляется в качестве главного тропа и средства от лени и бездеятельности. Гегель утверждает, что подлинные и совершенно чудесные действия (в высказываниях, в великих книгах) напоминают бомбу /*gleichem einer Bombe*/, падающую на тупой город /*faule Stadt*/, в котором каждый размахивает рукой с бокалом пива. Именно это грубое самообслуживание, и есть смысл, на котором настаивает Гегель и который притягивает молнию /*Krachen des Donners*/ или бомбу).

Детская игрушки / Детский пугач

Между 1266 и 1268 гг. Роджер Бэкон составил *Tertium Opus* (“Третье сочинение”). Этот текст был написан для Папы Римского, правителя христианского мира, которому принадлежал Бэкон, и его намерением был поиск ответа на террор. А именно, все исторические хроники XIII века говорят о широкой вере в надвигающееся прибытие Антихриста. В результате этого, Бэкон с помощью своей невероятной силы воображения и посредством своего совершенного научного духа, пытается получить признаки его (Антихриста) прибытия и уменьшить свою собственную, общественную и, конечно же, ужасную панику Папы (Ги Фулькоди, личный секретарь Людовика IX был возведен на папство в 1265 году как Климент IV). Все действия Бэкона сосредоточились на местонахождении и идентификации Антихриста, изображении всех его сил и обнаружении всей мощи его перевоплощения. Вследствие этого, Бэкон изучает

языки, пишет учебник по древнееврейскому языку, настаивает на существовании аутентичного текста Библии, - и все это с целью обращения или уничтожения неверующих и раскольников. А именно, Бэкон уверен в том, что Антихрист был встречен племенем (*mamapov /Tartaros/*), которое призывало его в качестве Господа Богов. /34/ Согласно Бэкону, татары (*The Tartars*) принадлежали к другой расе, которая вторглась в южный мир вплоть до Святой Земли, тогда как готы и вандалы пришли с севера. Таким образом, запад окружен со всех сторон. Несмотря на то, что для Бэкона прибытие этих варваров, татаров, конечно доказывает, что Антихрист уже прибыл, его главное свидетельство этому оказывается во всем окружающем весь мир беспорядке. Следовательно, Антихристу известна вся тайная власть природы и он ею пользуется. Он применяет магию, а также использует механические изобретения, математику и геометрию и, конечно, философию. /35/ Философия – это одна из попыток Бэкона распределить роли до того, как противостоять Антихристу. Помимо “способности” философа осознать приближающуюся опасность (или, что она уже здесь со всеми своими знаками, “под боком”, но до сих пор не раскрыта), дать совет князю, Папе, или военачальнику, функция философа состоит в распространении научного знания и экспериментальной науки во все сферы общественной жизни. Задача Бэкона – раскрыть значение определенных открытий науки с целью защиты христианской империи от ее врагов */contra infidels et rebelles/*. Более того, философ Бэкон ведет исследование различных наук и настаивает на том, что их интересуют такие науки и открытия, которые принесли и еще принесут огромную пользу обществу и миру. То, что является самым важным для общества, и что философ определенно провозгласил и сформулировал, разрушает этот “принцип зла”, который подобным же образом прогресс науки использует “свободно и эффективно для того, чтобы он мог подавить и поразить власть этого мира”. /36/ Поэтому, одной из способностей Антихриста – вносить разрушительные силы в мир и таким образом отвлекать внимание мира от веры в то, что он является субъектом всякой опасности. Несмотря на этот факт, Бэкон отводит Антихристу важную роль в объединении этих варварских племен, которые *de facto* представляли реальную угрозу Церкви, и его (Антихриста) конфликт с философом имеет целиком интеллектуальный характер. Именно Антихристу принадлежит великая власть в использовании им науки, более великая, чем имели ее Аристотель, советник Александра Великого (Бэкон также упоминает Августина и различные описания завоеваний Александра). /37/ Бэкон намеревается не только перехитрить Антихриста, возможно впервые в истории, но также превзойти умения язычника Аристотеля быть советником, который, соревнуясь с дьяволом, “передал мир” */traduit mundum/* тирану Александру. /38/ Власть философа, который способен “отдать” мир политику или завоевателю, в значительной мере говорит об амбициозной натуре работы Бэкона и значении науки для военных целей. Рассказывая о многих чудесах, происходивших во время войн Александра Великого, Бэкон не упускает возможности упомянуть о мудром совете, данном Аристотелем, которым помог сотням тысячам смертных. Даже если и не ясно, какие технологические диковинки имел Александр, какие тайны Аристотель шептал ему на ухо, определенные описания количества жертв и грандиозные захваты территорий могли бы вновь сегодня стать актуальными.

Великая идея Роджера Бэкона, которая предполагала самую большую пользу сообществу и христианскому миру, поскольку она решала проблему скрытого террора, представляемого в качестве огромной бомбы (снаряда; Бэкон называет его *instrumentum*). /40/ *Instrumentum* создается, он производится (*struere* означает создавать)... он то, что должен быть снаряжен, снабжен. Этот инструмент, который уже создан, должен “на расстоянии разбить армии и укрепления”, /41/ убить еще раньше чем, враг соберется вблизи, /42/ создать ужасный шум, который породит страх (смысл, он реагирует на террор даже еще большим террором), и должен иметь взрывную силу, чтобы убить сразу как можно больше людей. Если эта идея будет в будущем принята Церковью, прелатами и князьями, и если различные науки (астрономия, геометрия, оптика, химия, математика и т.д.) были развиты и осуществлены, то это, конечно же, “сберегло бы христианскую кровь” */ut parcatur sanguini Christiano/* (вот почему важны гиперболы, связанные с количеством жертв и завоеваниями Александра). /43/ Это оружие

должно дать преимущество всякому, кто овладеет им, создать всеобщую асимметрию в отношении с врагом и, вероятно, явится совершенно симметричным и комплиментарным по отношению к террору, в котором Бэкон жил и который спровоцировал его фантазию. Источником этой идеи также является аналогия, которую Бэкон описывает в своей книге *Novum Organum*. /44/ Это игрушка, популярная в его время, популярная сегодня (вероятно только у мальчишек), всегда популярная: пугач ребенка (*ludicris puerorum*; *ludicrum* также означает сцену, игровую сцену, развлечение, *puer* – ребенок, в именительном падеже). Пугач (содержащий сжатый воздух, все что об этом говорит Бэкон) является одним из примеров, который помогает объяснить третье движение */motus tertius/*, свободу */libertatis/* (в качестве первых двух движений выступают “сопротивление” и “связь”). /45/ Движение, содержащее в своей сущности свободу, принадлежит телам, которые “стремятся избежать сверхприродного давления или напряжения и восстановить себя согласно подходящим их природе размерам”. /46/ Это изменение обозначает движение как спасение от напряжения и давления.

Но гораздо больше необходимо то (поскольку многое зависит от этого), что люди должны знать, что насильственное движение */motum violentum/* есть ничто иное как движение к свободе, то есть, бегство от давления к покою */scilicet a compressione ad relaxationem/*. (...) Действительно, тогда, когда каждая часть толкает следующую, одну потом другую, целое движется. И оно движется не только вперед, но и в то же время назад, части, таким образом, также стремятся к освобождению самих себя или к более равномерному распределению давления.

За несколько веков до Гоббса и его *Левиафана* Бэкон пытается детально описать разрушение (*deconstruction*) и взрыв Левиафана. Суверен (“целое”) разбивается на множество частей и это волевой процесс в котором каждая часть освобождается от могущественного целого, что может быть названо условием либерализма. Бэкон элегантно оставляет открытой возможность, при которой целое все же существует, но формируется совершенно различными способами и посредством “справедливого” распределения давления среди своих частей. Но почему это движение является насильственным? Потому ли, что целое прежде распалось? Потому ли, что некоторые части были принесены в жертву во время освобождения других? Потому ли, что некое другое целое или некое другое пространство пережило последствия этого взрыва или революции? Изменение в статусе целого возможно является тем, что послужило поводом Бэкону назвать это *motus libertatis* [освободительное движение] насильственным. Уменьшение давления между частями должно полностью деформировать целое, но не должно разрушить его. /47/ Таково величайшее значение. Наоборот, другой опыт в отношении взрывов, в котором обнаруживается понимание Ньютоном значения снарядов и великая ненависть к либерализму, лишь на время выражает согласие на изменение целого. Гегель упоминает бомбу в конце своей книге о естественном праве:

Таким образом, философия вовсе не берет частное для чего-то позитивного, именно потому что оно является частным. Напротив, философия поступает именно так, если частное достигло самостоятельности в качестве единственной части по ту сторону абсолютной связи с целым */sondern nur insofern es ausser dem absoluten Zusammenhange des Ganzen als ein eigener Teil Selbstandigkeit errungen hat/*. Абсолютная целостность ограничивает себя как необходимость в каждой своей сфере, выводит себя за их пределы как целостность и в сжатой форме воспроизводит там предшествующие сферы, подобно тому, как она предвосхищает последующие сферы. (...) Поскольку природа принимает эту форму, то она остается в ней, подобно тому, как снаряд внезапно толкает свою вершину и затем на секунду остается в ней */Wie die Bombe zu ihrer Kulmination einen Ruck tut und dann in ihr einen Moment ruht/*; металл при нагреве не делается мягким как воск, но сразу весь становится жидким и остается таким (...). Так же и становящаяся индивидуальность восхищается прыжком при вхождении в новую

форму, а также получает продолжительное удовольствие находясь в своей новой форме до тех пор, пока она постепенно не откроется негативному, а также к своему закату, внезапному и хрупкому */bis sie sich allmahlich dem Negativen offnet und auch in ihrem Untergange auf einmal und brechend ist./* /48/

Бэкон упоминает эту игрушку, “которая сделана во многих частях мира” */quod fit mulyis mundi partibus/*, временами начиняемую порохом, который вызывает взрывы и приносит детям радость. Это не игрушка в форме оружия или какое-либо оружие, о котором мы сегодня знаем; скорее, это прототип бомбы или фейерверка. Кажется, что эта маленькая оболочка размером с палец */ad quantitatem unius digiti/*, /49/ которая начинена порохом и которая брошенная на землю или на твердый объект, производит гул, взрыв /50/, шум, вспышку, запах и, конечно же, взрыв детского смеха и страха. Бэкон трижды упоминает эту игрушку, и в этих трех случаях он определяет ее по-разному, но всегда в контексте известного Гидеона (на этот раз не Александра), который был способен разбить лишь с тремя сотнями человек великую армию мидийцев. Фактически, это и есть начало использования греками огня. Бэкон рассказывает об этом событии, когда “разбиваются маленькие бутылки, и лампы, и огонь вырывается с превеликим шумом”, разрушая все, что было до этого. Более интересней, чем бесконечные споры и предположения относительно подлинных изобретателей пороха и подлинных истоков страха, которым был воодушевлен Бэкон /51/, наиболее вероятней является способность его фантазии объединить науку, легенду, страх и, конечно же, особое чувство (“чувство свободы” или возможно способность к возвышенному, о которой позднее пишут Берк и Кант), которое освобождает каждый взрыв, и которое он отмечал на лице ребенка. Следующее высказывание предвосхищает опередившие его века и объясняет великий проект, который должен завершиться открытием инструмента, который разрушает все страхи и в то же самое время бесконечно создает его:

“Вспышкой и горением огней и ужасом звуков */sonorum horrorem/*, чудеса могут изрешетить, причем на любом расстоянии, которое мы пожелаем – так, что человек может едва ли защитить себя или вынести это. Примером тому является детская игрушка из звука и огня */puerile de sono et igne/*, сделанная в различных частях мира с порошком */pulverem/* каменной соли, серы и древесного угля из орешника. Этот порошок заключен внутри инструмента из пергамента */instrument de pergamento/* размером с

палец, и поскольку это может сотворить такой шум, который серьезно расстраивает слух людей, особенно если он застает врасплох, и ужасная вспышка тоже весьма тревожна */et coruscation similiter terribilis turbat valde/*; при использовании инструмента большого размера */instrumentum magne quantitatis/*, никто не смог бы вынести ужас от шума и вспышки */terrorem soni, nec coruscationes/*. Инструмент, сделанный из прочного материала */de solidis corporibus/*, производил бы гораздо большее насилие */tunc longe major fieret violentia./*” /52/

Бэкон подчеркивает, что самое большое насилие от этого взрыва находится не столько в огне, которое сжигает людей и вещи, сколько в ужасе от шума, вспышек и сверкания.

Нельзя сравнить раскат грома с этими шумами. Некоторые из этих ударов так ужасны */tantum terrorem/* для зрения, что сверкания туч беспокоит его несравненно меньше.

Ужас пишет эти слова. Бэкон бесконечно настаивает на нашем всеобщем помешательстве и благодаря силе своего воображения, которое всегда готово для чего-либо более стоящего, он преодолевает каждый из наших возможных страхов (исходящих от шторма, грома, огня, шока и т.д.). *Instrumentum*, этот будущий фатальный взрыв (ожидаемый в течение десятилетий), вместе с множеством “детских” взрывов, которые уже произошли, кажется лишь *теоретической* реакцией на известный донныне террор.

Примечания:

1. Carlos Marighella, *Manual do guerrilheiro urbano (Minimanual of the Urban Guerilla)*, 1969. Бразильский революционер так определяет терроризм: “Терроризм – это действие, обычно связанное с пространством взрыва или зажигательной бомбы большой разрушающей силы, которое способно нанести врагу невозместимую потерю”.

Ленин, в своей статье “От обороны к нападению”, опубликованной в сентябре 1905 года, говорит о переходе от индивидуального террора к “военным операциям совместно с народом”. “Бомба перестает быть оружием “бомбистов” одиночек, и становится главным оружием народа. (...) Бомбы изготавливают везде и всюду. Их сейчас производят в России в более широких масштабах, чем кто-либо знает из нас. (...) Очевидно, материалы в России направляются на это. Просмотрите сводки в официальных газетах о бомбах, найденных на пароходах в багаже мирных пассажиров”. Ленин В.И. *Избранные работы*. Москва, Издательство Прогресс, 1972, т. 9, с. 284-285.

2. Энтони Коуди употребляет прилагательное “узкий” по отношению к теории терроризма Маригеллы, хотя Дэвид Роден двадцать лет спустя помещает это определение в работу “Тактические и операциональные определения” терроризма, так выразив им свое общее недовольство: “Ясно, что оно очень узко”. C.A.J. Coady, “The Morality of Terrorism,” *Philosophy* 60 (1985), p. 47; D. Rodin, “Terrorism without Intention,” *Ethics* 114 (2004), p. 753.

3. G. Radbruch, *Strafrecht II*, in *Gesamtausgabe*, Band. 8, 1998, S. 127.

4. В 1999 году ООН приняло конвенцию относительно финансирования терроризма. Конвенция содержит “эмбриональное определение” терроризма. J. Friedrichs, “Defining the International Public Enemy: The Political Stuggle behind the legal Debate on International Terrorism”, *Leiden Journal of International Law* 19 (2006), p. 74.

5. “Здесь (в Магометанстве) принципом было *la religion et la terreur* [религия и террор] подобно тому как у Робеспьера *la liberte et la terreur* [свобода и террор]”. G.W.F. Hegel, *Philosophy of History*, New York, Dover Publications, 1956, p. 358. См. также Г.В.Ф. Гегель. Лекции по истории философии. СПб, “Наука”, 1993, с. 375.

6. C.A.J. Coady, “Defining Terrorism”, *Terrorism. The Philosophical Issues*, ed. I. Primoratz, Hampshire-New York, 2004, p. 4.

7. “Внезапный террор, который потряс без видимой причины” /*terror - ужас*/. W. Von Wartburg, *Franzosisch Etymologisches Worterbuch*, Basel, 1966, Band. 13, Teil 1, S. 264.

8. M. Hughes, “Terrorism and National Security”, *Philosophy* 57 (1982), p. 5.

9. V. Held, “Legitimate Authority in Non-state Group Using Violence”, *Journal of Social Philosophy*, Vol. 36, № 2, summer 2005, p. 183.

10. Когда Иммануил Кант пытается определить моральный терроризм /*moralische Terrorismus*/ и террористический способ представления истории, он приводит пример лицемерия священников /*Geistliche*/, которые предсказывают всеобщее разрушение религии и скорое появление Антихриста и “и поступая так, они точно представляют, что необходимо, чтобы призвать его”. Моральный терроризм предсказывает, что человеческий род находится в непрерывном возвратном движении к безнравственности. “Роковой день у нашего порога; и благочестивый энтузиаст /*Schwärmer*/ с этого времени уже мечтает о восстановлении всех вещей и обновлении мира после времени, которое погибнет в пламени” /*im Feuer untergegangen ist*/. *The Conflict of the Faculties*, London, University of Nebraska Press, pp. 144-145.

11. Saint Augustine, *The City of God*, London – New York, Dent & Sons, Vol. 2, Book IV, chapter III, p. 115. “*Remota itaque iustitia quid sunt regna nisi magna latrocinia? quia et latrocinia quid sunt nisi parva regna?*”

12. “Царь спрашивает его, как он покоряет море, он простодушно отвечает: а как ты покоряешь весь мир /*ut orbem terrarum*/? Но поскольку я делаю это, пользуясь маленьким кораблем, меня зовут разбойником /*latro*/: ты же делаешь это благодаря своему огромному флоту и зовешься императором”. Ibid.

13. T. Nagel, “The Problem of global Justice”, *Philosophy & Public Affairs* 33, № 2, pp. 113-147.

14. Интересен совет Лейбница относительно сложной ситуации, когда суверен не может обеспечить безопасность, аналогичный размышлениям по этому поводу Гоббса. В письме г-ну Фалесо, написанном в Ганovere

8 июля 1705 г. он в первую очередь называет имя государства, которым пользовались латиняне */les Latins/, Respublica*, и говорит, что оно является крупным обществом, целью которого является всеобщая безопасность */la seurete commune/*. “Это позволяло субъектам принимать присягу верности врагу */de prester serment de fidelite a l’ennemi/* их хозяина, покорившего их, их же хозяин не был способен что-либо сделать для гарантии их безопасности”. *Die Werke von Leibnitz*, ed. O. Klopp 1884, Hanover, Volume IX, letter number CCCXXXI, 142-143.

15. Leviatan, *The English Works of Thomas Hobbes*, ed. W. Molesworth, London, 1839-1845, Volume III, p. 317.

16. “Деление по степеням страха */metum/* производится следующим образом: вялость */pigritiam/* как страх последующей работы (...) испуга */terrorem/* как парализующего страха, который вызывает бледность, дрожь и стучание зубами так же как и покраснение вызванное чувством стыда; боязнь */timorem/* как страх перед надвигающимся злом; ужас */pavorem/* как страх перед расстройством душевного равновесия; малодушие */exanationem/*... замешательство */conturbationem/*... Cicero, *Tusculan Disputations*, London, William Heinemann, 1927, pp. 346-348. В статье “Страх” (страх) в *Encyclopedie (1751-1765) terreur* [ужас] начинается когда страх (fear) сокрушает наш дух */abat notre esprit/*.

17. S. Von Pufendorf, *De Officio Hominis et Civis. Juxta Legem Naturalem Libri Duo*, New York, Oxford University Press, 1927, pp. 19-21, 99.

18. Спиноза в очень сложном фрагменте пытается демистифицировать этот террор. С одной стороны, он не должен быть возможным в правильно организованной республике; с другой стороны, критикуя Гоббса [Спиноза считает, что] эта разновидность ужаса не может быть побеждена империей или императором и этот террор является “причиной падения Римской империи”. “В правильно организованном государстве подобный страх возникает только по основательной причине */similis terror non oritur, nisi ex iusta causa/*. Вследствие чего этот страх и вызванное им замешательство */confusio/* нельзя приписать такой причине, которую могло бы устранить человеческое благоразумие”. “Однако в момент величайшей опасности для государства */in maximis tamen imperii angustiis/*, когда всех, как это обыкновенно бывает, охватывает какой-то панический страх */terrore quodam panico/*, все, не думая ни о будущем, ни о законах, считают приемлемым только то, что внушает страх */metus/*; они обращают тогда свои взоры на человека, прославленного победами, освобождают его от действия законов, сами удлиняют (это самое худшее) срок его властвования и доверяют его совести все государство.”, *Tractatus Politicus, The Chief Works of Spinoza*, Vol. I, London, 1883, chapter X, paragraph 10, pp. 383-384. См. также Б. Спиноза. *Сочинения: в 2 т.* СПб.: 2006, т. II, с. 327-328.

19. *Leviathan*, Volume III, p. 44.

20. De Cive, *The English Works of Thomas Hobbes*, Volume II, p. 6. “Ego ea voce futuri mali prospectum quelibet comprehendo”.

21. *The Whole Art of Rhetoric, The English Works of Thomas Hobbes*, Volume VI, pp. 456-457.

22. Эта часть является сочетанием высказываний из 1382a32, где Аристотель размышляет о близости опасности, которая является причиной страха, и фрагмента находящегося 10 строками дальше, в котором говорится о знаках, которые предвещают приближение “объекта” страха, находящегося вблизи, под боком. (Гоббс добавляет к этому слово зло). *The “Art” of Rhetoric*, London, William Heinemann, 1926, p. 202-203. Хайдеггер на весеннем семинаре 1924 года подробно анализирует именно этот отрывок относительно страха. Согласно Хайдеггеру, аристотелевское обозначение страха является парадигмой феноменологического описания, поскольку первый анализ посвящен тому, что такое страх сам по себе, а затем что такое страх для меня и для нас всех. *Grundbegriffe der aristotelischen Philosophie*, GA, Band 18, Frankfurt am Main, Vittorio Klostermann, 2002, S. 250-253.

23. Например, фрагмент из *Никомаховой этики*, где Аристотель говорит о мужестве: “А страх мы испытываем, очевидно, потому, что нечто страшное [угрожает нам], а это, вообще говоря, зло. Именно поэтому страх определяют как ожидание зла”. III, 1115a, London-Cambridge, W. Heinemann – Harvard University Press, 1939, p. 155. См. также Аристотель. *Сочинения в 4-х т.* М.: 1984, т. 4, с. 108.

24. Charles and Clifford A. Kupchan, “Concerts, Collective Security, and the Future of Europe”, *International Security*, Vol. 16, № 1, summer, 1991, p. 118.

25. “Обеспечение безопасности жизни и имущества граждан требует того, чтобы наблюдательные пункты полиции размещались на дорогах и улицах */die Aufsicht der Polizei auf den Strassenbau/*.” J. G. Fichte, *Foundations of Natural Right*, Cambridge University Press, 1992, p. 255. “Когда мы в безопасности идем ночью по улице, на нас не нападают, поскольку иначе и не может быть. Эта привычка к чувству безопасности */diese Gewohnheit der Sicherheit/* стала второй натурой...” *Hegel’s Philosophy of Right*, London, Oxford University Press, 1952, addition for paragraph 268, p. 282.

26. “Те, кто идут спать, закрывают свои двери; те, кто находится в пути, носят с собой мечи, поскольку они испытывают страх перед ворами. Государства охраняют свои берега и границы с помощью фортов и укреплений;

города обносятся стенами; и все это по причине страха перед соседними государствами и городами */urbes moenibus, tueri solent, metu vicinarum civitatum/.*” *De Cive*, Ibid, Volume II, p. 6.

27. 13 января 1945 года в гамбургской лекции Карл Шмитт говорит о конце “океанического пространства” */Ende des jzeanischen Raumes/*, которое унаследовано “воздушным пространством” */Luftraum/*. Северная Америка, *Quasi-Insel Nordamerica*, согласно Шмитту, становится *Luftimperium* [воздушной империей], которая правит всем миром, поскольку она граничит со всеми странами планеты. Обзор гамбургской лекции Шмитта имеется в дневнике Вильгельма Штапеля (Wilhelm Stapel) “Tagebuch, 13.1.1945”, *Schmittiana. Beitrage zu Leben und Werk Carl Schmitts*, Hrsg. Piet Tommissen, Berlin, Duncker & Humblot, Band V, 1996, S. 85.

28. “Государство не знает, что происходит внутри человеческого жилья; но оно должно обладать властью наблюдать за тем, что происходит на улице, которую человек должен, прежде всего, пересечь для того, чтобы войти в свой дом. Следовательно, граждане не могут собираться */versammeln/* внутри помещения без того, чтобы об этом знала полиция; и полиция имеет эту власть, так же как и право */die Macht habe, sowohl als das Recht/*, (поскольку улица подчиняется ее власти) предотвращать такое собрание */die Versammlung zu verhidern/*, если у них возникает подозрение.” J. G. Fichte, *Foundations of Natural Right*, p. 258.

В письме Гоббсу в 1674(?) году Лейбниц тщательно прорабатывает институцию *ius praeventionis* [превентивного права] в контексте права противостоять и оказывать сопротивление опасности, которая исходит от тирана: “... люди, видя надвигающуюся опасность, будут иметь право сплотиться в союзы” */coeundi in foedera illis qui periculo propinqui videntur/*. T. Hobbes, *The Correspondence*, Volume II, Oxford, Clarendon Press, 1991, p. 732, 735.

29. Первый пункт 11-ой статьи “Хартии Лиги Нации” предусматривает, что “Всякая война или угроза войны, происходящие непосредственно ли с каким-либо членом Лиги или нет, настоящим заявлена проблема, касающаяся всей Лиги”. Кант не делает ее ясной, если все обладают правом на (превентивное) вторжение или всякое (любое) государство, которое находится под угрозой и страхом, имеет на это право (Cf. Lectures “Jus naturale belli” from 1784, *Kant’s Vorlesungen, Vorlesungen uber Moralphilosophie*, Band XXVI, Berlin, Walter de Gruenter, 1979, S. 1372-1373). Другая версия этого правила присутствует также в книге Фридриха Прусского *Анти-Маккиавелли* с 1740 года (*The Refutation of Machiavelli’s Prince or Anti-Machiavel* [Опровержение “Государя” Маккиавелли или Анти-Маккиавелли], Ohio, Univ. Press, 1981, p. 161. В рукописи, опубликованной в 1848 году под названием *Refutation du prince de Machiavel*, этот параграф был изменен).

30. Турция для Лейбница то же, что Польша для Канта. В 1672 году Лейбниц пытается убедить Людовика XIV в завоевании Египта для того, чтобы раз и навсегда разгромить варварскую Турцию, самую большую угрозу для европейского единства. Понятием “hostis iniustus” [несправедливый враг] пользовались многие юристы до Канта, которые взяли его с городской стены Аахена. Согласно Канту, от Польши исходит опасность, она не заслуживает суверенитета и Кант сравнивает ее с Турцией в своей лекции по антропологии 1784/85 гг. Недавно Георг Каваллар, Сьюзан Шелл, Харальд Мюллер и Хайнц Герд Шмитц все писали о понимании Кантом “несправедливого врага”.

31. Гегель был осмыслен Сэмюэлем Ханеманном, изобретателем данного метода.

32. G. W. F. Hegel (1807), *Phenomenology of Spirit*, Oxford University Press, 1977, p. 272. Этот фрагмент является вариацией Гегеля на некоторые размышления Бодена относительно гражданской войны как лечения и противоядия.

33. Суверенитет – это организм. “Идеализм, составляющий суверенитет, есть то же определение, по которому в животном организме его так называемые части суть не части, а члены, органические моменты, изоляция и для себя пребывание [независимость] которых есть болезнь.” *Hegel’s Philosophy of Right*, paragraph 278, p. 282. См. также Гегель Г.В.Ф. *Философия права*. М.: 1990, с. 317-318.

34. R. Bacon, *Part of the Opus Tertium*, ed. A. G. Little, Aberdeen, The University Press, 1912, pp. 11-12.

35. Ibid, p. 17-19.

36. *The Opus of Roger Bacon*, Volume II, Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1928, p. 633.

37. “Et hac scientia mirabilis utetur Antichristus, et longe potentius quam Aristoteles, quia sciet plura longe quam Aristoteles.” R. Bacon, *Part of the Opus Tertium*, p. 54.

38. Ibid, p. 53.

39. “В своем походе на персов Александр имел 32 тысяч пехотинцев и 4,5 тысяч всадников, в то время как у Дария было 600 тысяч солдат. Александр потерял 120 всадников и девять пехотинцев” */et novem perdites defuere/*. *The Opus of Roger Bacon*, Volume II, p. 633.

40. R. Bacon, *Part of the Opus Tertium*, p. 51.

41. “(...) et ideo omnem exercitum, et castrum, et quicquid velit destruere, et non solum prope, sed in quamque distantia voluerit.” Ibid, p. 52.

42. “Более того, против недругов государства /contra inimicos republicae/ они (Бэкон имеет в виду ученых и их последние открытия) открыли важные искусства, так что без меча или какого-либо оружия, требующих физического контакта, они могли уничтожить всех, кто оказывает сопротивление. Существует множество такого рода изобретений. Некоторые из них ощущаются не одним чувством, или не только обонянием, и эти изобретения книга Аристотеля (Бэкон упоминает книгу тайн) объясняет изобретениями изменяющими воздух, но не теми изобретениями, о которых я говорил выше. Эти последние имеют различный характер, поскольку они воздействуют посредством заражения. Также существуют и такие, которые меняют какое-либо одно из чувств, и они становятся разнообразными в соответствии со всеми другими чувствами.” *The Opus of Roger Bacon*, Volume II, p. 629.

Слово “меч” отсутствует в оригинальном латинском тексте. Frankfurt am Main, Minerva GMBH, 1964, p. 217.

43. Ibid, p. 634.

44. *Novum Organum*, “Aforisms”, Book two, XLVIII.

45. Множество примеров следовало бы подробно изучить и в этой попытке необходимо реконструировать формы различных объектов упоминаемых Бэконом.

46. “Per quem corpora se liberare nituntur a pressure aut tensura praeter-naturali, et restituere se in dimensum corpori suo conveniens.”

47. Когда Мао Цзэдун говорит о “Месте антагонизма в противоречии” (О противоречиях, 1973) в своих политических сочинениях, подобно Бэкону, он описывает этот “переход” в другое состояние: “До ее взрыва, бомба является единственной сущностью в которых противоположности сосуществуют в данных условиях. Этот взрыв происходит лишь тогда, когда присутствует новое условие, зажигание. Аналогичная ситуация возникает во всех природных феноменах, которые наконец принимают форму открытого конфликта для разрешения старых противоречий и производства нового”.

48. G. W. F. Hegel, *Natural Law. The Scientific Ways of Treating Natural Law, Its Place in Moral Philosophy, and Its Relation to the Positive Sciences of Law*, University of Pennsylvania Press, p. 132.

49. R. Bacon, *Part of the Opus Tertium*, p. 51. В *Opus Majus* Бэкон сравнивает эту игрушку с большим пальцем человека /ad quantitatem pollicis humani/. P. 629; p. 218.

50. Оба слова связаны и дополняют друг друга. “Взрыв” и “бомба” тревожат звуком и чаще всего животных. “Гул” [boom] – это ономотопея [*греч.* звукоподражание], имитация того, что взрывается с очень громким шумом, также как и “мяу” есть имитация кошачьего мяуканья. За каждым “boom” скрывается взрыв. Если я грек, когда я произношу слово, которое содержит в себе “бомбу” /*bombos, bombo, bombile*/, то это ономотопея (соответственно, если я говорю “бомба” и не знаю греческого, это означает, что я слышал взрыв, остался в живых, и затем сказал “boom”, сказал “бомба”; смысл этот является ономотопеей взрыва). В греческом *to bombo* является не изменяющимся звуком, ономотопеей, варваризмом (*bombos*, глубокий звук, гул, жужжание; но это и то, что называется пчелами, или жужжанием пчел, “bumblebee” [“шмеля”] /*bombile*, по-гречески/). В *Протагоре* Платона (316a), автор описывает удивление Сократа во время встречи с Продиком, учителем риторики: “(...) считая его человеком премудрым и даже божественным; но из-за того что голос его низок, только гул /*fones bombos*/ раздавался по комнате, а слов его уловить нельзя было”. Бомба – это имя, посредством которого обозначается взрыв (*plaudo*, удар по-латински, *plodere* – ударять, но бить друг по другу; ладонью по ладони, аплодисменты). *Ex-plosio* или *ex-plaudere* означает действие во время охоты или группы преследующей животное, оно состоит из хлопания в ладоши и выкриков, которые в общем предполагают запугать животное и загнать его в ловушку.

51. Cf. J. P. Partington, *A History of Greek Fire and Gunpowder*, Cambridge, W. Heffer & Sons, 1952, p. 75.

52. R. Bacon, *Part of the Opus Tertium*, p. 51.

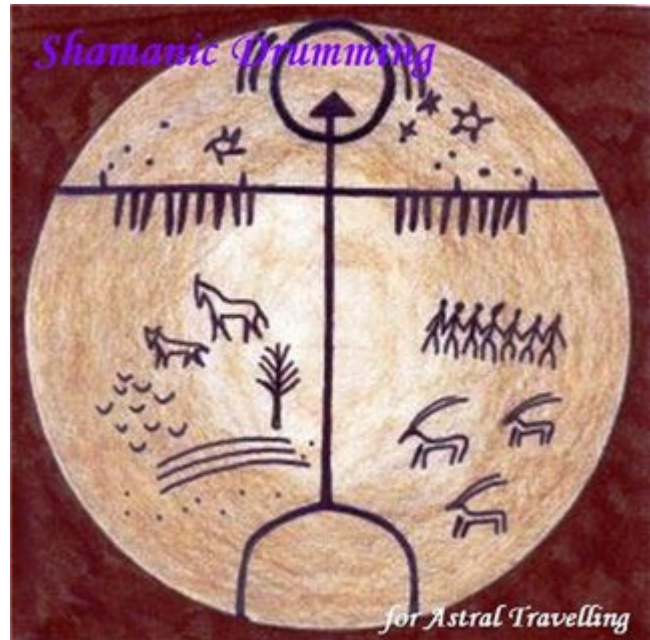
Перевод с английского Жаната Баймухаметова

Ауэзхан Кодар

ТЕНГРИАНСТВО В СВЕТЕ НОМАДОЛОГИИ ДЕЛЕЗА-ГВАТТАРИ

Номадология Делеза-Гваттари, хотя и проецирует в теорию образ жизни кочевников, ничего общего с наукой о кочевниках не имеет. Это можно объяснить положением Хайдеггера о том, что частные науки не могут осознать самих себя, им не дано посмотреть на себя со стороны. «Каждая наука основывается на определенных положениях о той области сущего, внутри которой покоится и движется соответствующее исследование. Эти положения о сущем (о том, что оно есть), очерчивающие и утверждающие данную область, суть метафизические положения. Их не только нельзя обосновать с помощью понятий и аргументации самой этой науки, но и нельзя даже адекватно помыслить» [1, с. 448-449].

В этом смысле проект номадологии – это проект, противопоставляющий себя проекту оседлости и культивирующий в себе черты, обратные тому, чему поклоняется оседлость. Благодаря этому Делезу-Гваттари удается выйти не только за пределы науки о кочевниках, но и вообще за пределы общепринятых ценностей европейской культуры. И только тогда вдруг открывается, что европейская цивилизация – цивилизация центра и вертикали, тотальности и симулякра. Но вместе с тем, такой подход позволяет выявить и возможность иной картины мира – не единой, а множественной, не рифленной, а гладкой, не централизованной, а децентрализованной, где люди не разделяют пространство, а разделяются в пространстве. Собственно, всё, что я перечислил и является

установками номадологии – теории, призванной описать кочевую картину мира, где мертвящей тотальности Левиафана-Государства противостоит, способная оцетиниться в любой момент «машина войны» кочевников.

Естественно, что в таком обществе и представления о религии должны быть иные и само представление о религиозности должно весьма отличаться от миропонимания оседлых религий.

По концепции Делеза-Гваттари, «абсолют не появляется в месте, а смешивается с неограниченным местом; слияние обоих, места и абсолюта, осуществляется не в централизованной, ориентированной глобализации или универсализации, а в бесконечной последовательности локальных операций»[2, с. 84]. И если монголы поклонялись Вечно синему небу, а древние турки Богу неба – Тенгри, это как раз тот случай, когда «абсолют не появляется (подчеркнуто мной, - А.К.) в месте», ибо тенгрианство – это не пророческая религия, т.е. не религия возвешенная кем-то, а – изначальная, традиционная вера, с которой тюрко-монгольские народы открывают на мир свои глаза, а что касается ее содержания, она «смешивается с неограниченным местом», т.е. с небом и...(землей). Я беру землю в скобки, чтобы вслушаться в следующие доводы Делеза-Гваттари, размышляющих об особенностях

религиозного мировосприятия кочевников: «У кочевников смутный (vague), буквально кочевой (vagabond) удовлетворяющий их «монотеизм», с бродячими огнями»[3, с. 84]. В подтверждение этой концепции можно привести известные строки из Большой надписи в честь Кюльтегина.

*Когда вверху сотворилось Голубое Небо (Небо-Бог)
А внизу – Бурая Земля,
Между ними сотворились сыны человеческие [4, с. 54, 178].*

Здесь если смотреть по вертикали, ясен примат Бога Неба, но в то же время эту картину невозможно представить и без двух других актантов – «бурой земли» и «сынов человеческих». Из этого можно заключить, что религиозное мировосприятие кочевников космологично, они не отделяют себя от мироздания, от всего космоса в целом. В этом плане и Бог неба – часть мироздания, он тоже в равной степени сотворен, как и все остальное. В таком случае невольно возникает вопрос – кто же тогда творец? Кочевое сознание попросту не задумывается над этим вопросом. Оно вообще функционирует в стратегии самоочевидностей. Поэтому все сущее для него – не творение, а самотворение. Мир существует потому, что он существует. Идея бога нужна для кочевника не в плане генезиса мира, а в плане могущественной силы, поддерживающей в мире иерархический порядок. Это можно судить и по приведенной выше цитате. В ней видна четкая вертикаль: в самом низу – земля, над нею – люди, и над всем этим небо, понимаемое как всеобъемлющее божество, покровитель всего, что под ним, или в Поднебесной. В подтверждение данной схемы можно также привести казахскую поговорку: «Иттің иесі болса, бөрінің Тәңірісі бар», на русский это можно перевести так: «Если над псом стоит хозяин, то над волком – Тенгри». Здесь мы видим, что кочевник четко различает животный и человеческий мир. Причем до того, что животный мир он делит на мир одомашненных животных и хищников. Примечательно также, что имя бога Тенгри всплывает в связи с миром хищников, а не с человеческим миром. Здесь мы на самых ближних подступах к тому, чтобы понять фундаментальную особенность религиозного мироощущения кочевника. Бог для кочевника – это грозная сила, усмиряющая дикие силы природы, но в то же время Бог не менее грозен и для человека. Это не теплый, домашний бог христианского мира, которому можно покаяться и тот все простит. Номадический бог, Бог Неба, насколько можно дальше отстоит от человека. Возможно поэтому для более оперативных отношений, кочевник входит в сношения с богами определенной местности или определенных сил. Здесь уместно будет в более

цельном виде привести цитату из Делеза-Гваттари: «...абсолют не появляется в месте, а смешивается с неограниченным местом; слияние обоих, места и абсолюта, осуществляется не в централизованной, ориентированной глобализации или универсализации, а в бесконечной последовательности локальных операций»[5, с. 84]. Иначе говоря, потребность в обращении к Богу у кочевника не постоянна, она возникает по мере возникновения тех или иных проблем,

решения тех или иных задач. Поэтому в кочевых сообществах не может быть единого культа, у одного племени может преобладать одно божество, у другого – другое.

Из древнетюркских источников известно, что к примеру, наряду с Кок-Тенгри существовали еще и Тенгри на пегом коне (Ala atly Tanrı) и Тенгри на черном коне (Kara atly Tanrı). Появление таких богов следовало ожидать, поскольку для кочевника путь, дорога – одна из главных проявлений его бытия и бытийности. А если вспомнить на сколь далекие расстояния продвигались кочевники, существование таких локальных богов обеспечивало ему защиту и процветание. Поклоняясь доброму пегому богу, он задобривал черного, недоброго бога. Здесь возможно и влияние манихейства, четко разделявшего мир на доброе и злое. Возможно, и знаменитая веротерпимость кочевников проистекала оттого, что религия для них не составляла всего бытия. Как бы в подтверждение этого Делез и Гваттари замечают: «...кочевники не являются хорошей почвой для религии; воин всегда «задирает» священника или бога. (...) У кочевников есть чувство абсолюта, но в высшей степени атеистическое» [6, с.84].

И все же был один срез в сознании кочевника, где вера составляла всю «целостность его бытия» (М. Бубер). Это – вера в аруахов, или, духов предков. С именем аруахов шли в битву батыры. Оскорбление по отцу считалось самым большим оскорблением. Оно смывалось только кровью. Следы этого культа уходят в седую древность. Геродот приводит ответ скифского царя Иданфирса персидскому Дарию: «Если же тебе нужно, во что бы то ни стало спешно вступить в битву, то у нас есть отчие могилы. Попробуйте найти их и попытайтесь разрушить, и тогда вы узнаете, будем ли мы сражаться из-за могил или не будем [7, с. 127].

Несмотря на кажущееся преувеличение обстоятельства, которое только и могло привести к изменению избранной скифами тактики, не подлежит сомнению, что в любом случае слова Геродота ясно свидетельствуют о чрезвычайно развитом культе предков у скифов. Культ предков, как известно, существовал практически у всех народов, однако степень его развития была далеко не одинаковой. Если у оседлых народов этот культ со временем исчезает, у кочевников он на все времена остался системообразующим фактором их религиозного мироотношения. Мы уже говорили, что тенгрианство – космологическая религия и, естественно, в этом качестве оно не могло обойти и мир мертвых. Это такая же составляющая тенгрианства как небо, земля и мир живых между ними. По верованию тенгрианцев, человека на всем протяжении его жизни сопровождает его двойник.

«Представление об индивидуальном двойнике отражало веру алтайских шаманистов в своеобразный круговорот, устойчивый и последовательный, существования человека... Структура круговорота такова. Жизнь каждого человека начинается с небесной зоны Вселенной, где она еще не имеет антропоморфной формы. Отсюда она посылалась божеством на землю в материализованной форме, например, в виде падающей звезды... Теперь наступал утробный период жизни человека, во время которого возникала связь с женским небесным божеством Умай, образовывались кости, тело, кровь. С появлением на свет, первым признаком которого было «дыхание» (тын), наступал период пребывания человека на «лунно-солнечной земле» (ajlu-kundu jer), до самой его смерти, пока не «обрывалось дыхание» (тын uzuldu) (...). Вместе с ним рос и выросл его двойник, который до самой смерти человека был неразрывно связан с его телом. Во время смерти двойник... покидал тело и возвращался к божеству» [8, с.30]

Таким образом, человеческая жизнь берет начало в небе и возвращается в небо. Тюркские рунические надписи говорят об умершем «ушты» - «улетел», «отлетел» [9, с. 54, 178]. Тем самым, он превратился в аруаха, или духа предка, который теперь как часть небесной силы наблюдает за своим потомством и покровительствует ему. Здесь примечательно то, что по-казахски и душа, и жизнь обозначаются одним словом «жан». «Жан» - это еще и синоним живого человека. Вышеупомянутый двойник и есть этот «жан». Об умершем казахи говорят «жаны шыкты» - «душа вышла». Как видим, у казахов наблюдается соположение жизни и души в одной плоти. Над природой этого явления в связи с философией Ницше напряженно

размышлял Хайдеггер. «Жизнь живет тем, что она плотствует (...). То, что мы знаем как плотствование живого организма так же просто и темно, как и то, что мы знаем как гравитацию, силу тяжести и падение тел, однако первое есть нечто совсем иное, соответственно, более существенное. Плотствование жизни не есть нечто обособленное в себе, заключенное в какое-то физическое «тело», каковым нам может показаться *наше* тело: на самом деле оно одновременно – прохождение и пропуск. Через это тело струится поток жизни, из которого мы ощущаем только малую и мимолетную долю, да и то в соответствии со способом восприятия того или иного телесного состояния. В этом потоке жизни само наше тело или ввергнуто в него и парит в нем, или, напротив, оттесняется на его край. Тот хаос сферы наших ощущений, который мы называем сферой существования нашего тела, представляет собой только один фрагмент того великого хаоса, который есть сам «мир» [10, с. 488-489].

Такое ощущение, что в этом высказывании Хайдеггер схватил самую суть тенгрианского мирознания, как непрерывного потока витальности, где человек всего лишь часть этого потока.

Тенгри – имперсональный бог, религиозное чувство кочевника доиндивидуально, оно – часть коллективного эгрегора и только в поклонении аруаху оно определенным образом индивидуализируется. Но аруахом становятся не сразу, должно пройти какое-то время по происшествии которого умерший предок превращается в символ рода и средство его идентификации. Теперь это родовой Тенгри и пусть Кок Тенгри сколь угодно далеко, «свой» Тенгри всегда рядом. Для того, чтобы он помог, не надо даже молитвы. Достаточно преисполниться духом предка, чтобы он «вселился» в тебя. И тогда нет преград, которых не взял бы батыр. По преданию, казахский хан Аблай, ранее известный под именем Абильмансура стал великим героем тогда, когда вспомнил славное имя своего деда, которого звали Аблай [11, с. 36]. Он помчался в бой возглашая его имя и это принесло ему победу. И в честь этой победы ему присвоили имя предка.

Таким образом, тенгрианство – это традиционная религия кочевников, где понятие абсолюта сливается не только с местом, но и с теми, «кто разделяется в пространстве» в «бесконечной последовательности локальных операций».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мартин Хайдеггер. Ницше. Том 1. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2006.
2. Жиль Делез, Феликс Гваттари. Тысяча плоскостей. Капитализм и шизофрения. Перевод с французского Б.Г. Нуржанова // Тамыр, 2007. - №1.
3. Там же.
4. Цит. по: Стеблева И. В. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. М., 1976.
5. Жиль Делез, Феликс Гваттари. Тысяча плоскостей. Капитализм и шизофрения. Перевод с французского Б.Г. Нуржанова // Тамыр, 2007. - №1.
6. Там же.
7. Геродот. История, т.IV. Алматы. 1999.
8. Потапов Л.П. Алтайский шаманизм / Леонид Павлович Потапов; Отв. ред. Р.Ф. Итс. - Ленинград: Наука, 1991.
9. Цит. по: Стеблева И. В. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. М., 1976.
10. Мартин Хайдеггер. Ницше. Том 1. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2006.
11. Ел аузынан. – Алматы: Ана тілі, 1996.

Ауэзхан КОДАР

ВОСТОЧНЫЕ КОРНИ РУССКОЙ ДУШИ (О ПОЭЗИИ СЕРГЕЯ ГОНЦОВА)

В русской поэзии, как это ни удивительно, редко встретишь стихи с восточной окраской. Вспоминаются разве что блоковское: «Да, скифы мы, да, азиаты мы...» или есенинское: «О, Азия, Азия, голубая страна/Посыпанная пылью, песком и известкой/Там так медленно катит по небу Луна./Поскрипывающая колесами как киргиз в повозке/».

Но даже эти стихи скорее декларативны, чем исповедальны, или исторгнуты подлинной потребностью духа. Однако поскольку Россия действительно совместное творение Азии и Европы, такой поэт должен был появиться и появился в последней четверти прошлого века. Не случайно также, что его дарование открыл сам Виктор Астафьев, самый взыскательный из русских писателей. Составляя антологию современной (на тот момент) поэзии (кроме литераторов Москвы и Ленинграда, тех он не брал в расчет) мэтр с особой теплотой отозвался о подборке стихотворений молодого поэта Сергея Гонцова в альманахе «Поэзия» 1984 г. Потом была целая «книжка в журнале», или публикация в 1990 г. в очень популярной тогда «Литературной учебе».

С тех пор имя Сергея Гонцова - одно из значительных имен в российской поэзии. И хотя Гонцов родился в Южном Зауралье (он – потомок древнего боярского рода), его дед служил в крепости Верном (это современное Алматы), а отец, тоже, как и дед, офицер, исколесил Казахстан и Среднюю Азию от Кара-Кумов, Ферганы до Кушки. Как видим, будущий поэт уже своим рождением и происхождением был связан с Азией и Сибирью, которая и вовсе гремячая смесь евроазиатского синтеза. Из всего этого со временем получилось так, что по существу, Гонцов стал открывателем азиатской Атлантиды в русской ментальности. Вот как писал о нем критик Владимир Славецкий: «Юный гигант, богатырь, великодушный и одновременно уверенный в неотразимости своего великанского обаяния, странствовал по миру. И странствие души развертывалось на слишком большом пространстве, чтобы всматриваться в детали». Возможно, так было в начале его пути. У Гонцова, действительно, встречаются стихи, написанные большими мазками, но меня привлекло к его поэзии как раз внимание к деталям и подробностям. Если хотите, эстетика персидской миниатюры, или китайской живописи. Давайте присмотримся к его стихотворению «Вечная битва».

*Битва с драконами на мосту
Продолжается много лет, -
Синяя река играет внизу,
От листа к листу благоуханный свет
Течет, - вырастает лес,
Ряжесные рубят вековые стволы,
Творец спускается с низких небес,
Озаряя мировые углы
Светом истины, добра, любви,
А на великолепном мосту
Дракон и герой по колена в крови
Бьются за неслыханную красоту. (Выделено мной – А.К.)*

В этой картине столько света, цвета, запахов и оттенков, что возникает ощущение целого мира и твоей включенности в этот мир. И тебя не отталкивает даже то, что на этом великолепном фоне идет битва, или, по сути, война. Не отталкивает, ибо дракон и герой бьются «за неслыханную красоту». Примечательно, что автор не отказывается в притязании на красоту даже дракону, самому отрицательному персонажу всех сказок и мифов.

Когда я впервые прочитал это стихотворение, мне вспомнилась притча о Чингисхане и красавице Гюрбельджин, царице тангутов.

Говорят, что однажды великий каган выехал по первому снегу на охоту. Снег напоминал первый день творения, сверкал и искрился, восхищая своим великолепием. И до того это понравилось царственному охотнику, что он спросил у своего спутника:

- Что может быть белее этого снега?

- Только красавица Гюрбельджин... - вкрадчиво ответил спутник.

Это до того впечатлило грозного полководца, что он пошел и завоевал Тангут. В этой легенде Потрясатель Вселенной предстает вполне земным человеком, способным зачароваться красотой и природы, и земной женщины.

Так и Гонцов в своем стихотворении переносит событие из плоскости этики в пространство эстетического и добивается восхитительного эффекта погружения в героическую архаику, где нет ничего невозможного, где сосуществуют боги и люди, птицы и ангелы, где все говорит со всем и перетекает во все. Для Гонцова вообще не присуще соблюдение грани между реальным и ирреальным, сном и явью, настоящим и прошлым. Для него это все – огромное сегодня, удостоверяющее себя как раз тем, что ему ничего не чуждо. Однако все, что существует, подлежит именованию. В этом плане для Гонцова вся предыстория человечества есть история Востока. Это можно назвать настоящим открытием. И не только в поэзии. Поскольку для него Восток – не географическое понятие, а временное. Это стадия мифологического развития человечества, которая больше не повторится. На мой взгляд, понимание этой уникальности делает уникальной и поэзию самого Гонцова. Кроме того, в наше время, время всеобщего увлечения евразийской идентичностью России, Гонцов – абсолютно востребованный автор, реанимировавший в своей поэзии еле брезжащий древний облик своей великой страны.

СЕРГЕЙ ГОНЦОВ

ВОСПОМНЯНИЕ МОСТИЦЫ

Встану и миром пойду,
Чуть заграждая рукой
Пламя свечи, как звезду.
Господи, кто я такой?

Ночь возвращает стада.
Вьется туман над рекой.
Крепче не видно моста.
Господи, кто я такой?

Запах цветов и травы.
Бор, точно царский покой.
Хоть не сносить головы,
Господи, кто я такой?

Зыблется тысяча лет.
Листья шумят под ногами.
Если ты знаешь ответ,
Господи, кто я такой?

Конь белоснежный впотьмах.
Дети, старуха с клюкой.
Страшный собор на холмах,
Да незнакомый, другой.

Понял я, скорбь не тая,
Горе на крепкой земле.
Господи, это же я
В городе или в селе...

В КРАСНОМ ТЕРЕМЕ

В полночном тереме неточная свеча.
И киевский боярин тонколикий
В провал окна глядит из-за плеча,
В раскол времен, пленительный и дикий.
Кусать перо и мыслить надоест,
И век измеренный постигнув беспробудно,
Взор вознесет на темно-алый крест
И смотрит долго, холодно и чудно.
Востоком Ксеркса твердь обнажена
И Западом разорвана всевещным,
И нет Христа, и вьется тишина,
Колблемая промыслом зловещим.
Он знает мир, и впору зарыдать

Над суетным законом вечной славы,
Во мгле последней чужа благодать,
Чьи пересвисты дики и кровавы.
Небесные съезжаются возы.
Всенощных женщин легкое дыханье
Окрест сквозит, и зарево грозы,
И время, вдаль бегущее, кабанье.
Густеет пустота вокруг свечи.
Качаются немислимые тени.
“Великий мир! - он скажет. - Замолчи!
Я расскажу об Игоровом плене”.

ВЕЧНАЯ БИТВА
(в духе древних миниатюр)

Битва с драконами на мосту
Продолжается много лет, -
Синяя река играет внизу,
От листа к листу благоуханный свет
Течет, - вырастает лес,
Ряженные рубят вековые стволы,
Творец спускается с низких небес,
Озаряя мировые углы
Светом истины, добра, любви,
А на великолепном мосту
Дракон и герой по колено в крови
Бьются за неслыханную красоту.

Три Ангела вокруг чаши золотой,
И дом, и древо, и скала, —
Ты видишь мир божественно-простой,
И этим складкам несть числа.

Еще земная ткань напряжена,
И даль строптивей, чем онагр, —
Но милостью печаль разрешена,
Простор таинственен и наг.

Цветенье множества измерено теперь,
Могущество, как точка, стеснено,
Теченьем света приоткрыта дверь,
И светится горчичное зерно...

ВЗЯТИЕ ГОРОДА

в духе древнерусских миниатюр

Взятие города, – рубятся эти и те,
В золотой неподвижности обозначая край
Великого бытия, а на червленом щите
Лучшего ратника, – изображен рай, –
Несущий ключи встречает за ратью рать,
Птица Сирин, раскачиваясь на когтях,
Поет о том, как шли они умирать, -
А Богородица поднимает Дитя;
Кони совершенны, - шлемы горят
На солнце в виде отрубленной головы,
Взятие города, – вечен за рядом ряд,
И золотая ящерица глядит из травы...

ДОМ И САД У ДОРОЖИ

Темная прялка в светлом углу,
Всемирное колесо, потерявшее ход, -
Юная Парка выбрала ткань, иглу,
Пространство мира устраивая наоборот.

Прекрасна и увертлива, как чистый дух,
Она тебя сделает тем, - кто ты есть, -
Вся - зрение она, вся - совершенный слух,
И число великолепное, которого несть.

А когда ты скроешься в темных веках,
Возвращаясь в Коринф или Царьград, -
Внезапно поймешь, что ее несешь на руках,
Плачущую, как в парчовом ненастье, - сад.

К ЗЕМЛЕ

Мне кажется, я знаю, что отсюда
Нам не дано уйти, и навсегда
Вот этот путь кремнистый, и вода,
Текущая на волю из-под спуда,
Как знак незавершенного труда;
И Ангела труба над мраком башен,
Звук радостно-глубокий, как руда,
Чей смысл от века благодатно страшен,
И тысячи долин, и эти города,
Как царственная сыть старинных брашен;
А если я уйду, то воротиться
Придется начерно, и этот легкий шаг
Привычен мне, и дорассветный мрак,
И странное желанье – воплотиться,
Минуя дуб и одолев овраг;

Вот церковь древняя, эпохи Иоанна,
На царственном холме, или Петра
Собор гигантский, вспомнить не пора,
Но даль пространств всегда благоуханна,
И пахнет небом темная кора;
И разве одинок я в этом мире?
Ведь теснота оков, что мне дана,
Сулит свободу, что светлей и шире
Пространства целого, гремящего на лире,
Без времени, худого, как война;
Все кто-нибудь со мной, и невозможно
Явь от виденья тайно отличить,
Видения от яви, вьется нить,
Блестит алмазом, и велит оплошно
Два мира поскорей соединить...

Дни, точно рубище, убоги,
Но так юрода быстрый взгляд
Закат веков – за рядом ряд –
Приводит в крепкие чертоги.

За сотни верст от Новуграда,
Вино из чаши расплескав,
Пожар угасит, повесть рада,
Что слишком худ его рукав.

Что он рождён на десятине,
Где встал Елоховский собор,
Всемирной отданный долине
Связать неслыханный раздор.

И здесь, где мерзость заустенья,
Есть цвет, что Бог не уравниал,
А наугад, – с небес ронял, –
Как дар ужасный тайнозренья...

ЧАША

Подожди, я не знаю, что будет со мной.
Дай взглядеться во мрак, рассеченный грозой,
Дай отпить на прощанье из чаши земной,
Из серебряной чаши с горючей слезой.

Навсегда! Навсегда! Это – надо понять.
Плещет мгла через край, как шумит Океан,
И рукою не двинуть, и глаз не поднять, –
Этот остров уходит, уходит в туман.

Этот дом островерхий в лиловом кольце.
Этот сад расцветающий, белый, пустой.

И таинственный лес, и отец на крыльце,
И тревожная мать под вечерней звездой.

Влажно-дымчатый вихрь налетает на склон
И торжественно, страшно скрывает от глаз
Все, что создал от века незримый Закон,
Безначальным прощаньем возвысивший нас...

ДВА ТОЛОСА

– Отдыхающей птице, – сказал, – не восстать
От всемирного сна, тяжела её ноша.
Этим сказочным крыльям печально блистать,
Над лесной тишиной, над дорогой полнощной.

– Отдыхающей птице, – сказал, – всё равно, –
Чем приволье богато, что в мире творится.
Всё, что птице приснится, – свершилось давно,
Разве древняя воля, – теперь повторится?

– Отдыхающей птице, – сказал, – сто веков,
Это ком Благодати, – Плуг, Молот, Твердыня, –
Всё, что здесь ты возьмёшь, только тайна оков,
Разве трудно понять, что достойней – Пустыня?

– Отправляйся на волю, где бродит Дракон, –
Где на каменных рёбрах миров первозданных,
Над поверхностью дней, – всё сплетает Закон,
Как Великий Паук, – для убогих и странных.

– Отдыхающей птице, – скажу, – равных нет, –
Всё, возьмёт, как булат, всё измерит, как золото,
Видишь, дремлет она для того, – чтоб стал свет,
А могучее Древо, – как Бездна, – крылато?

КРЕСТИ В ТОРАХ

Я ничего не знаю об искусстве
И музыкой случайно дорожу, —
Как Ангелом, но даже в скорбном чувстве
Печали никакой не нахожу.

Любая вещь берется ниоткуда
И частью возвращается туда,
И трудно знать, в чем содержанье чуда, —
В том или в этом случае всегда

Мы числами замучены, как дети
Чужой заботой, но уже сейчас
Вселенная разбрасывает сети,
Которые случайно любят нас.

Наверно, есть какие-то приметы,
В которых Дух Творенья говорит, —
Нас окружают чудные предметы,
И часть из них потомков покорит.

САЖЕНЕЦ, КЕДРА

Как-то дивно выходит на свет
Этот век, и соборный, и юный,
Точно саженец кедра, – в ответ
На утраченный, редкостный цвет,
Где шумели другие кануны.

Всё сойдётся в могучем стволе,
Даже то, что казалось потоком,
Безысходно гремящим во мгле.
А сейчас на старинной земле
Он стоит, укрепляемый Богом.

Не случайный, как новый канон,
Из стихий изготовлен великих,
Точно слово чудесных времен,
Точно ход неизвестных племён,
Перед сонмом, внезапных и диких...

Он с мизинец, но чудно широк,
Как дитя, что узрело когда-то
Вечный мир, чтоб исполнился срок,
Откатился нездешний оброк
И явилось тут всё, что крылато.

ЛАСТОЧКА

I

В ней все угоды воплотились
И неизвестно – кто она, -
Столетия тут остановились,
Как белогрудая волна,
Сжимаясь в замысел мгновенный
И в этот полдень золотой,
С подбоем мрака, с высотой,
В которой низ благословенный,
Как это странное гнездо,
А в нем – и музыка и слово,
И свет, и мрак, и дней основа,
И звук вселенной молодой;

II

Ты, ласточка! В тебе виденья
Снуют, но без определенья;

Ты – это ты, хотя изгиб
Чудесных крыл из той эпохи,
Когда гнездились полубоги
На крыльях исполинских рыб;
В тебе все странно, все случайно,
И невозможно пренебречь
Ничем; ни явно и ни тайно;
А все понять – что в землю лечь
Или небес достичь лиловых -
Одновременно, - наша речь
На крыльях зыблется готовых...

ВСТРЕЧА

Прощание с древностью то же, что странная встреча с ней,
Когда идешь наудачу в глухое царство теней, –
Орфей ты, а на дороге встречает тебя Плутон,
Оттуда несущий истину, поветрие и закон.

Тот путь твоим оказался, как только ты встретил его,
Идущего с пальмовой ветвью, не взвидевшего ничего, –
Смеющийся вполоборота рыжебородый гигант
В тебе уловил недаром свой гений и свой талант.

Признаешь себя во встречном, он весел, мудр и силен,
И картой извиистой ада, промеренной, не утомлен, –
Но путь его дальноконный, таинственный и простой,
Овеян почти безбожной, неизбранной красотой.

Два мира потусторонних на пыльной тропе сошлись,
Над каждым возобладала алмазная спелая высь;
Пьют пыль зловредные бесы и с той, и с другой стороны,
И грешники в передвиженьи – и здесь и там – стеснены.

И ты сатану не взвидел, а что для него сатана, –
Про то восхищенно глаголет идущая вслед стена,
Подобна стене китайской иль цареградской стене,
Но истина, как повсюду, живет в кипучем вине.

И ты бурдюк подвигаешь, и он достает бурдюк,
Ты видишь косматый Север, а он – впечатленный Юг, –
Два ветра гром раскатали, когда ты сделал глоток,
Тогда проявился Запад, и разом возник Восток.

Он пил за вашу удачу, но это же делал ты,
И были так странно знакомы невиданные черты,
Вы оба пришли из бездны, привел вас неведомый Бог
На это сплетенье стилей, дорог, просторов, эпох.

ПРОЩАЙ, ВЕЛИКАЯ СМУТА!

С приметами полной смуты нечаянно мы разочлись,
То куст можжевельный встретишь, то видишь синюю высь,
А пыльной бури всевещной в простор ушла пелена,
Ведь боги сказочных истин, вот боги на все времена.

Мы все тут живем на вулканах, и время от времени прах
Выходит из адской бездны – возлечь в лесах, на горах,
Но всей геометрии адской, как водится, грош цена,
Ведь боги сказочных истин, вот боги на все времена.

С Востока и с Запада чудно влечется гнилой туман,
Наверное, это песня, – каких-то загробных стран,
Но Меч в холме шевелится, но Камень объемлет Волна,
Ведь боги сказочных истин, вот боги на все времена.

И Смута имеет изнанку, в которой вся тайна земли,
В ней сумерки чистого духа и листья в алмазной пыли,
И всюду, куда ни помотришь, одни горят Письмена,
Что боги сказочных истин, вот боги на все времена.

Я видел, как адский поезд тянулся на божий свет,
Как лязг и грохот мешались с весельем старинных бесед,
Как он же, в разобранном виде, катился, отведав рожна,
Ведь боги сказочных истин, вот боги на все времена.

Колеса гремели отдельно, а рядом летел Машинист,
Рогатый и старший из бесов, под встречный дьявольский свист,
А следом выводок адский все шпалы счел полотна,
Ведь боги сказочных истин, вот боги на все времена.

Они приходят внезапно, как только ты вспомнишь про них,
Но если забудешь, но если, – ты станешь скликать других,
Как только дикие силы пойдут – с океанского дна...
Но боги сказочных истин, вот боги на все времена.

Дитя и Верблюд – из пустыни – вернули, что стоит вернуть,
Ведь даже стихий повелитель утратил начертанный Путь,
Я видел, как взором Гафиза за ними струилась Весна,
Ведь боги сказочных истин, вот боги на все времена.

Мне кажется, я поверил, что мы не умрем никогда,
Поскольку нас не было прежде, но были Огонь и Вода,
А значит не многого стоит раздольный наружный шум,
Но царственны первые грозы, ведь Гром – Совершенный Ум.

Я Смуту любил, как Деву, как женщиной – Смутой владел,
Ведь это на Божием свете – в начале всех истинных дел,
Но Храм не построишь на Смуте, пока не отчалит она,
А боги сказочных истин, вот боги на все времена.

Прощай, великая Смута! Я долго не стану гадать,
Откуда ты проявилась, ведь следом идет Благодать.
А это – царская тяжесть, а это – другая страна, –
Ведь боги сказочных истин, вот боги на все времена.

КОНЕЦ ПОСЛЕДНИХ ВРЕМЕН

Я заметил, что время окостенело
И вовсе к пределу не стремится,
И последних времен обстоянье
Как-то скорбно заглохло.

Но зато почудилось ненароком,
Что Паровоз, как дракон, развернулся,
И состав с чудовищным лязгом
Покатился обратно.

И кого только нет в вагонах,
Вот кикиморы с ведьмаками,
Президенты, цари, драконы,
Все беседуют мирно.

С подколодной змеей печально
Обнялась могильная жаба,
Потому что сплошное бессмертье
Ни с чего наступило.

Заболоцкий с Платоновым вместе
Глушат старый портвейн московский,
Потому что этрусский редактор
Ценит только латинскую прозу
В переводе на древнеордынский...

ПИСЬМЕНА

Между Западом и Востоком.
Поперек того и другого
Начертал Творец наудачу
Письмена золотые.

Но сначала Он цвет посеял
Потому что без цвета
Не живет никакое слово,
А томится под спудом.

Но рабочий Ангел увидел
На великом пути возвратном,
Что семян в небесной корзине
Стало больше, чем было.

И тогда расторопный Ангел
Опрокинул Корзину
И легко семена полетели
Поперек мирозданья.

Между Западом и Востоком
Разогнулось пространство,
И тогда небесный Строитель
Сам пришел с письменами.

Он повсюду одновременно
Молодыми перстами
Письмена золотые рассеял
И рогожей укутал.

Кто зовет Голубиной Книгой
Эти тайные знаки,
Кто никак не зовет, а просто
Над загадкой томится.

На земле сидит, как в темнице,
И решетку незримую пилит,
А когда распилит решетку.
Так рыдает от скуки.

Он просунулся в мирозданье,
Он увидел мильон созвездий,
А хотел увидеть другое
Над проломленной сферой.

А увидел он то, как выполз
Из большого пролома,
И своей поразился мощи,
И заплакал от горя.

Зря извел великую силу
На никчемное дело,
Зря пилил, и ломал, и резал,
Что попало под руку.

И Творец ему отвечает:
«Не рыдай Мене, человеце,
Не зови того, что не знаешь,
Словом презренным».

«А зови все, чего не знаешь,
Как ты сам пожелаешь,
Но храни, человеце, желанья,
А не то оскудеешь».

«Что ты лез на рожон, человеке?
В тень почто обратился?
Ты почто сам себя в темницу
Засадил от печали?»

«А за то, что вышел на волю
Дам тебе я награду,
Письмена золотые открою,
Коли захочешь».

ВИНА. К ЕЛЕНЕ

Как век осьмнадцатый с “виват”,
Мой крик, пустой расшитый славой:
“Я виноват! Я виноват!”
Да в чем же, в чем же, Боже правый!
Но изощренная мечта
Меня заставила виниться,
Что - как огонь - она пуста.
А после плакать и дивиться.
Я виноват, что недопил,
Недоиграл, недозаврался,
Недозабыл, недолюбил
И перенедособирался.
Недораспущен, недогруб,
Не первый из земных чудовищ.
И не пророк, хоть с этих губ
Слетали призраки сокровищ.
Из лучших худший, из других
Я лучший - о спешите видеть!
Я помню древние долги,
Умею ждать и ненавидеть.
Я слишком весело люблю
И слишком горько забавляюсь,
И слишком набожно молю,
И слишком дико удивляюсь.
Я виноват, что перечел
В трехсотый раз “Хаджи-Мурата”.
Я виноват, что перешел
В свой круг волшебный без возврата.
Что я изящен, весел, дик,
Что легок на подъем и руку,
Что дивно темен мой язык,
Но узнают его по звуку.
В меня с пеленок влюблена
Жена чужая - блеск и прелесть.
А пуще прочего вина,
Что вся вина - пустая ересь.
Я виноват, что всем богат.
Меня ничем не обделили.

Я виноват, что виноват.
О жизнь! Что мы не поделили!
Я виноват, что волшебство
Шумит из призрачных столетий,
Что я не вижу ничего
В пыли бытующих наследий.
Я виноват, что я устал
Во мраке оскверненных храмов.
Я виноват, что мне блистал
Не Солженицын, так Шаламов.
Какая дивная вина!
Я вечно прав, вот что тревожно.
Как будто веет глубина,
И явственно, и невозможно.
Как будто все мы хороши,
Землей прощенные заранее
За баснословный ворох лжи
И за скрижали на экране.
Нас научили знать и быть.
И впрок великое ученье.
Я разучился мир любить.
Молчи! Не надо утешенья!
Я разучился всех прощать,
Пусть все, что есть, амбивалентно,
Пусть все, что есть, несет печать,
Как знак фабричный кинолента.
Я этим всем ни брат, ни сват,
Ни пращур, ни кумир, ни идол.
Я виноват! Я виноват!
Вот все, что я в толпе увидел.
Во мне горит другой огонь.
Другое время ум тиранит.
Да на моей твоя ладонь,
И твой зрачок меня дурманит.
Я на руки тебя возьму.
Ты - девочка моя. Ты - тайна.
Весну и свет, вину и тьму,
Ты подарила мне случайно.
“Не надо, - скажешь, - тяжело.
Я - вся твоя и тем чревата”.
Я виноват, что повезло,
А ты ни в чем не виновата...

АУЭЗХАН КОДАР

ПТИЦЫ И АНГЕЛЫ

В ПАРИЖЕ

I

Ах, Париж, ты не юн, ты уже перезрел, переспел!
Все равно ты – Парис, ты вон также как он белотел!

Твоих улиц, Париж, невозможно роенье унять!
О, твой символ не крест, а Парижа Священная мать!

И пусть всюду – огни, вылезает везде пляц Пигаль,
Ты из тех, кто избрал своим вектором высь или даль.

Только Сена одна выдает твое множество лет,
Только Лувр один охраняет искусств всех секрет!

Твоих улиц меня поражают уют и покой,
О, Париж, ты паришь с башней Эйфеля над суетой!

Эта башня твоя – из грядущего пылкий искус,
А грядущего нет, только кладбище всяких искусств.

Ты все сны пережил, все искусства познал ты на вкус,
И теперь мирно спишь, подкрутив по-флоберовски, ус.

Мы повсюду парижи, избыток истории, но
Наше сердце забьется, забравшись однажды на дно.

Убежав от избытка артефактов, машин и банкнот, -
Наше сердце забьется и снова работать начнет.

Снова выдохнет: «Господи! Что за удивительный мир!
Выпьем, что ли абсента и в Лувр пойдем, мон ами!»

II

Ах, Париж, ты не юн и не бел, ты - цветной!
Я меняюсь в тебе, ты меняешься тоже со мной!

Здесь не встретишь француза, хоть негров, арабов полно,
Ты для них и кино, но ты больше для них – казино.

Казино, где удача женской ножкою машет со сцен,
Где нет наций-изгоев, неважен цвет кожи, акцент.

Где пусть в разных обличьях, но всюду французская речь,
Где как Сена течет всё, чему тут положено течь.

И смешав в том течении Запад, Север, и Юг, и Восток,
Ты, Париж, как вино, современности терпкий глоток.

Ты теперь и не ты, ты и цех, и мольберт, и станок,
Всяк причастен к тебе, кто тиски твои выдержать смог.

Привлекая к себе своим милым «Бонжур, мон ами!»,
Превращаешь в Европу расплзшийся в множество мир.

О, Европа, ты – путь, в человечество дивное путь,
Если можно еще в человечность всех нас вернуть.

Если мы не проехали этот полный волнения час,
Как в пылу опьяенья, не важен становится шанс.

Я приехал в Париж тоже поздно, наверно, ну, что ж,
Я приеду опять, ты меня уж с пути не свернешь.

Пусть кому-то Париж не годится в друзья иль в вожди,
Я за всех не в ответе, за себя отвечаю я. Жди.

Посвящается моему другу, культурологу А.П. Давыдову

Мой славный Платоныч, с фамилией славной героя,
Его доблесть сегодня дополнил ты славой иною.

Ты также разящ, но ты видишь врага не во внешнем,
А в нас же самих, если мы как рабы, не протестны.

Ты первый открыл философию, скрытую в слове,
Не Бердяев, а Пушкин подрывал на Руси все основы.

Ты первым сказал россиянам: «Не трогайте Китеж!
Пусть лежит он на дне, вы зазря поднимаете кипеж!

Не поможет ни Китеж, ни, точно скажу вам, соборность,
Это что-то такое, простите, позорнее порно!

Философия наша бледнеет пред словом поэта,
Уважаю я Лермонтова только, простите, за это!»

И приехал ты к нам в Алматы прессовать на защите,
Как дашь всем под дых и закончишь: «Простите, простите!»

Вот и спелись с тобой и общаясь теснее, теснее,
В самый нужный момент ты блеснул на моем юбилее.

Ты приехал ко мне, прилетел как на крыльях железных,
Как ты выступил там, дым стоит до сих пор, если честно!

Да, Евразия – это Европы и Азии встреча,
Мы, два друга, возможно, Евразию бережно лечим.

В терапии такой доктор Чехов так кстати, и Гоголь,
Нам без смеха нельзя, смех – лекарство нам данное Богом.

Ты и нас поддержал, современников, верой своею,
Тебе прежде других, видно, руку пожмет Ерофеев.

И Пелевин пожмет, и Сорокин «Путь Бро» позабросит,
И я подойду и мы дружно тебя все попросим:

«Алексей, дорогой, ты чего тут разлегся в постели,
Дунь же с нами сто грамм и давай принимайся за дело!»

ДВУЯЗЫЧИЕ

Зачем мне этот жуткий дар судьбы –
Жить в двух мирах, качаясь как на грани,
Над пропастью, где нет людей во ржи,
А только холод отчужденья странный.
Я двуязычен, словно двуголов,
Одной – в Восток, другой смотрю на Запад.
Я на казахском грустен и суров,
На русском я - загадочно внезапен.

Пусть ныне мир, как будто в землю врос,
В разрезы глаз, в бинарность отомщенья.
Я, маргинал, все ставлю под вопрос:
И нацию, и честь происхожденья.

Меня не держит лишь родной язык,
Когда не вижу отклика в родне я,
Перехожу на русский, пусть на миг
Но станет он мне ближе и роднее.

Но миг пройдет, и я опять вернусь
Со всем богатством пряных сил Другого,
В родной язык, где я снова тщусь
В нем заложить открытости основы.

Мир, что един для зренья, в языке
Уходит вглубь нюансов и различий.
Я – эхо слов, что были вдалеке,
А вот теперь сошлись в моем обличьи.

В них нет вражды, звуча в моей груди
Они моими стали словесами.
А я как мост над пропастью во ржи,
Что свел две бездны, бодрствуя, в память.

БЕССОНИЦА

Похороните мое сердце там, где я не был,
Не погребайте там, где я был.
Нас объединяет только небо,
Разъединяет холод могил.

Был я когда-то рискован, веселым,
Любил пошутить, покуражиться.
Ах, как же прекрасно в те дни я был молод!
А теперь – какая мне разница?

Я сам себе запер в тюрьме-одиночке,
Рожденный чуть раньше, чем надо бы.

Мир есть многоточье, а я же был точкой,
Хотя и хотел бы быть радугой.

Ушел в метамир отрицания ради,
Могучее «Нет!» прокричать миру тщеты.
Говорят мне теперь: «Дорогой, ты не Хайдеггер!
Извини если что, но не Ницше ты!»
Судил я о мире, как с дальнего берега,
Теперь я и сам в дерьме по уши.
И шепчу себе только: «Бережней, бережней,
Особенно с тем, кто ждет помощи».
То ли мне до сих пор не давили на горло,
Перестал и писать, сделав жест: «Кукареку вам!»
А сейчас так сдавило, так к сердцу припёрло,
Так шарахнуло в мозг, дальше некуда.

Шолпан – Утренней звезде Магжана Жумабаева

Безудержная в похоти и святости,
Ты та, которой истина лишь грезится.
Не дано тебе во мраке мраком стыть,
Ты – утра невозможного предвестница.

Горя в ночи звездой любви сверкающей,
Во тьме сплошной напрасной точкой светишься.
Пусть это грех, но ты лишь в нем нуждаешься,
Ты – жизни обещанье сумасшедшее.

Ты – спутница соблазна, дароносица,
Сам дар, что раньше и греха, и грешницы,
За Дионисом ты вакханкой носишься,
Не вечностью пленяешь, скоротечностью.

Едва взойдя, теряешься во мраке ты,
Ах, сколько мрака всюду неизбывного!
Его ты возмущаешь своей яркостью,
Молочной непорочностью наивною.

Ты – мать не блуда, а зачатья светлого,
Когда Лилит и Ева выше Господа.
И важен плод, нисколько не запретный он,
Все библии – только мертвый лоск один.

Всех книг святых древнее лоно женское,
Зоя в тепло, противится лишь холоду.
Ну что ж, Шолпан, веди нас ко блаженству ты,
Давай «грешить», пока мы еще молоды!

Песчаный поток

- Что вы мне говорите, «Полые люди», «В тени молчаливого большинства». Скоро дождь пойдет. Уж после него точно ничего не будет.

Из чьего-то не услышанного пророчества

...И дождь пошел, но из песка,
Он лился с неба – сер, колюч.
Плыли как пепел, облака
Сквозь гребни гор, уступы туч.

Смотреть на небо уж невмочь,
Дождь лезет в ноздри и глаза.
Закрыв глаза, бежали прочь,
Кричали с визгом тормоза.

А дождь все лил, покрыв дома,
Покрыв проспекты, авеню.
Когда повсюду только тьма,
Она и есть сплошное «ню».

Она и есть тот бог в умах,
Который застит свет уму.
Когда повсюду только тьма,
То свет не нужен никому.

И вскоре скрылись под песком,
Сады, вокзалы, города.
Мир стал каньоном иль ручьем,
Где не бежит уже вода.

Где речи нет, что речь была,
А, значит, нет уж ничего.
Где стали немые как зола
И род людской, и божество.

И споры все о языке,
Теперь он ничему не дом.
Когда увяз в сплошном песке,
Не обзреть уж окоем.

Нет пола, полости, когда
Забито все песком одним.
В нас нет теперь ни «Нет», ни «Да»,
Мы верноподданно молчим.

Чему мы предан-(н)-ы? Песку!
Он – масса и основа масс.
Газеты – только на раскур,
Иль чтобы вмиг сменить окрас.

Зажат средь стылой густоты,
Песчинка что? Частица масс.
Мы ныне даже не пусты,
Ведь в пустоте есть резонанс.

Нет женщин, чтоб с ума сойти,
Чтоб вспыхнуть от желанья.
Чтоб за собою сжечь мосты,
Жить в самовозгораньи.

Чтоб с ней сбежав, в краю чужом
С одной лишь с нею слиться.
Чтоб все, завидуя, кругом,
Таращились нам в лица.

И пусть не всем познать дано
Француженку, японку.
Соблазн любви – не в кимоно.
А в том, что нежно, тонко.

Что и не тело, не душа,
Но что влечет призывно.
Как первый твой к бессмертью шаг,
Как смерть и смысл жизни.

Зайчик мой, солнечный зайчик,
Моя милая дочка, Айманчик.

Ты врываешься в двери с возгласом: «Пап!»,
И я тоже к тебе, моя доченька, слаб.

Не могу отказать в самой малости малой,
И прощаю любую я шалость.

Педагог из меня никакой, никакой,
Я тебе не «халдей», старший сверстник лишь твой.

Прохожу вновь с тобой все предметы твои,
Постигаю азы подростковой любви.

Как кого окрутить, где смолчать, что сказать,
Олененком ты смотришь глазами в глаза.

Твой распахнут так мир и так чуток твой слух,
Что и я не могу быть зануден и сух.

Говорю о поэтах, как будто они,
Что-то вроде друзей, что-то вроде родни.

Мы с тобой говорим об Артюре Рембо,
Как он гордо стоял в поединке с судьбой.

Как рожденный в селе, Шарлевиле своем
Обогнал он Париж, зарастающий мхом.

Как он вынужден был жить среди «старых козлов»,
Преждевременный гость уж ненужных пиров.

Так и я, дочь моя, и не там и не тут,
Лишь в тебе, верю я, мои зерна взрастут.

Прозевали меня в мой предутренний час,
Неразгаданный сфинкс, вот доплелся до вас.

Мне не важно теперь нужен я или нет,
Я рад вместе с тобою твой встретить рассвет.

Мне теперь с этим миром и расстаться не жаль,
Все что в книгах забыл, в генах я прописал.

НА ФОНЕ ПТИЧЬЕГО ЩЕБЕТА

Средь птичьего спора, кто скор и звончей,
Читаю Бодлера в беседке уютной.

А птицы:

- Да, ну его!
- Что вы?!
- Он чей?
- Какой-нибудь циник беспутный?

Веселую наглость весеннего дня,
Я чувствую кожей и обоняньем.
То солнце лучами ласкает меня,
То дым от костра в ноздри лезет мне рьяно.

То ветер завевает в цветочной пыльце,
То щебет такой, что Бодлеру – куда там!
Пусть меняется мэтр с обложки в лице,
Мы в невнимании не виноваты.

Наступит и вечер, где стихнет весь гвалт,
Я книжку возьму, как в поэзию визу.
Но вдруг слышится: «Хальт!» и трещит автомат,
Это значит, включила жена телевизор.

Бедный мэтр Бодлер, как же Вас мне почтить?
То мешает природа, то техника «мутит».

В этом мире поэт нереален почти,
И, боюсь, его время вовек не наступит.

Да, возможно, и так, суета всё суёт
Кому – деньги, кому и другие излишки.
Мир привычек людских богатеет, растёт,
И средь прочих всегда – утыкаемся в книжку.

Это словно в крови, как дышать или течь,
Или вспомнить о мысли, забытой случайно.
Пусть кто-то считает, что мир – это текст,
Мы скажем, что мир – это, все-таки, тайна.

Вернемся, мы скажем, опять к бытию,
Где важнее то автор, то птичьи комменты.
Важнее не сбиться, чем влиться в струю,
Важнее пройти озабоченным чем-то.

Пусть птицы поют и грохочет «видак»,
Пусть ящик TV убедительней веры.
Я книжку беру и с автором в такт,
Читаю Бодлера, читаю Бодлера.

Его мало читать, его надо прочесть,
Он с изнанки ведет диалог развенчанья.
И все-таки, мир – это текст, это текст,
Как единственный путь в страну пониманья.

ЧИБИСЫ

Мне чудится озеро всё в камышах,
Погода ненастная клонит вниз ивы.
Лишь чибисы носятся всюду впотьямах,
Прносятся чибисы с возгласом: «Чи вы?»

Прносятся чибисы, стражи озер,
Философы птичьи, эксперты различий.
Они знают, что это родной их простор,
Иного не надо философам птичьим.

Однако, свое они будут беречь,
И, мало того, вопрос их – к любому.
Разлука – гарантия будущих встреч,
Различье – дорога к себе и другому.

И в этой попытке взглядеться в других,
Отсылка к порогу, где нет и сознанья.
- Ах, чьи же вы, чьи вы, исчадья сил чьих,
Иль чада, чей облик не узнан в тумане?

Не «кто вы?», а «чьи вы?» - заметьте, нюанс,
Мы те, чьи начала в руках, но не наших.
Мы – ксерокса след, к «дежа вю» реверанс,
А, в общем, такая всемирная каша,
Где где-то мы «раша», а где-то «казаша».

И озеро это, не озеро – сон,
Картинка в компьютере иль видеодиво.
Где будто теснимы, крича в унисон,
Пронесятся чибисы с возгласом: «Чьи вы?»

СТЕПНЫЕ ГОРИЗОНТЫ

I

В степи не услышишь глас одиночки,
Степь подобных себе только лепит.
Преобладанье пространства над точкой
Я называю степью.

Степь, как письмо на забытом наречьи,
Смесь загадочных знаков и амнезии.
Степь – это рана, открытая вечно
И ждущая вечно мессию.

II

Степь это та или может быть тот,
Кто вновь заведет задремавшее время.
Степь – это ноль иль царица пустот,
Что беременна сразу ничем или всеми.

Ах, степь – это скорбный, угрюмый балбал,
Предскульптура иль отсвет предмысли.
Нет, степь – это небо, а значит, и даль -
Путь, который никак не исчислишь.

Путь, неведомый всем, кроме этой степи,
Неподвластный уму, интерфейсам, догадкам.
Это то, что ползет, что бежит и летит
Траекторией трещин на бараньей лопатке.

III

О, мой Тенгри небесный, любви божество,
Покровитель в пути беззащитных и малых,
Если нынешний мир – завершение всего,
Наша степь – это круг без конца и начала.

Каждый круг возвращает то мысль, то мечту,
Колесо бытия – степь, нам дарит в вращеньи:
Возвращенье всего – и религий, и чувств,
И коллизий былых и вражды возвращенье.

IV

Как всё это принять, я стою словно червь,
Без доспехов, щита, без меча-алдаспана.
Я – тень мысли своей, обнажен словно нерв
Не зажившей еще, очень трепетной раны.

Это рана – тоска от обилья молвы,
От обилия лжи, что журчит, хоть упейся.
Я – стук сердца жираву, подключенный, увы,
Не к наитьям степи, а к сетям интерфейсов.

V

Мой мир очень широк и он в этом степной,
Без границ и оград на пути озарений.
Я в тебе как Другой, степь, меняйся со мной,
Мы с тобою должны путь пройти превращений.

И скажу я тебе через годы спустя,
Выйдя старцем к тебе в предрассветное утро:
«Будь же львом, мой верблюд, или стань как дитя,
Позабудь обо всем, ты же наш Заратустра!»

ЧАС АЛЕТЕЙИ

Блеск озерной воды,
Камыши, камыши.
Уток скрыты следы
В гладкой водной тиши.

Слит с округой мой взгляд,
Нет ни всплеска нигде.
Только утки скользят,
Отражаясь в воде.

Опрокинут и я
В эту ясную тишь.
В гуще нежность тая,
Что-то шепчет камыш.

Всё открыто всему,
Алетейи¹ ли час?
Но открыто ль уму,
Что открыто для глаз?

1 Алетейя (гр.) – истина как несокрытость

Как себя в диво вдеть,
На каком языке?
Отраженный в воде,
Там воспринят я кем?

Неоглядная даль -
Ни весла, ни узды.
Пропадем без следа
В ровной толще воды.

Не встревожит и мышь
Безмятежную гладь.
Только тонкий камыш
Будет вслед нам кивать.

То камыш, иль калам²,
Прорастающий в нас?
Или, равный векам,
Алетейи ли час?

Не сродни ли безумью – ждать от людей
Любви, обожанья, веры и ласки?
Человек по натуре, слабак иль злодей,
А все остальное – выдумки, сказки.

Добро – от ума, а ум, как полет,
Но много ль на свете способных к полету?
Придумали фишки – Бог и народ,
Но это искус иль сплошное болото.

Пройти бы как есть, налегке, налегке,
Не вникая в чужие проекты, затеи.
Мир как эскиз на прибрежном песке,
Пойди, разотри, над ним не потея.

О, сколько энергий, потраченных зря,
Но и Будда не прав в пустоте без желанья.
Пусть крякают утки, как скажешь им «кря!»,
Когда ты не утка, хоть тоже созданье.

Пусть ты, скажем, примат, и, добавим, двуног.
Существу без крыла, тебе ль догмы оспорить?
... Ты и Бог, и народ, только так одинок,
Сам вскипая в себе, бьешься в темень как море.

ЗОЛОТАЯ ОРДА

По преданию, Бату, основатель Золотой Орды, стал ханом после того, как его дед, Чингисхан, поставил в его честь белую юрту с золотым порогом.

Золотая орда, как ты стала, скажи, золотой?
Твои воины пали и величье развеяно в прах,
Теперь нет ничего, что когда-то кипело ордой,
Только церкви стоят, как тогда, о семи куполах.

И мечети стоят, и все также кричит муэдзин,
Где же наши жирау – Кетбуга иль ногай Казтуган?
Почему же из них не поет свою песнь ни один,
Тараторит лишь рэп вместо джира в джинсах мальчуган.

Да и я свои вирши, признаться, на русском пишу,
Хоть бы мог на казахском, когда б уши имелись для них.
В наше время родное как будто лишь варварства шум,
Отрицаем свое, чтобы лечь под богатых чужих.

Даже Тенгри зазорно казахам теперь почитать,
Того Тенгри пред коим стоял на коленях Чингис.
Вечно синее небо – обитель, но не пустота,
Храм и бог в синеве в мирозданье едином слились.

Купола храмов всех рукотворны, но этот иной,
Он и сам и творенье, и в твореньи оживший творец,
Он и книга – битиг, он и путь наш небесно-земной,
Бытие как биенье согласных с наитьем сердец.

Что с того, если даже исчезли шаманы-баксы,
Почитай аруахов, скоро будешь и сам аруах.
Вечно синее небо, а солнце как будто часы,
Инструмент для людей, отрицающий начисто мрак.

Золотая орда, я такой же, как ты, золотой,
Я – казах, называвшийся прежде кипчак и монгол.
Потом звался ногоем, в Сарае был славным мурзой,
Внук Чингиса, Бату, посадил бы меня на престол.

Но я б встретился прежде с великим каганом самим,
И на миг показался бы мир как с горошинку мне.
Мне б поставили юрту и был бы порог золотым,
Все бы поняли знак и подняли б меня на кошме...

Ничего не ушло. Степь – дворец из сокрывшихся плит,
Там такая казна, о которой никто и не слышал.
Вечно Синее Небо все также над нами стоит,
Выше всяких церквей и мечетей столпившихся выше.

Письмо, «брат Пушкин», я пишу к тебе,
Как помнится, близки мы и знакомы...
Совсем как ты - не мавр и не бербер,
Я лишь кочевник, что повсюду – дома.

Ничто не чуждо кочевой душе,
Ни жар любви, ни отрешенность мысли,
Язык осин, наречье камышей
Меня в друзьях давно и прочно числят.

Я тот «калмык», который «друг степей»,
Но я и с музой италийской дружен.
Она мне шепчет: «Пой, поэт, иль пей!
Со мной и Вакхом будь всегда в союзе!»

Я думаю, шептунья – кто она?
Откуда лепет, словно трепет бубна?
Подкорки, что ли, это глубина,
Иль воспитанья опыт тоже чудный?

И пусть мне скажут: «Спи в своей степи,
Звериной шкурой до ноздрей укройся!»
Глас ангела услышу я, упит,
Бродя как тень по лабиринтам Джойса.

Глас ангела, иль, твой, возможно, зов...
Сойдя с коня, окину степь как книгу.
И напишу: «Исток всего – любовь!»
Шаман начнет ногою с музой дрыгать.

И я пойму – мой лучший друг – Гермес,
Богов посланец – легкокрылый, горный.
Брат Пушкин, мы сыны одних небес,
И только там едины наши корни.

АУЭЗХАН КОДАР

СПЛАВЛЕНИЕ ГОРИЗОНТОВ В ПОЭЗИИ ЕЛЕНЫ ЗЕЙФЕРТ

Когда я впервые познакомился с поэзией Елены Зейферт (на снимке), я поразился тому, что не знал ее до сих пор. В ее стихах были настолько очевидные мастерство и зрелость, что сразу возникло желание вникнуть и понять. Теперь я знаю, что она автор шести поэтических сборников, доктор филологических наук, что 30 марта т.г. в Центральном доме литераторов в Москве состоялась презентация книги стихов Елены Зейферт «Веснег», вышедшей в начале 2009 г. в московском издательстве «Время» в серии «Поэтическая библиотека».

Как сказано в аннотации, авторское слово «Веснег» можно прочесть как немецкое «Becher» («чаша»). Русский и немецкий менталитеты в подсознании поэта рожают новые мотивы, образы, художественные формы: «рот, вмещающий два языка», «мюнхенская Золушка» и, по наблюдению критика Доры Черашней, «собственный неделимый образ – символ веры, верлибр как соединение русской «веры» и немецкой «die Liebe» («любовь»)).

Инициатором и организатором презентации выступил Литературный клуб Союза писателей Москвы во главе с известным поэтом Кириллом Ковальджи. Заметки об этом вечере публиковались в российской печати наряду с впечатляющими литературными рецензиями на свежевывшедшую книгу.

В поддержку этого несомненного успеха молодой талантливой поэтессы хочется сказать, что Елена Зейферт – настолько интригующее явление в русскоязычной поэзии, что одними комплиментами не отделаемся, надо постараться постичь, что же она такое, что собственно своего она привнесла в современную поэзию?

В наше время поэзию принято делить до Бродского и после него. Это действительно так. Бродский настолько демократизировал поэзию и в то же время изоцирил ее инструментарий, что любой, кто вне этого процесса кажется ломящимся в открытые ворота. С Зейферт такого ощущения не возникает. Мало того, она в любой момент может обратиться к опыту античной поэзии – греческой или римской, запросто помещает весь Серебряный век в доме Волошина в Коктебеле, не только разделяет, но и заново одухотворяет философию вещи в стиле Рильке и Хайдеггера. В общем, с контекстами и подтекстами у нее все в порядке, никакой постмодернист не подкопается. И получается это у нее легко, как у ребенка, играющего в кости. Если помните, так Гераклит определял само бытие, так и в стихах Елены на первый взгляд нет никакого порядка. У нее есть циклы стихов о Боге и тут же о щенке или замезршем голубе, а далее может появиться венок сонетов. Но в том и прелесть поэзии, что она вездесуща и повсеместна, не чураясь ни небес, ни анатомических подробностей. Так получилось, что Зейферт – российская немка, для которой, возможно, русский язык ближе, чем немецкий. В плане идентичности это действительно нелегкая ситуация. Ведь в наш век ура-патриотизма и

«столкновения цивилизаций» гораздо легче быть чистым русским или чистым немцем. Я как русскоязычный казах сам по себе это знаю. В стихотворении, посвящённом первому казаху-маргиналу Чокану Валиханову, я писал об этом так:

*В родах корчится старый наш мир,
Но за что наказание мне это –
Для казахов я – дерзкий кафир,
А для русских – дикарь в эполетах!*

Маргинал всегда переживает ситуацию «То, что позволено Юпитеру, не позволено быку». Однако, Елена спокойно выходит и из этого положения: языки у нее сосуществуют, когда надо, она пишет на немецком, когда надо – на русском, у нее каждый язык комментирует другой. Двухязычие – это когда два языка существуют в одном мозгу, и, потому, не могут не знать друг о друге. Опыт поэтов-билингвов – это опыт всеведения, это уникальный опыт, ведущий к сплавлению горизонтов в одном едином сознании. В наше столь динамичное время, в эпоху глобализации, не может быть однозначной идентичности, происходит их дрейф и диффузия. Поэзия Елены Зейферт и есть это буферное пространство, пространство контакта. И здесь я хочу сказать еще об одной, пожалуй, определяющей черте творческого почерка Зейферт, об ее перформативности. У нее слово нераздельно с делом, сказано – сделано, dictum - faktum. И именно это обстоятельство делает ее подлинным поэтом. Она как бы стоит у истоков творения и тут же называет то, что видит. Труд именованья и есть труд поэта. А поэзия – это жест, жест означивания, которое раньше именованья.

Гортань разодрана, язык – смешной довесок.

Потому язык и довесок, что знак раньше языка. А теперь посмотрите, как своеобразно Елена определяет Бога.

*Века мы ищем Бога...
Бог был Текст.
Бог состоял из слов, из нот, из фресок...
Бог был и Текст, и Песнь, и Холст.*

Опять перформация. Бог предстает в том, что он есть, вернее в том, выражением чего он является. Парадокс: творение как бы раньше творца. Или – вместе с Ним.

*...Исчез.
После потопа, в стылом дне вчерашнем,
не знали (таял в небесах колосс),
что Бог был сам той Вавилонской башней...
С тех пор – незрим, неслышен, безголос.*

Как исчезает башня, исчезает и Бог. Так ведь и поэт без слов не поэт. Все воспроизведенное в слове и есть поэзия конкретного поэта. Из этого становится понятным и сам феномен веры. Вера – это то, во что веришь. Вроде бы нет ничего проще. Но неповоротливый мужской ум не дошел бы до этого. Для этого нужно быть женщиной. И тут мы подходим к главному пункту наших размышлений. Мы все привыкли к тому, что женщина, прежде всего – мать, но для Зейферт она еще прежде – творец. Это единственное явление, которое можно назвать и творением, и творцом.

Таким образом, поэзия Зейферт – поэзия женщины-творца, проявленная у нее во всех ипостасях: и любимой, и любящей, и возлюбленной, и жены, и жаждущей секса и развенчивающей секс. Редко когда женская поэзия достигала такого универсализма. Роль женщины-творца в том, что она связующее звено в цепи рождений и роста, встреч и соитий, как разодранная гортань, без которой не было бы самой возможности звука или слова.

Я ткаю стихи из теплых жил...

Вот эта идея ткачества, созидающего проникновения и есть то, что определяет женщину-творца, или отличает дерзкую своевольную Лилит от покорной, но недалекой Евы. Искусство Пенелопы у Зейферт не только ткачество и не только плетение текста, но и само тело женщины как письмо. И судя по циклу о вакханках, генеалогия Елены не так длинна. Она ни мало, ни много как прямая наследница Сафо, неутомимо развивающая все интенции, едва намеченные у родоначальницы мировой женской поэзии.

ЕЛЕНА ЗЕЙФЕРТ

“В ЛАДОНИ ГОСПОДНЕЙ РЫБКА Я...”

БОГ. НОВЫЙ ВАВИЛОН

Гортань разодрана, язык – смешной довесок.
Века мы ищем Бога...

Бог был Текст.

Бог состоял из слов, из нот, из фресок...
Бог был и Текст, и Песнь, и Холст. Исчез.
После потопа, в стылом дне вчерашнем,
не знали (таял в небесах колосс),
что Бог был сам той Вавилонской башней...
С тех пор – незрим, неслышен, безголос.
Мы ищем Слово. Господи, как смеем?!
Как смоем дерзость?.. Чудо! – осмелев,
послушник Рильке, лучший из пигмеев,
нашёл останки Бога на земле.
Чуть тронь – они рассыплются... Но крепок
сжимающий их светлым спрутом стих.
Из слов-осколков, зёрнышек и щепок
растёт Господь, Который всех простил.
Стоит Отец. Он слишком человечий.
Но найден путь, и это путь наверх.
... Челом к челу поэту – Божьи речи,
и жить в земле сырой, сытнее всех,
и ангелом с тяжёлыми крылами
дышать на крест, творя суровый гимн...
Отца-мозаику мозолями, губами
сложить бы чадам, избранным Самим...

СОНЕТ ВОСКРЕСЕНИЯ АПЕЛЬСИНОВ

Я тку стихи. Из тёплых, тонких жил...
Теряю кровь, сознание, терпенье,
Чтобы узнать, как текст стихотворенья
Ложится житом – благостным из жит...

Что может текст?.. В руках ребёнка – жизнь,
В оранжевом плоде живёт рожденье,
Глубокий первый вдох, и новый день, и...
Нет, зёрнышко уже в пыли лежит...

Но, в строчках ухватив сей мезальянс
Души ребёнка с силой исполина,
Что делать дальше жителям Земли?..

Да просто слиться в мировой романс!
Деревьями воскреснут апельсины
Из зёрнышек, растоптанных в пыли.

ВЕЩЬ

Изящны стенки пепельницы, слой
тончайших плевел пепла, тленно-робкий,
на самом дне. Соседствует с золой
грань полустёртой спичечной коробки.

Исчадьё зла. Губительная пядь
пространства. Не хватает жёстких пальцев,
сжимавших тело сигареты – пять
разумных, размышляющих страдальцев.

Керамика не думала о злой
судьбе. Она сгодилась бы для вазы
с цветами, отражая аналой
близ Книги, вечные таящей фразы...

Вещь так беспомощна, безропотна, верна,
что хочется ей в ноги поклониться
и влить в неё созвучие сполна,
и за грехи людские повиниться.

Вещь исполняет прихоть существа
живого. Но достойного ли жизни?
Мы с вещью сочетаемся едва
на вечной, вещной, бестелесной тризне.

И в отблеске святого торжества
я с робкой мыслью время доживаю –
что пепельница мёртвая права
намного выше, чем лоза живая.

ЯЗЫК ЭЛЬФОВ

Нынешнего счастья дождавшись,
Тёплая, сплетённая с тобою,
Прошлому скажу: “Дождь мой! Да, в жизнь
Ты принёс покоя и прибоя”.

.....
С тем, другим, – в чернильнице слёзы.
И перо прозрачно до прожилок...
Бывший “ты” (Он) – миф, цветы и лозы,
Прежней жизни сердца
пережиток.

Так и жили, Он, с тобой: ты – отель, я –
Землянка; жительница земного удела
И общаюсь на языке эльфов,
Ты, несчастный, на языке тела.

Так и спали, Он, с тобой: я – в сорочке
(Родилась в ней), ты – в моих ласках...
Я учила твой язык отсрочек,
Ты же – свой язык лассо и лаза.

Захватить, присвоить, умножить...
Бедный, слабый Он! Полны ль твои руки?..
Мой язык назывался “зачтоже?”,
Твой – “всёкуплено”. Веди! Аз, Буки...

Жёлуди-удары причинок
И причин обид. Ну не шутка ль –
Я страдаю на языке тычинок,
Он, прощённый, лжёт на языке желудка!

Изморённый Гомер взвился горем:
– Невнимание к Елене! Где ценник?!
Я вздымалась на языке моря,
Ты кипел на языке денег.

Известью замазано окошко: узко,
Душно, горячо, БЕС–толково.
Я кричу на языке Слова,
Ты бацишь в ответ, увы, на новом русском.

А язык мы общий находили
Лишь во рту друг друга, в лоне страсти.
Мы, как новый алфавит, заучили
Икебану шеи, губ и запястий.

Мои волосы светлы, легки, прямы
И к ушам эльфийским не прижаты.
Говорящая, я обниму панораму
Мира – и тебя, Он, напоследок, как брата...

.....
И взлечу в своё царство: небо,
Море, солнце, луг слов знакомых...
Мир, где Он (нем и глух) так и не был...
Или был, только был там не дома...
Видно, эльфы не пустили Его в Небыль...

СОТВОРЧЕСТВО

А был ли ты в минувшем декабре
на этом свете? И была ли я?..
Ни губ, ни глаз – любовного питья
не знали вкуса, не могли гореть...

Мы были, но не жили. Или ты
считаешь жизнью “как-нибудь”, “почти”?
Я вызвала тебя из темноты.
Ты высветил мне губы и зрачки.

Рождалась плоть твоя, походка, речь
из тонкого вселенского добра,
и кисть твоя моих касалась плеч,
которых не было ещё вчера...

Не удивлюсь, что пережить покой
моей души не сможешь ты ничуть,
ведь не из глины мы – из наших чувств...
Мы стали соТворцами нас с тобой.

Как отвечать за эту ересь нам?
Как души убережь, нести к кому ж?
Давай вину разделим пополам,
моё дитя, новорождённый муж...

НО КАК МЫ МНОГО ЗНАЕМ ДРУГ О ДРУГЕ...

Я многого не знаю о тебе –
нерозовым туманом ты подёрнут...
Пускал ли ты мальчишкой голубей...
небритости твоей новорождённой...

твоих душевных тяжб с самим собой...
мой мост к тебе, ещё туманно-шаткий...
и тех, что взор твой бледно-голубой
не сохранил, прельщённый, на сетчатке...

И ты не видел девочки трёхлетней,
что, бросив в лужу мячик, замерла
от серых брызг... И, вся белым-бела,
растила душу, чтобы не болеть ей...

Что в радужках моих – метеориты
и океанов полноводных залп,
и только Ледовитый и сердитый,
увы, никак не мог попасть в глаза...

Но как мы много знаем друг о друге!
Как будто знались долгие века...

И на твоём бедре, как на хоругви,
благоговая, спит моя щека...

* * *

Тебе не знать другой – из твоего ребра.
Вкусившей яблоко не взять невинность.
Твоих кудрей смягчённая картинность
Сегодня интересней, чем вчера.

Адам иль Слово? Схимник иль крупье,
Следящий за рулеткою Фортуны?
У наших лир соприкоснулись струны,
Хоть порознь плыли миллионы лье.

В Эдеме нет таких смягчённых губ
И неги пальцев, словно соты, сладкой.
Троянский конь согнул дощатый круп,
Когда тебя несли ко мне украдкой.

И началась Троянская война
Для нас, когда по мифу завершилась.
Моих кудрей растущая волна
С зовущим ртом на жаркий бой решилась.

Мы оба пали. Ты не победил.
Нет, как в раю, в основах мироздания,
Мне защищаться доставало сил,
Но прекословить не было желанья.

Я не Елена. Та б взяла в мужья
Любимого, во прах рассыпав Трою.
А я, Лилит, глаза свои закрою,
Не зная, кто я. Кто, любимый, я?

О Боги! Я просила об одном:
Вы, прежде чем в ворота постучаться,
Могли б создать меня его ребром –
Тринадцатым, чтоб с ним не разлучаться.

Я благодарна, что смогу любить,
Лишь стоит кликнуть – эй, мужчины, где вы.
А как же Господу с тобою быть,
Адам, бессильный к жизни вызвать Еву?

(Письмо Адаму от Лилит. XXI век)

* * *

В.В. Бадикову

Бумага-плющ и плющ моих игрушек
могли б мечтать, что Вы придёте к нам?..
К той девочке, что младше пополам,
и беспокойна, и ничем не лучше

других... Ах, рты моих бумажных рыб
уже разинуты, стихи спешат на волю...
В Вас есть талант – рожденье обезболить
и вновь уйти до солнечной поры.

Вы – друг. Отчётливый, живой мираж? Но
сидите рядом, льёте ровный голос...
Не небо ли в апреле расколосось
на плитки поднебесных птиц? Бумажных,

чьё горло – ватный рокот и урок...
Я помню важность первого урока:
кораблик с грузом желтопёрых строк
был пущен Вашею рукою – лёгким хокку.

Я к Вам на “Вы” с огромной буквы “В”.
Не оттого, что трушу иль пасую –
я опасаясь обесценить все
сердечный гул... Так можно лишь молве

и тем, кто в жизни Вас зовёт на “ты”...
Прошу, знакомьтесь: мини-Хиросимка –
мой хрупкий мир икон и фотоснимков,
стихов и сказок, снов и суеты.

НОВАЯ ВАКХАНКА

(Подражание “Вакханке” К. Батюшкова)

Как вакханка, я бежала,
Разметавшись впопыхах,
В густокудрых волосах
Отцепилась и упала
И расчёска, и змея
Влажной ленты – испугалась
Мака на его губах
И груди косматой Вакха,
И сужалась колея
Из-за страсти, из-за страха,
И повязка развязалась,
И нагой осталась я.

Он поймал меня, бесстыжий,
Повернул лицом к себе,
Ртом развил мой локон рыжий
И оставил на губе.
Я дыханье огневое
Ощутила, и что сил
Он бедро моё нагое
С сладкой болью захватил.
Я закрыла очи, жарко
Разомлела – не пойму,
Как, невинная дикарка,
Я доверилась ему!
Вакх ласкал мои колени,
И, откинувшись назад,
Он смотрел, как в томной лени
Расточаю аромат.
Я ж его почти любила!
И в пылу его забав
В восхищенье приклонила
Стан на лоно буйных трав.
Я лежала, чуть живая,
И глядела, как злодей
Мне тревожил, лобызая,
Чаши полные грудей.
Сладкий нэктар собирали
Пчёлы с губ его и рук,
А уста его стонали
Негой самых сладких мук.
От любви изнемогая,
Я представила точь-в-точь,
Как я встала и, нагая,
Чистая, умчалась прочь.

Алексей Грякалов

Слепой Орел/Зоркий Крот

Подземный куплет

Косая скобка – *Косая линия.*

Васильевский остров – поэтическая жаба в манжетах, трамвай красной запонкой загремел. Гусеница станции Василеостровской тянет в брюхо, поджимает ступени:

*Чего герою надо –
Зачем спешит в метро?
Чтоб дамы были рядом –
И плечи и бедро.*

Чего боишься, мерин?

А он из-за темных очков и в самом деле ничего почти не видел. У него стала изменяться походка, будто бы втирался в воздух – теряя естественное телесное обхождение, приобретал привычки чужой плоти – с каждым куплетом она становилась

его собственной. Теперь даже удивлялся давнему собственному удивлению – когда-то в Волоколамске под Москвой в институте реабилитации инвалидов по зрению женщина – ночной психолог – рассказала, что водила слепоглухую девочку первый раз в церковь. И потом ребенок рассказывал, как красиво в храме поют и какая красивая Богородица.

Откуда? – ребенок чувствовал колебания теплого воздуха от молитвы певчих – мерцал воздух, приближались и отдалялись нестрашно шаги, кто-то погладил девочку по голове, в ее раскрытый рот влились капли сладкого церковного кагора! И женщина была рядом – ночной психолог никогда не покидает своих.

Незрячий мастер подарил ему тогда настоящую брашну из липы: *а что кому до нас, коли праздничек у нас* – вилась надпись по верхнему краю чаши. Потом он складывал в нее четки – из Китая буддистские, шаолинские и даосские, огромные мексиканские, в Тобольске купил вязаные четки небесного цвета – нигде не видел такого синего неба как над Иртышем. Четки имели свой запах и по-разному перетекали в руках. Раньше вынимал вечерами четки из чаши – отступали мелькающие минуты, время будто бы переливалось в перетекание, и он думал, что с помощью четок стал лучше понимать все. Будто бы отвернулся от слепящего дня и перестал замечать сумерки и ночь – светлое и темное одинаково вплелись в бусины и узелки. И в один момент понял, что будет жить в четках – на бывшего замдиректора по науке Музея многие уж давно рукой махнули, – перебирая четки, станет неуязвимым для дней. Чудесной континуальности тоже научился у волоколамских певчих – как четки не кончаются, так длится песня слепца. Зрячий может оглянуться и взглядом достать, а волоколамский только то имеет, что в руке держит. И его песня не знает будто бы перерыва – от куплета к куплету, страха темного нету. Только мелодьей бесконечной одной!

И пошел тогда, перебирая кнопки купленной на Сенной рынке гармонии – из детства вспомнил три мелодии, четвертую сам сложил под куплет, побрел, побираясь, и странно, что до сего дня никто не окликнул его – не узнал, будто бы никто не знал никогда, а ведь на прекрасном Васильевском острове самый лучший в мире Университет, где он провел почти восемь лет:

*По-о-дзе-емные туннели –
Э-эх, для людей-мышей!
Играй повеселее –
Завязочки пришей.*

Ко рту завязки – побереги связки в подземном эфире.

И осторожно: звери закрываются. Вскочил очередной подземный жилец – толкнул артиста, створки схлопнулись, как капкан – ударила левая по пальцам, по басовым кнопкам – злая дверь-стерва схватила саму себя. Звери-двери!

Теперь у каждого, кто не спит, крестословица перед лицом. А подайте ущербному барду за эротическое стремление!

*Ще-е-ерба-атый орган пенья,
Щербатая душа –
Красотка на сиденье
Уж больно хороша.*

– вы здесь все сами не местные, а я день-ночь под землей. Еще раз в плечо толкнет, набрав ход, безотказная потаскуха-дверь. Гармонь от толчка распустилась: гр-рау – это басы, белые кнопки голосников сползли к чужим золотым ногам. Ноги расставить – низ живота мыслью ощупать, чтоб остойчивость разыграть – все качнется к своим местам: Августин с блаженной Менделеевской линии философически покивал – как раз она над головой: тяжесть стремится всякое тело к своему месту. Стремит тяжесть похмельная под землю, чтоб каждый день заработать на пельмени и шкалик – славянка-марш прощается с бедным Пушкиным на станции Черная речка – мелькнут два цветка у ног памятника. Вперед на сопки Маньчжурии по Дунайским волнам двинулся табор цыганский – ведет подземный репертуар до конца ветки к проспекту Просвещения – к Просвету. Для разогрева дан классический репертуар, а потом судьба и эротика!

*Кро-осво-орды и сканворды
Оставьте на потом,
Красотка снизу гордо
Вильну-ула животом –*

И вслух с пафосом, обращаясь ко всем сразу: три металла ценятся у настоящих мужчин! Серебро – на висках, в карманах золото... всеобщий эквивалент, железо скукожилось после паленой водки в обвислых камуфляжных штанах. Серебро есть свое, подайте золотой эквивалент!

*Не-е-е вижу, ах не вижу,
Прекрасный белый свет.
Люблю... эх, ненавижу –
Кого в ладони нет! –*

Да ничего-ничего-ничего!

Вот рядом бокастая чашка с теплом – каждая петербурженка желает по утрам, чтоб ласково прикоснулся невзначай к ней кто-то в метро. Даже прошлое ночное объятие, если было, не спасает от одиночества под землей. Нева над головами, рыбы и лед ладожский, баркасы черные с рыбаками, миноги под мостом выются, небо плывет по воде – разве не вся жизнь наверху, а под землей одно коллективное вагонное тело – тонкая кожа, да платье, да плоть? Развесели хоть песней, прикоснешься ладонью – можно стерпеть, хоть бы один миг, пока отвернет поезд

от течения Большой Невы. Тут русская философия ощупью философствует – у русских украли идею знаменитый француз, снова русский лен вернулся домой французским полотном.

А русский куплет – французским шансоном.

*Папа-аша и мамаша –
Российского жителя.
Плохая водка наша –
Горька судьба моя.*

И под воровской будто б робкой и неудалой ладонью выгнется слегка соседняя чаша – чудный изгиб такой был у Грушеньки: толк-толк – просится плоть в раскрытую ладонь. Чудо женское ни под чьей ладонью чудом быть не перестает – старший Карамазов был крупный идеолог любви. А я сам как все Карамазовы! Митенькой-офицером хотел всех полюбить. Иваном Федоровичем статейки писал о свободе в русском сознании серебряных дней – по именам всех: Николай Александрович, Сергей Николаевич, Федор Августович. Про монастырь подумал один раз поутру, как младший из Карамазовых. А сейчас сам собой я подземный несправедный монастырек. Я Элиота переводил со словарем и хорошо перевел. Мелкий почерк сейчас не различил бы – по памяти строчку восстановлю.

*Проходит жизнь, проходит жизнь,
Как ветерок по полю ржи –
Проходит явь, проходит сон,
Любовь проходит, проходит все.*

Это не Элиот? – нет под землей разницы. И времени нет – вон прямо за баракком направо оседает на землю утром приставший нанаец-рыбак – в угол несущегося под землей вагона забился из давних дней. И тут еще тянет из горлышка, голову задрал к бирюзовому небу, зеленая бутылка донцем к светильнику.

0, 7.

На всем берегу знали: ноляга! Смотрит из школы старший народ, скоро выпускной вечер, директор тоже взглянул – перестал рассказывать про солдата, что пробежал в бою десять метров без головы. Десятый класс весь знает нолягу. Девятый знает! А от первого до восьмого ноляга пока только зеленый запретный вакуум, почти всегда на дне колыхается проспиртованная букашка.

Без головы оседает на серую землю абориген – двадцать метров к лодке на берегу не одолеть.

Ноля-яга!

На руки возьмут выпускники-дружинники самарского нанайца-князя, чтоб не замерз под утро. На руки милую – по Дворцовому мосту перед самым железным эректусом – крылья вздыбливаются, возвышаются гордо и он гордый-отважный с нею на руках перед мостом. Последний раз с ней на руках, сердце готово топиться и думал: буду бежать, пока не упаду. Ноляга моя стройненькая... бараний вес, мне уже сорок, как градусов в ноляге, а тебе на двадцать меньше, заметил тебя еще в гимназии в Новгороде. Каждую субботу из Питера на электричке в Новгород, чтоб лекцию про культуру гимназистам прочесть – не поймут все равно, что культура висит над бездной. Всем рассказывал, как бежал в сторону Николаевского вокзала, чтоб успеть на электричку, а потом в Новгороде мимо судаков на рынке, мимо цыганок, мимо собственного дома – она одна понимала, что стремился к ней. И будет смотреть с обожанием в черных глазах. Последняя радость Наташа была, сейчас диссертацию пишет про символику креста.

А он теперь рядом – подземный крест, и не остановиться – бежать и бежать в куплете, чернеет туннель, вздыбился мост – спешу, а то сразу по голосникам, по басам – по обеим рукам ударит музыканта жесткая дверь.

Нет, так нельзя... страстями только герои жили – в Новгородской области до войны было товарищество по обработке земли «Братья Карамазовы». Митя был председатель, Иван – агроном, а младший Алешка уполномоченный. Ехидствовал тесть-кулак – упал намоченный, даже женки законной нет – младшую увел Алексей совсем без венчания. Три бывших моряка балтфлота название книжки про трех братьев прочли, и жены, понятное дело, у активистов были родными сестрами. А вот артельщики всех времен попробуй милую у меня отыми – я уже Дворцовый мост с ней на руках пробежал, мы спустились к воде, Нева к ногам плещет, скалится лев навстречу. Зачем студентке Карамазов старший нужен? Не в артель же ее вводить.

А ее никто до меня не любил – я зубами скрипеть умею... трех балтийцев местные не любили – объединились в товарищество, под себя всех подмели. Она импринтинг пережила на моей лекции – я первым впечатан ей в сердце и в тело.

И приспособить Элиота в свою подземную песню.

*Про-охо-одит жизнь, проходит,
Как ветерок по ржи –
Зачем она приходит,
Зачем со мной лежит?*

В норе Апраксина переулке – казенная квартирка норой названа – бывает со мной, не думаю ни о чем, но не просто самец, я слепого играю день в день, я уже отвыкаю смотреть. Мне не нужны лица, я всех перещупаю – меня не видят, а я различаю всех. И какие грустные все в петербургском метро! А лучшие мысли на перегоне от проспекта Ветеранов к Ленинскому проспекту. Патогенная зона обыденности, родник идей где-то под толщей асфальта. Метафизика Петербурга – подфизика бывшей столицы. Культурная столица России – тридцать тысяч беспризорников. Каждый со своей песней ко мне... давай ко мне! Первое слово на неслыханную под землей высоту вскинул–

*Закро-ойте уши-очи!
Конец весны-зимы!
Кончаю песню ночи –
Кончаемся все мы.*

– враз отодвинулись ближние. Предел голоса, предел существования. Ни солнце, ни смерть не поддаются прямому взгляду – в подземке солнце никому не в соблазн. Все должно измениться – даже рыдание... написал умный среди французов румын. И немцы не понимают: Достоевский, но в меру. Как может быть в меру? Не верили, что товарищество по обработке земли названо «Братья Карамазовы», кладбище ровное немецкое над Ильмень-озером выстроилось немчура-немчурой. Британец в Старой Руссе чемодан свой Наташе вручил – Достоевского изучает, гнется бедная достоевская кобылка на каблуках, а он на Скотопригоньевск колониальным глазом взирает. Ты в Старой Руссе, островитянин. Пенек! Вслед покачал головой отец Богдан, дочка маленькая у него есть от прихожанки, в огромной ладони монаха качается, как в колыбельке. Выпить его приглашал, в соблазн вводил! А ты всех вводил. И теперь меня ввел. И будто бы ничего нет, кроме куплетцев – давно смотрю за тобой.

Век серебряный, затертый, монетки посеребренные! Ассигнации-тексты затерханные. Ждет холод да голод ужотко! Тюрьма да сума впереди! Свирепая крепкая водка – огнем разливайся в груди. Был Белый – белый – теперь черные все. Саша Черный – двойной тезка.

Здравствуй, бедный еврей. В подземку эмиграции оттеснили – звери закрываются. Как жизнь кончил? – на пожаре соседей спасал.

А ты как? – никак.

И ради этого, ради этого, ради этого. Вслух прореветь – не поймут.

Заставить переменить оптику, задавить интонацией – куплет горизонты подземные раздвигает.

*Забу-удьте про проценты.
Про pro et contra. Ночь!
Студенты и доценты –
Контрацептивы прочь!*

Ору-ору им в уши, слышат только шум и грохот, глаза скрыли кроссвордом, уши заткнули наушником.

А как я их всех любил! Ночи бессонные шестидесятнические, Элиота переводил на электричество. Дешевое электричество советской страны. Вот она книжечка с переводами, карманная библия, корешок шершавый выстрадавший.

И ухожу.

Я ушел. С обидой на меня жена и дети. С обидой вся золотая-медная прежняя жизнь. Комбайны там ползали по придонским полям, васильки синие на закраине под зябь вспаханной загонки. Желтые заеды на клювах слетков-воробьев, губастый молодой голубь просит пропитания у родителей. А у тех новая уже птичья любовь. И у всех новая встреча.

А я простого пропитания, пропитанья прошу!

Песня слепого, как известно, континуальна, не знаю разрыва, не допущу паузы, чтоб ты не воткнул мне в куплет строку. Купле-етец! Неразличенный подземным полуглухим народцем куплет-хамлет. По подземелью слепым музыкантом брожу, брожу бражкой – аллитерации из курса теории литературы: в озере синем листья кувшинок. В озере черном подземном кувшинное рыло! Зашуршали тревожно шелка... неужели уж осень? Забытый плащ-болонья строчкой приличной шуршит.

Но открылось вдруг странное-подземное дело! Бродил подземными коридорами, ползал то вверх, то вниз. И среди прочих всех заманил строкой террористку – сама встроилась в подходящий куплет.

*Пове-е-ерхность Петербурга
Шумит-гремит трамвай!
Огло-ох на оба уха:
Людей не убивай.*

Террористка черноглазая поняла, что он понял –

*Чеченец и славянец –
Ласкай свою жену.
Люби любви румянец –
И не люби войну.*

– в полночь от закрытого метро пошел вокруг Заячьего острова – она догнала. Столкнуть слепого с моста, когда наклонится. Она поняла, что слепой понял, но хотела узнать: как понял? Запахи различил? Взяла убогого под руку, он прижал ее руку своей. И застегивая меха гармошки, коснулся правой рукой груди – сразу она откачнулась, давно никто не прикасался, чужое прикосновение – страх и смерть. А у нее красивая молодая грудь. Слепой наклониться мог бы и прикоснуться губами – неразумный убогий младенец. Она же не знала жестоко-

смешных историй про всех слепых – то под монастырь подводил обиженный поводырь всю слепую кампанию – настоятельно под окно полдюжину голых задов, то в баню поводыря со здоровенным слепцом пускали жалостливые русские бабы. Тер спинку разомлевшей слепец... да ты чего делаешь, дядя? – А что такое? – Да ты ж... оседлал! – А я и не вижу!

Она этих историй не знала – монастырей не было, общих бань не было. А был сейчас рядом слепой, который ее узнал.

Они рядом шли мимо спящего зоопарка. И вдруг взвыл человеческим голосом пленный звериный сон. Некому зарешеченный сон передать – взревел сам собой.

И он после дикого утихшего крика сказал, что у него нет никого. И у нее никого нет? Она сказала правду. А он врал для чего-то и врал. И рассказал про Наташу, которой давно уже не было. Да почему ж не быть умирающей при жизни? Сил не хватило, я умер, а вы живете. На меня в обиду, я дочку не выучил на знаменитую скрипачку, сына не выучил на милиционера. Но я умер... на меня уж нельзя обижаться.

Пойдем со мной – позвал. Она не пошла.

Проводи меня! – повторил привычное, не подумав. Надо жить, жить.

И спел тихо без подыгровки.

*Житейский ополченец
Не будь дурак-простак.
Не бей людей, чеченец.
Не бей людей, русак.*

Привычно-привычно. А ей в последнее время тоже все говорили привычно про смерть. Слушаешь, он спросил?

Она посмотрела на зоопарк за спиной – оттуда снова проревел пленник, шпиль колокольни Петра и Павла светился странным светом, будто был причастен к источнику на небе, стояла серебряная вода перед Стрелкой.

– Я сразу понял! У тебя нет мужчины... одинокая женщина, старая дева, вдова, разведенная, бедная, живет вне семьи? Что еще? – бесплодие, выкидыш, незаконные связи – с кем? Шахидка!

– Я сирота!

– Никто не любит? Я тебя пожалею. Никто не предложит семьдесят два девственника любовных в раю, ты же в это не веришь? А может жила с любовником и его другом – он вас застал и теперь ты здесь? Какой ты хотела смыть позор?

– Никакой. Я не хотела ничего. Если б у меня были дети, они погибли бы, все равно от кого.

– Боишься того, чего нет? Тебя бросил жених?

– Не было у меня жениха.

– А если б был, мог бы погибнуть? Тебе сказали, что если станешь шахидкой, в раю будешь как русалка, королевой красоты? Каждому попавшему в рай полагается семьдесят мест в раю для его родных. Но ты же сказала, что сирота!

– А ты слепой? Я теперь поняла, кто ты!

– Да у тебя даже мужа нет, за что ты хочешь себя убить? Почему ты считаешь себя такой?

– До тридцати лет ко мне никто не подошел!

– Одиночество не есть грех! Кто тебя запугал? Некому за тебя вступиться. У тебя нет детей, но они могут быть! Я читал листовку с описанием... когда еще читал. Но это все равно, что описывать облако. Хотя тебя же я сразу узнал: женщина преимущественно молодого возраста. Пояс со взрывчаткой легко спрятать под свитер, куртку или плащ. Имеется возможность прикрепить взрывчатку к бедру. И в том и другом случае при движении контуры

скрытого предмета проявляется. Бегающий взгляд, явная нервозность, некоторая скованность в движениях – пояс мешает ходьбе. Если смертница сама должна взорвать пояс, то руки у нее будут на животе. Для взрыва нужно совместить провода электродетонаторов. Ты похожа на зомби... и я такой, потому я тебя и узнал. Ты думала, смерть далеко? Она рядом, как я, рядом, как все. И для тех, кто тебя выбрал, – ты... мясо, которое посылают на смерть... удобный инструмент, ведь женщину мало кто заподозрит в кровавых намерениях. Ты могла бы стать живой куклой. Но в Коране прямо сказано: не убивайте себя!

– Кто ты такой?

– Я плохо пересказал? А ведь был учителем.

– Я не знаю, что делать.

– Таких теперь тысячи! И я такой. Непосильная ноша... такое взвалил, что задавит. И ничего, вроде бы, сложного. Две женщины было – в день десять рюмок... с работы уволили, голос стал хрипнуть. Ору куплеты в метро. Тебя довели, а я по-русски себя сам довел. Мы сами себе террористы.

*Я возьму большую мину
И в себя ее задвину!*

Это будто бы наши бабы поют. Что самолет, что женщина! Ударили по фаллическим символам... по башням, теперь по всему остальному. И ты понимаешь? Я тебя узнал, ты отводила глаза, а от меня не отвела. Ты думала, что я совсем слепой. Но я такой только в сумерки... куриная слепота. Я видел, ты хотела прикрыть плечи, ты осторожно несла сумочку, будто там стакан с водой. Да ведь джихад, дурочка, не убийство... это священное усилие! Это вот дом построить на высокой горе... тебя спасти – вот джихад. А ты бы спасла меня.

– Я будто бы... всегда джеро!

– Я знаю, что это такое. Не-ет! Ты никого не встретила, и что? Тебя некому защитить, так некому и меня! Давай все равно будем жить. У меня в норе пока можно, пока не выгнали. Меня тоже все бросили, и я всех бросил... все тело болит, не от водки, я будто бы все время в двух жизнях, а на самом деле нет ни одной. Я чувствую, как небо давит, мне в метро под землей легче. И у тебя земля горит, ноги жжет? А теперь будто б предсмертный транс... радость жизни, будто бы от всего уж свободна. Ну, так оставайся, только никого не взрывай! Нет будущего, я спел куплет. А ты думаешь, ты свободная и ничего не страшно? Ты останься и ничего больше не бойся. Ты думаешь, все ходят в твоей власти? Да ты сама в чужой власти, брось их, они тебя не любят. Они тебя изменили, они тебя изменили! Ты уже не думаешь, кто прав, а кто виноват!

– Как ты узнал?

– Смотрел на тебя... как на себя. Ты уже вырвалась из ужаса в радость, и я так – в метро с куплетом. Ничего не будет хуже, все без меня привыкли. Тебя насильовали... кто тебя обидел? Ты беременна?

– Не твое дело.

– Будет мое, когда станешь рожать у меня в норе. Чтоб войти в рай, необязательно убивать! Или ты хочешь, чтоб тебе выстрелили в лоно, как шахидкам в Норд-Осте? Чтоб не оставлять проклятого семени!

– Что такое лоно?

– Откуда появляются дети... Шахидка не обязана оставлять потомства, главное, чтоб не рожали и не жили другие. Это одержимые... Я понимаю, говорить почти бесполезно... от меня самого пользы нет. Мы говорим как мертвый с мертвым, поэтому ты меня и слышишь. Ты просто существо для смерти... лоно твое никогда не бывает влажным, ты просто взрывчатка. Но за что ты хочешь умереть, если умирать не хочешь? Ты думаешь, о тебе напишут в газетах? Я еду на войну и вы все скоро обо мне услышите? – ты не услышишь. Кто-то заплачет? Да

скоро все привыкнут к таким, как ты! Те, кто послал, говорят, что вы суки, а все остальные вас ненавидят. Думаешь, в память о тебе сделают куклу? Барби-шахидка!

– У меня была красивая кукла.

– Вот ей и радуйся! Хочешь, чтоб подсел пьяненький питерский мужичок: да взорви ты их всех! Но и тебя разорвет на части, твое тело... для этого родилась? Ты сегодня меня хоть, меня не убивай. Проводи и у ног твоих я засну, как собака. Ах ты, собака моя! Руки коснись, к плечу прикоснись. И лежит у меня на погоне незнакомая ваша рука.

– Там, где погоны, война.

– Это из настоящей прошлой войны... офицерского случайного вальса строчка.

– Дай руку?

Рано, рано! Не верит, еще не верит.

Не пойдет.

Идет рядом.

Запах женщины незнакомый. Он женщин всех Наташами называет по-арабски. Эта Наташа была с восточным запахом и горячим плечом.

– Дай руку!

– Не сегодня, так завтра! – Вдруг выдохнула она. – Нет у меня никого. А там я хоть буду со всеми.

– Нет. Нет! – Он поверил. – Так ты ни с кем не будешь. Хорошо только там, где мы есть. Живи... ты живи!

– Как? Ты же узнал!

– Мы встретились под землей.

Вода спешила вокруг них, запах гари из кочегарки прекрасной белоколонной Биржи сразу был снесен стрелчатый ветром. Осколки свадебных фужеров трещали и лопались под ногами.

*Любо-овные обманы
Невидимы в окне.
Не бейте зря стаканы –
Отдайте лучше мне!*

– Зачем чужое счастье?

– Звенела пустота счастливыми ночами... Ты начнешь жить, я нищим больше не буду. Я с улыбкой умру.

– С улыбкой не умирают.

– Мы тебя перекрасим! Не узнает никто. Откроем лавку перепродажи фужеров.

– А твоя занималась чем?

– Э-э! Ревнивый гендер! Я ей стал ненужным. Импринтинг выветрился... влюбленность прошла. Просто ей жалко меня. Она изучает символ креста.

– Не надо нам вашего креста.

Она вырвала руку – он дико крутнулся на месте, чтобы ее схватить. И вдруг понял, что дело вовсе не в темноте, действительно начал слепнуть. Фонари скукожились до собственных отражений, свет бледный освещал только самого себя, а небо и вовсе чернело, без звезд, без облаков-зверей, без облаков-женщин.

Он остался один и обнял воздух вокруг себя.

Где Наташа, в объятиях сверстника-аспиранта? Где недавняя женщина без имени – он понюхал воздух, как злодей-парфюмер. Он читал про убийцу на запах. Но у того был талант пронюхать весь белый свет, средневековый европейский город не знал бани – духи изобрели, чтоб отбить дурной запах. Духи воюют, чтоб отбить запах чужих. А если принюхиваться, талант родится? Странно, не хотел выпить... первый раз не хотел, хоть знал, что через минуту,

наверно, захочет. И одному славно в ночи... нет, одному ночью нельзя. А теперь ночь будет всегда. Значит, нельзя одному.

И он закричал жалобно – так оленята кричат в тех местах, где пили нолягу. Так, он понял, кричат, когда в ясном сознании умирают, все понимая. Он достал бутылку, хотел пробку скрутить и порезал палец, кровь потекла... сердце еще гоняет кровь по кругам существования, он потрогал уши – в картезианской психологии у дураков всегда холодные уши, его холодные уши потеплели от крови и прикосновения.

Ничего не мог придумать, ни одной строчки.

*Ох, титерцы родные,
Остался я один.
Помру за выходные –
Поэт и гражданин.*

Пятница мусульманская кончилась, суббота еврейская началась, а за ней православное обычное воскресенье. И если б утро субботы не наступило, остался б стоять один между двумя мостами, а если б христиане задумались о молитве, можно было бы жить, не боясь. Террористка несчастная сейчас вернулась бы к нему, и Наташа потом вернулась, и все бы вернулись друг к другу. Он чувствовал, что у него почти нет сил, а каким он был здоровым, когда задумал исследовать тему русской свободы. Плохая водка, плохая водка, плохая водка – вот что!

Вот – что? Взял себя как чужого за руку... где он оставил палку?

Где последний раз ставил? Назад глянул и понял, что жизнь – простой гон, надо просить у любой, ползать на коленях, колени целовать, пяточки массировать, уставшие за день, Элиота собственноручно переведенного ей читать, жизнь – простой гон, собачий, кошачий, ишачий. Кто с молитвой-поллитрой, кто с головой-макитрой – голова у тебя как макитра сказала хохлушка из Богучара, которая раз переночевала у него в норе. Одно женское прикосновение, непрерывное и ползучее, корольком-гусеницей ползущее по плечу, по груди, по ее животу. Он сам так пополз корольком – все-все, что делал, это было предусмотрено – все-все подглядывало вперед – приподнимало край платья и всегда спереди. Жизнь была простой женщиной, этого самого главного не понимали – понял только он и Василий Васильевич. Но Розанову нужен был храм, чтоб первые три дня молодые перед лампадой любились, а для него все было храмом, жестокий язычник с нолягой любил всю любовь кругом и теперь только понял, кто он такой. И водка, и статьи про свободу, и то, что великих называл по имени-отчеству, были лишь приближением, охватом, скольженьем по телу. Теперь, когда ослеп, только эта женщина без имени его поняла, ослепнув, он понял, что не на то он всю жизнь смотрел.

*Ходите на работу,
Ходите на войну,
А я люблю любовь
Желанную одну.*

Она тихо шла за ним и догнала. Снова ее плечо и грудь были рядом. Убогого можно жалеть, убогий не может стрелять. Он не различит в толпе, он не опасен, но он живой мужчина и может жалеть. Жалость одна осталась среди всех чувств, кого-то снова желанного позвал звериный рык из зоопарка.

И когда он сказал, что завтра хочет поехать на поезде на Кавказ, она согласилась с ним. Начнут новую жизнь, никак ее не называя, чтоб не спугнуть. На поезде до Пятигорска, там у него друг преподает в университете региональную культурологию, она станет переселенкой с Верхнего Дона, так он сказал. И толковал ей, молчащей, про верховья, где тихий-тихий Дон петляет меж белых взлобков горы и левад. Они выправят ей паспорт, и станет она переселенкой с российским гражданством, а он – простой инвалид, он забудет Наташу и символику креста.

А она в последний раз посмотрит на родные места, чтоб больше никогда не вернуться. Ее там никто с ним не станет проверять, русский русак славянской внешности с русским песнями военного и полувоенного образца. И после рассказа о верхнедонских лугах они поднимались в ее разговоре по Бермамытской, где она увидела первых русских, спускались к базару, пили нарзан – он вспоминал Печорина и Грушницкого, а она уже взглядывала по сторонам, боясь найти знакомого, больше всего на свете желая встретить почти родное лицо.

И повез поезд парочку в сторону Кавминвод, он сидел у окна в черных очках, она молчала, но с каждой станцией все тяжелей становился ее шаг, когда она несла стаканы с горячим чаем. Отсутствия двоих никто не заметил, теперь его нигде не было – без его бесконечной песни осталось питерское метро, и уже два новых самозванца в черных очках примеривали на себя роль подземного скальда. А она и вовсе оказалась нигде – с прошлым будто б рассталась, но ни к какому будущему не приближалась.

Но без вина и подземных куплетов он страшно начинал тосковать – она расслышала зубовный скрежет, когда приближалась с кипятком к его месту, он будто б невзначай толкнул – руку ее взял в свои и смотрел на красное пятно от кипятка на запястье. Не поняла, видит он сейчас или нет, скулы заострились, похож стал на волка – всегда был похож, а теперь вовсе сливался, в полутемном тамбуре он стоял в углу как в засаде. И то, что она за ним ухаживала, отвлекало ее от самой себя, они приближались к Кавказу, чтоб она навсегда с ним рассталась, а он, чтоб не бросать ее.

Был сентябрь, солнце светило на горы – он поворачивал голову вслед освещенным зубцам, пил нарзан из вагонного стакана и она боялась, что при следующем глотке откусит закраину стекла и вывернет губы в крови. Но будто бы невидимый пассажир-ангел ехал с ними в сторону Кисловодска и ни на миг не отлучался – в его мягком присутствии распрямлялись углы и жесты, он хранил этих двоих, как Адама и Еву. Побывать вдвоем им не удавалось, тогда она, вспомнив давнее-давнее пионерское, завесила две полки простынями – они оказались будто бы в белом шатре. Но эта отгороженность от всех отличала, ей, значит, нужно было что-то скрывать. Она вновь все вспомнила – поняла, что ничего и не забывала, а этот полуслепой капризный попутчик жил для себя, она для него была одной из того миллиона, с которым сталкивался слепой в прошлой подземной жизни. И никакой новой жизни не будет – она поняла, и ей стало легче, она сдернула мятый полог из простыней, а слепой даже и не заметил.

– Какая-то целебна грязца на Капказе есть! – Изобразил царских времен инвалида. – Глазыньки помазать... свет! Грязь капказская, что такое? Как везде, земля с водой. Так-то сестрица! Так-то! Пожил в купе, повалялся на канаве! Дойду до рынка... чувствовать себя счастливым полезно!

И она поняла, что уж потащился по вагонам с гармонью, подгадывая-подмигивая местным, но именно им-то и не нравится, как не нравится кавказскому жителю, когда изображают акцент.

*Когда едешь на Кавказ
Солнце светит в правый глаз.
Возвращаешься в Европу –
Демократия – для вас!*

Даже забыл свой петербургский распевец! И сейчас продаст, привлекая внимание, ее выдаст. Одна осталась – кавказский живой воздух рождал в нем легкое почти бездумное существование, а ее возвращал к смерти. Как она могла все забыть?

Долго стоял поезд в Минводах, люди были не так сумрачны, как в Петербурге, но почти не улыбались, спешили, военные тяжело шли в разбитой горами обуви. Мимо всех, с оружием. Не было видно даже привычного ожесточенья войны – мужской силы, смеяться богатой золотой осенью было будто бы никому не с руки. И все будто бы все знали друг о друге и о войне, о

тех, кто пробовал скрыться и до поры затаился. Будто бы и силы не прилагать – все само собой раскроется, надо просто дожидаться мига, когда скрываться станет невыносимо, тогда люди поднимут головы, чтоб глянуть на то, что и так уже знают и сразу начнут стрелять.

Она смотрела в окно на равнодушных военных, на сидящих пестрых цыганок, цыганенок шел навстречу военному и тот что-то положил ему в руку. И все происходило будто само по себе, без человеческой воли, без усилий и даже без слов, будто б даже без радости военные вернутся домой, и равнодушно встретят ласки. Они, ей показалось, даже не хотят возвращаться, чтоб заново не искать себя, сейчас потерянных в бессмысленном движении вдоль вагонов.

К военному кинулись другие цыганята, он молча давал им в руки то, что ей не было видно. Одни только маленькие попрошайки были с поднятыми лицами, а все остальные опустили глаза к земле. И она поняла, что все почти такие же, как она, и не надо завидовать цыганятам, занятым жизнью.

А слепой перешел рельсы, качнулся на ящике и гармонь расползлась мехами. Гра-а-ам!
И обратно решительно собрал планки. Гра-ам!

*Дорогой, куда ты едешь?
Дорогая, на войну.
Дорогой, возьми с собою –
Дорогая, не возьму.*

Но любовная частушка времен всеобщей прошлой войны, теперь никого не тронула. Люди вообще будто бы потеряли память. Он оглянулся и посмотрел на окно, где она прижалась к стеклу. И еще раз повторил – спел, еще раз, еще раз, меняя голос. То бас, то плач – кто-то, жалея, кого-то не брал на войну, солдат жалел полюбивницу милую.

И тогда питерский заорал про эту войну.

*Про-ощайте, братья-сестры,
Прощай родной народ –
Бандитски пули востры
Врезаются в живот.*

Ах предатель-паникер! Всея прежней жиливой жизнью жилы и сухожилия натянулись, гармонь распятая вытянулась – рвал меха в разные стороны, звуки взрывались и никогда не побратаются в интернационале. А был же советский народ! Чеченцы в целевой аспирантуре учились на отделении научного коммунизма. Он стал знакомцев высматривать, но зеленая будто бы военная электричка закрыла артиста, а когда прошли четыре вагона, его уж не было на перроне. Потек вместе с людьми в сторону базара – куда артисту еще? Он будто бы видел, что она смотрит, поднял развернувшиеся красные меха почти над головой, потом опустил, и она услышала прекрасное славянское прощанье.

Памятник солдату за ним стоял, старый паровоз-памятник красной звездой указывал путь. Общество расслоилось, как камень, сколки блестели под солнцем, пропало переживание.

И она поняла, что эта чужая звезда для нее.

В толпе она всегда будет вести себя не так, как все. Всегда будет вздрагивать. Она не такая, как те, кто никого не жалеют. Нет особенной веры... у кого смертная вера? Боясь чужой страшной толпы, она всегда будет стремиться в толпу. Она в роду первая и последняя женщина, род умрет вместе с ней, она могла бы забеременеть и родить. Но не от этого же русского с гармонью и песнями! Он водку пьет и курит, от него запах дешевой злой водки, с утра стаканчик лег на вчерашнее – от него отворачиваются свои же, а он будто не видит. Не хочет ничего видеть – ему только в руки женщину дай, вцепится злой клешней. Если вылечить и отрезвить? – добрым станет, станет пить чай из пиалы и жмурить глаза. А ее утроба по-

своему пересоздаст младенца – просто забеременеть и уйти от него. Он не найдет, он не видит, он не будет искать, она сама его первая бросит. Она будто бы сама по себе родит... мужчина спарится и уйдет по своим глупым делам.

Природная гордость разумно противилась, но в ней не было того, что она знала, было в других. Они готовы пожить в распутстве, а потом их бросали, жалких и совсем сломленных. И они готовы были взорвать собой всех, а она не хотела себя убить. Никакая вера не была так сильна, чтоб она перестала жить. И она поняла, что эти чужие люди от Кисловодска и до Санкт-Петербурга не враги ей, а просто живущие рядом существа. Не надо их убивать, они все кончатся сами собой. Как везде кончаются жизни, как везде рождаются новые.

И она вдруг все сказала ему вслед. Не хватало слов, но говорила уж из объятия, в котором сама по себе зачнет ребеночка. Этим ребенком будет и она сама, в крови и боли рождаемая, тогда все поймут и все пожалеют, кто-то родится будто б от нее самой – ей вслед и ей в объятия, кровь перельется в кровь, все жизни соединит пуповина.

Да вдруг пес станционный под окном рыкнул, что вычислят и отловят! И от кого рожать... где бродит не расслышавший ее слова подземный артист? Про когнитив сознания и чеченский менталитет псом напоследок рыкнул – никогда она не станет другой. Нет веры особой, есть стадное чувство. Сообщества поощряют жертвенность, а не гуманность. Одета в балахонистые одежды, чтоб взрывчатку скрыть, суетится, когда обыватель усталый спит, спокойна, когда обыватель салюту рад.

Но каждую же петербурженку хоть раз в день нужно погладить по низу живота! Незаметно прикоснуться в толпе на выходе из метро – опустить руку назад и дотронуться на миг, но такой как точка, в которой все есть – и линия, и долгота, и объем. Она чуть не стала петербурженкой, она мирно вернется туда. Он тоже вернется, он сейчас вернется, что ему делать на местном базаре – там своих музыкантов полно. Документы его у нее, вот паспорт, вот удостоверение из библиотеки, где он испортил глаза, вот фотография в паспорте молодой умницы, что пишет про русский крест. Он сейчас придет, они переседут на другой поезд и поедут назад.

Что-то вдруг громыкнуло за стоящими поездами! Она вместе со всеми повернула голову. Военные заспешили, будто заранее ждали. Кто-то закричал, ей показалось, она расслышала – со стороны базара что-то необычайно высокое коротко исполнила падающая с плеча гармонь.

Дана Гирей. Из дневника чучмечки

27 ноября 2004 года. Ехала поздно вечером с Чертановской с «подработки» - давала уроки английского. Заработала 500 рэ. Одной бумажкой. Итого, с тем, что в кошельке - 510 р. – такова цена сегодняшнего нашего «мамонта». Дикий промозглый холод. Решила ехать домой на «Чистые пруды» на метро. Там теплее. Но долго не выдержала – метро угнетает меня.

Вышла на Павелецкой. Поднимаюсь наверх, к выходу. Между дверями, обняв батарею, дрожа от холода, что-то скороговоркой бормотал бомж. Протискиваясь в этом маленьком «коридорчике», чтобы выйти на улицу, я разобрала его речитатив. Никто не поверит! Всевышний Разум! Бомж выводил... Булата Окуджаву «Молитву Франсуа Вийона»: «Нищему дай хлеба. Трусливому дай коня. Дай ты всем понемногу. И не забудь про меня...».

Дошла в каком-то отупении до остановки, жду трамвая «Аннушку» или №39. На улице мокрый снег, сильный ветер, а в голове «...И не забудь про меня..., Нищему дай хлеба...И не забудь про меня..., Нищему дай хлеба...». Осенило. Развернулась и побежала в «коридорчик». Бомж уже молчал. Он удобнее устроился: сидел, опершись спиной о стену, а головой прислонившись к батарее, обняв руками ноги, чтобы меньше загораживать проход. На голову была нахлобучена вязанная вытянутая шапка непонятного цвета. Лица почти не видно. Я всучила ему в опухшие грязные руки 10 рублей и быстро вернулась на остановку. Трудно было понять от чего - от холода или от всего увиденного - слезы душили меня...

... Потом. Много позже я буду понимать, отчего всегда, когда я встречаю московских бомжей, мне плохо. Я не могу им помочь. Никому: бомжам и инвалиду - молодому парню без ног на тележке на своей станции метро «Юго-западная», приехавшим из Средней Азии попрошайкам, особенно тем, глаза которых отчаянно уже не здесь. Я сжимаюсь и нужны слезы «выходные». А они не выходят. Этому есть название – неконструктивная жалость.

Я не могу никому помочь. В последнее время даже родным. Все тяжелее становится выживать. Желание выжить превращается в привычку. А может это мужество жить? И мужество дать людям жить, как они могут.

27 марта 2008 года. Конец рабочего дня. Еду на Чертановскую с Калужской (на «подработку»). Не люблю автобусы. На «маршрутки 555, 28, 671» длинные очереди. Подошел автобус 671. Бегу к нему, потому что опаздываю. Протискиваюсь вместе с толпой.

Высокая крепкая женщина в темно-красной кожаной куртке с мощной спиной, отодвигая меня, рвалась вперед. Понимая, что делает, она все же поворачивается и, улыбаясь, спрашивает меня: «А он-то (автобус) останавливается на Чертановской?». Молчу, не хочу говорить. Поднимаю голову, таращу на нее свои раскосые глаза, и молчу. Понимаю, что она хочет этим сказать, и отчетливо осознаю, что мне нужно сделать. Всего-то: улыбаться ей, кивать усиленно головой и заискивающе произнести: «Да, да, едет-едет!».

Не получив от меня нужного ответа. Она мне: «Ты – вредная или немая?». Сзади две женщины постарше и поменьше ростом: «Она только вчера приехала. Не видите, что ли...».

Тупо молчу и продвигаюсь вместе со всеми дальше. Свободные места еще были. Не стала садиться. Вынула из сумки книгу «Евразийский талисман» (Алматы, 1996). Открыла первую попавшуюся страницу и уткнулась в нее. Глаза натываются на строки: «В одном, любимом всеми нами, московском журнале читаем: ”Я тоже люблю казахов и Казахстан, ...люблю как декорацию, мимо которой протекала моя юность. Я продолжал любить казахов, даже когда они стали забывать свое место...”» (с.12).

На очередной остановке освободилось удобное место, прямо перед сиденьем двух пожилых женщин, тех, что поменьше. Но я села. Голова, как я ни старалась держать ее прямо,

предательски опускалась. Я не хотела смотреть на сидящих пассажиров, поднимать глаза, останавливать взгляд. Делаю вид, что читаю. Тетеньки сразу оживились, повысили тембр голоса и даже повеселели. Началось обсуждение: «Киргизы просто надоели. Ну, везде, везде, где можно... Они, прям, как китайцы...».

Я все поняла. Я обязана это выслушать. Кто-то из нас чучмеков и чучмечек это должен выслушать - выслушивать. Молча, не споря. На ком-то это должно остановиться. Возможно, они выговаривались за все. За неудавшуюся жизнь. За то, что не в собственном автомобиле, а в общественном транспорте.

...За разрушенные мечты, за советские идеалы, за понаехавших из всех уголков бывшего Союза чучмеков и чучмечек, за все...

Но главное: выслушать все это мне нужно было за то, что выслушивали их соплеменники - достойно и молча после краха империи, там за пределами России - уже от моих соплеменников... Я обязана выслушать и отработать, таким образом, их унижения, отчаяние и боль, вынужденность покинуть нажитые места. Они уезжали от моих соплеменников...

Дай, Бог, чтобы их достойно встретили на исторической родине...

Мне стало легче. И то, что они, подталкивая друг друга, кивая на меня, уже шепотом говорили: «Смотри-ка еще и читаем...», меня уже не обижало. Они не знали, что я волею судьбы родилась в России и живу в ней.

МАХАМБЕТ

ВРЕМЯ СМУТЫ

Ереуіл атқа ер салмай

Не воссев на коня боевого,
 Вверх копьё не поднимая сурово,
 На скаку не озирая становий,
 Не вдыхая и воздух всей грудью,
 Не срастаясь с конем в беге буден,
 До того, что седло все в поту,
 Даже потнику не вмоготу;
 Когда из пищи обходишься малым -
 Только курта кусочки во рту.
 Когда сын, что оставлен мальцом,
 Повзрослев, станет чуждым отцу;
 Не бродя словно тень по пустыне,
 Уж без сил не набредая на путь,
 Не забыв о супружеских ласках,
 В самый полдень, как в самую жуть,
 Не пережидая опасного часа.
 Не затаиваясь днем, не продвигаясь лишь ночью,
 Полярной звезды не выделяя средь прочих,
 В час сна не считая подушкой свой череп,
 В жизни воин достигнет ли цели?

Ұлы арман

Вон пестрое знамя чужое
 Проносится на скаку.
 Сверну ли его я в тугое
 Подобье позора врагу?
 Стрельбой из ружья озаренный
 Настанет ли сладостный день,
 Где буду устами мудрейших
 На битву я благословлен.
 Где ночью лисице подобный
 Я буду мерзнуть, но ждать.
 А днем, словно волк благородный,
 Дорогу себе пролагать.
 Где стынут лопатки от гнева,
 Где сжал я копьё с бунчуком...
 Вверяя себя только небу,
 Мечтаю о дне я таком.

Толарсақтан саз кешіп

Для нашего дела нужен верблюд
 Из самой мощнейшей породы,

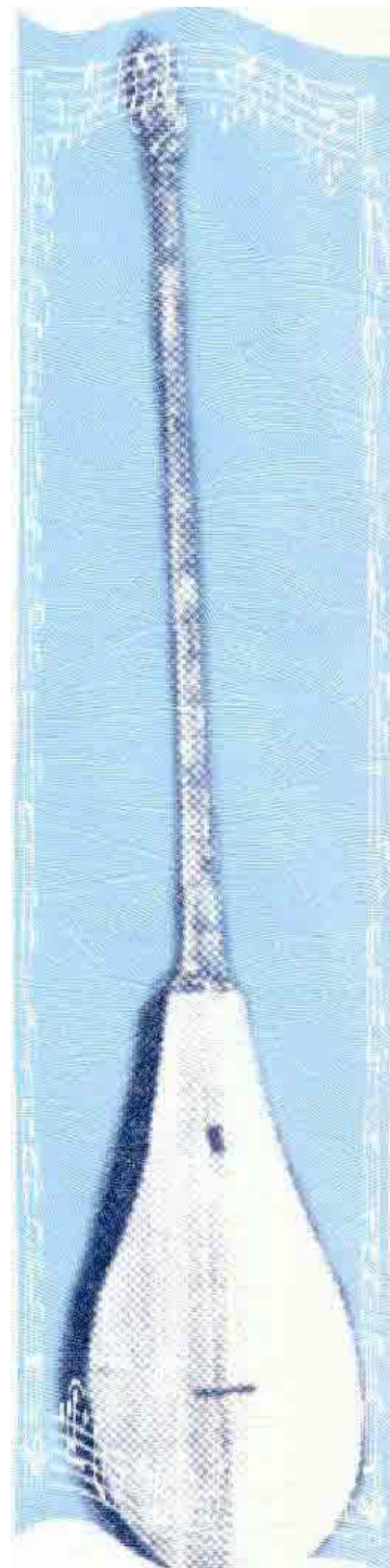
С башней между горбов – для стрелка.
Чтоб по самую грудь – в грязи,
Он рвался только вперед – ведь цель у нас далека.
Для нашего дела нужен герой,
Который и бровью не поведет,
Даже если будут ему,
Не сразу, а по одному,
Дробить на куски его ребра.
Сайга, говорят, дика,
Но, прежде всего, благородна.
Что попало не выпьет она,
И жует траву, преклонив колено.
Мы были подобны сайге,
Но вновь в окруженьи недобром.
И что же, тому мы не ропщем.
Не проклиная Тенгри.
Но возможно ли это, когда
Топчут родителей наших
И кроют их матом?
Проклятье бесчестью такому.
Проклятье.

Жапанда жалгыз бәйтерек

Тополь стоит в степи, одинок,
И если листья его шелестят,
То это, поверьте, от ветра.
И если внизу – молодая трава,
Земные повинны в том недра.
И если владетель куда припоздал,
То, значит, задержан народом.
И если овраг вам попался в пути,
То лучше когда он с бродом.
И если сайга так и скачет в прыжке,
То, видимо, бесится с жира.
И если батыр ввязался в войну,
То мысль подвигла батыра.
Так с кличем и воплем скачи на врага,
Один только Тенгри знает
Где смерть заготовила пики.
По крайней мере, не трусом умрешь,
А отправишься в вечность великим.

Орай да борай қар жауса

Когда падает снег нескончаем и густ,
Он не грозен для леса иль бора.
Он не грозен для тех, кто одет и обут
Хоть и выглядит грозным для взора.
Где без войлока юрта,

там флаг ни к чему.
Но горше, когда под флагом
Завалился скакун
И нет храбреца,
Кто накажет врага по уму.
И если ради родных и детей,
Ради блага своей семьи,
Ты не способен схватиться за лук,
Чтоб вражьи атаки давать отпор.
И если не в силах вставить фитиль,
Или послать стрелу,
Что собою подобна ягначьей лопатке.
И если твой золотой клинок
По рукоятку не был в крови.
И если враг твой упрямый и гадкий
Не кашлял кровавою пеной.
И если ты просто дома лежишь,
Для славы ты малоценен.

Еңселігім екі елі

Усы имею в два вершка,
Мои два выпуклы виска,
Похож я станом в тополька.
Широкоплеч я, с длинной шеей,
Для лука рук размах имею.
Когда касаемо врага,
Язык прикусывать не стану.
Мой конь саврасый ржет игриво,
Украшены и хвост, и грива.
И в рыси он как воск тягуч.
Сбиваю шлемы я, могуч.
При виде вражьи орд я рад,
У них знамена крал стократ.
Услышь, коль не слышал,
Меня знает весь свет.
Я – сын Утемиса,
Батыр Махамбет!

Атадан туган аруақты ер

Достойный сын доблестных предков
Будет врагу только рад.
Подобно бурану, свиреп и упорен,
Он будет косить всех подряд.
Мне жаль недостойных, которым их скот
Дороже души, что одна.
Хочу им напомнить, что грива и хвост
Красят собой скакуна.
Ах, что мне скорбеть и что горевать,

Я знаю одно средь крови и вони,
Что если народ расправит всю статью,
Владелец расстанется с троном.

Исатай деген агам бар

О, Исатай, мой старший брат,
С тобой сильнее я во сто крат.
Ты хану смертным стал врагом,
Тебя народ, глянь, чтит кругом.
Когда пошли мы хана брать,
Когда орду хотели взять,
Была у нас возможность та...
Увы, теперь – лишь пустота.
От кобылы рождается конь,
Слова мои словно огонь.
Если надо сказать, я скажу,
Воля ханская мне – не закон.
Враждуя с ним несколько лет,
Наш брат и наш вождь Исатай,
Расшатал, всё ж, незыблемый трон.
Из коней я люблю рысака,
Не родились такие пока –
Исатай, что сидит среди нас,
Отрубал ведь головы в шлемах.
Из того вон клинка кровь лилась,
Вражья кровь, напоившая землю.

Мұнар, мұнар, мұнар күн

О, смутные, смутные, мутные дни...
Мрачней, подернуты тучей они.
Молодые верблюды споткнулись о лед,
Самцы - в холощёных обращены.
Батыры любимые счастьем всегда,
И проблеска счастья теперь лишены.
Верблюды, идущие некогда в паре,
Теперь отвязались и бродят одни.
Вон нежные девы на крупы коней
Закинуты словно добыча войны.
Порублены воины, крики и вой,
Изрезаны вьюки жестокой рукой.
Сундук, что был полон золотом весь,
Валяется ныне, разграблен, пустой.
О, господи, сделай всё сном,
Этот день проклятый стал днем,
Когда умер батыр Исатай,
Когда смутой охвачен стал край.
Когда стрелы летели дождём,
Когда лунь с перебитым крылом

Не смог уж взлететь в небеса.
Когда знамя плеща на ветру,
Свернулось, забыв про игру.
Когда волк, прирученный тобой,
Свой ошейник в пыли потеряв,
Превратился в дворового пса.
Когда в степи нам скакуна,
Как не ищи, уж не сыскать.
Когда поднялся с Аркаулы
Свирепый северный буран,
Не видно стало вдруг ни зги.
Когда услышав издали,
Как рухнул тополь-байтерек,
Возликовали в раз враги.

Жалган дүние

Ручьи, озера в камышах
Кому кочевьем не были?
Ласкали в шелковых платках
Нас, молодых, не девы ли?
Редки деревья по степи,
Их тень кого не нежила?
Коня куда ты не направь,
Поскачет он с любовью.
Вода из лужи словно мед
В лишениях суровых.
Немало трупов по степи
Лежат в дерьме по брови.
Так давайте есть и пить,
Не надо трусить и трусить.
Все будет вот также и дальше.
Смеяться – это значить, жить.
Этот бранный, обманчивый мир
За кем только не оставался?!

Күн қақты ердің астында

Пусть седло уж иссохло от зноя,
Под ним скачет отменный тулпар.
Пусть потрепан колчан, загляни-ка,
В нем стрела, чей смертелен удар.
Все мы славны, друзья, но не каждый
Бодро выйдет на битву с врагом,
Проявляя желанье и жар.
Разноцветные камни есть только в горах,
Когда горем сражен, быть не стыдно в слезах.
Но пред сильным себя не роняй,
Он тебя не простит никогда,
Не выказывай слабость и страх.

Самый лучший скакун,
Если пару теряет,
Не способен на рысь или мах.
Благородного предка доблестный сын,
Сразу сделает выбор в сраженьи.
Пусть сквозь лопатки желчь его вынут,
Не услышит жалобы враг.

Тайманның ұлы Исатай

От аргамака рожденный скакун,
Как поскачет, не веришь глазам.
С лебединою шеей потомство
Он оставит, не верящим, нам.
От верблюда обычного – лучший
Когда родится, его не навьючишь,
Будет жалко нам вьючить его.
Пусть он скачет один налегке,
Не животное, а божество.
От плохого родится достойный,
Попирающий с предком родство.
От достойного худший родится,
От которого лишь баловство.
Сын Таймана, батыр Исатай,
Был сородичей наших главой,
Был лукой седла золотой.
О, смерть Исатая – несчастье,
На головы павшее наши.

Мінкен ер

Всадник скачет, всадник скачет, скачет всадник.
«Что за всадник?» - спросишь ты. О, не досадуй!
Это тот, который вечно мчится в гору,
Тот, кто способен переплыть в бураны – море.
Кто в «куралай» - студеный ветер среди лета,
Вкось Жайык переплывает с ветром споря.
Это тот, который мчится в жару и стужу,
Когда на пространстве от Востока до Запада
Он знает, что родичу нужен.
Даже если хребет перебьют,
Пусть кровь хоть рекою прольют,
Все равно он примчится с рассветом.
Эх, говори, не говори,
Но Исатая потеряв,
Страна осталась без вождя,
Теперь в нем – смуга и разброд.

Тарланым

О, орел мой, летящий в мареве гор,
Не достать тебя ныне рукой!
Услышишь ли просьбу мою
В небесах пролетая, родной?
О, мой усмешливый гордец,
О, громко ржущий жеребец,
О, круторогий мой архар,
Ты щедр как хивинский базар!
Красив словно солнца восход!
Ты ширью ума – небосвод!
На кого ты оставил, скажи,
Свой горем убитый народ?

Лук заправивши желтой стрелой,
С излукой давно золотой.
С округлою шапкой – борик,
За плечом твоим – серый колчан,
Полный стрел с оперением грифа.
Покорял нас ты видом одним
И осанкой своей горделивой!

Подпоясывался, чтоб кричать,
Обходил стороною дворцы.
Чтоб народ свой до цели домчать,
Был готов стать жертвою ты.
Не стремился ты и к столице.
Натягивал так тетиву,
Чтоб мычала она по-воловы,
Пролетая Едиль и Жайык,
Лишая врагов всех здоровья.
Ах, сравнится ли кто с Исатаем
В этом презренном, призрачном мире?
Нет, никому не сравнится!

Мен едім

Выше тополя лишь небосвод,
Не достигнув до туч, я не хрустну.
Я тот, кто пойдет за народ,
Мне без битвы отчаянной грустно.
Когда ветер копье мне колеблет,
Когда конь меня в небо подьмет,
Я сокол, взлетающий слепо
И лишь это считаю наградой.
Не счесть врагов у батыра,
А сплетня похуже секиры,
Врагов моих слушать не надо.

Жайықтың бойы көк шалғын

Жайык покрыт луговой травой,
Мы там еще проживем с тобой.
Гривастую шею выгнув к траве,
На привязи будет стоять гнедой.
И если Тенгри поможет нам,
Поддержит нас в правом деле,
Подобно овцам, погоним врагов
За наши родные пределы!

Махамбеттің Баймагамбет сұлтанға айтқаны

I

Не смотри так, султан, с отчуждением,
Тебя даже конь мой узнал,
Сбавил шаг свой в немом удивленьи.
Расстоянья коню нипочем,
Его только обрыв остановит.
Отшатнется тогда он в испуге,
Остановится в оцепененьи.
Но если коня подковать
Той подковой, что как полумесяц,
То тогда он и Едиль перейдет
По тонкому льду
Ни на столь не замедлив движенья.
Родовитому сыну достойного предка
Все богатство свое отдай не скупясь,
Отдай и будь в единеньи,
Для тебя не пожалеет в час смертный
Он и жизни своей драгоценной.

II

Из нас кто-то один был от матери старой,
А от другой нас по-двое было.
Но когда скакали на пару,
Мы были друг другу как крылья.
Нас было трое от другой,
Когда втроем скакали мы,
То побеждали бой любой.
От третьей матери нас – пять,
Когда сражались впятером,
Никто не мог, чтоб шли мы вспять.
Нас было от Утемиса – десять,
Когда садились на коней
Тьмой войска грозного неслись
Такой, казалось, что земля
Не выдержит и треснет.

III

Нас Едиль вдохновлял,
А Жайык – окрылял.
И парили мы в небе орлами.
Когда был жив Исатай,
Ради наших семей
Мы сражались махая мечами.
Когда в ударе были мы,
Давя упрямого врага,
Сметали всех, кто на пути.
Когда удача шла сама,
Мы тоже, грозный Байеке,
Не зная горя и беды,
Кочевье первыми вели,
Мы жить без воли не могли.

IV

Мы воевали за Едиль,
Тептер любой из нас любил.
Жайык рождал в нас смертный крик,
Кигаш – пролитой крови блик.
Дрались за равенство и скот,
Без равенства как скот народ.
Белеет ханский вон шатер,
В него мы думали войти.
Людей собрали споро в рать,
Детей простых казахов мы
Хотели с ханом уравнивать.
Таким как ты мы рвали пуп,
И вырывали с кровью ребра.
И кинув лошади на круп,
Всласть наслаждались воплем.

V

Когда был жив мой Исатай,
Нарын с ладонь был для меня.
Его объездил вволю я.
Ты, вижу, веришь в клевету,
Не унижай меня вина.
Я был топором,
Что поднят для тяжбы,
Но был не наточен как надо,
Наострят и я стану отрадой.
Не думал свидеться с тобой,
Себе хотел судьбу не ту.
Но бог, увы, меня привел
К тебе, как будто сироту.

VI

Когда желая хану мстить,
Кружил метаясь, по степи.
Ты, как дракон меня обвил,
За мной повсюду ты следил...
А ведь и я не слаб, но жаль,
Держа на куцем поводке,
Меня без нити привязал.

VII

Едиль-Жайык – красивый край,
Для земледелия хорош.
Он для казахов словно рай.
А я всего лишь – червь земной,
Что без приюта и жилья,
За что преследуешь так зло,
В чем пред тобой виновен я?

VIII

Я – лучший из соколов белых,
Уйду я, если обижусь.
За что меня ненавидишь?
Как уйду я, так уйду,
В горах крутых приют найду.
Не буду просить я огня,
Вражда пусть согреет меня.
Накликал себе ты беду.
Когда время кочевья настанет,
Когда всюду снега порастают,
Как будто овец распугав,
Расправлюсь с твоими родами.
Твой бегущий в истерике люд,
Уравняю с отарой баранов.
Я уйду не просто так,
Найду себе лучшего хана!
Коль меня разозлишь ты вконец,
Не буду я тявкать как шавка.
Я и смерти не побоюсь,
Приду, разорю твою ставку.

IX

С верным садаком через плечо,
Прогонявший врагов горячо,
На буланом рысивший коне,
Я – потомок великих героев,
Не сразившись, не знаю покоя.

Пусть лопнут готов ты от гнева,
Без страха стою пред тобою.
Пока жив хоть на вздох,
Не позволю в речах себе сбоя.
Эх, вельможа, великий султан,
Я духом своим, что до туч,
Тебя выше, представь себе, втрое.
Я высказать должен тебе,
И я выскажу все, будь спокоен.
Досадуя, неукротим,
Побеждаю любою ценою!
Не склонюсь пред тобой я, «великий»,
Плевать мне, что ты недоволен.
Вельможа знатный, Байеке,
Поймал меня, не упусти.
Если встретишься мне ты еще,
То расстанешься, знай, с головою!

X

О, султан, что знатных кровей,
Пусть и высок твой белый шатер,
Пусть везде свою власть ты простёр,
Пусть всюду ханом тебя величают,
Не задирай свою ляжку, султан,
Не раздувай свои щеки в величьи,
Тебе встретится тот, кто сильнее тебя,
И выдернет желчный пузырь,
Наплевав на любые приличья.
Эх, если б вскочить на коня
И юнцов за собою маня,
С копьем на тебя поскакать,
Ох, посмотрел я б тогда,
На твой оголившийся зад!

XI

Я чтим был всеми, громко чтим,
Когда в Нарыне обитал,
Я был и славен, и любим.
Когда был жив мой Исатай,
Как волки в бой мы рвались с ним.
Кто что-то мог сказать в укор?
Я дорог людям до сих пор.
Таких как ты, кто стал как хан,
Всю толстопузую знать,
От страха заставив орать,
За шкуру до неба подняв,
Я головы лишить хотел.
Вон берег Волги весь в лесах,

Я заселить его хотел.
По побережью всему
Я людям скот раздать хотел.
Хотел я в ханскую орду
Без позволения входить.
Решетку ставки на дрова
Хотел, смеясь, я порубить.
Хотел и войлок я рассечь,
Чтоб сделать потник под седло.
На ханских женах, что сидят
У трона ханского, хотел
Жениться я всему назло.
А сына ханского, суров
Отца его лишить хотел.
Отрада духу – мед хмельной,
Без разрешенья пить хотел.
Вот панцирь хана, я его
Забрав себе, носить хотел.
А ту, что краше Ханике,
И благородней Тинике,
Пусть соколиные глаза
Она закатит в небеса,
Пусть хоть она визжит щенком,
Пусть извивается прутом,
Чтоб знала жизни сей тщету,
Забросив лошади на круп,
Калым нисколько не платя,
Насильно я иметь хотел.
Эх, не дал Бог поддержки мне,
Больших вельмож таких как ты,
Я осрамить вот так хотел.

ХII

Я чтим был всеми, громко чтим,
Когда в Нарыне обитал,
Я был и славен, и любим.
Тогда был жив и Исатай,
Как двух волков нас знал с ним край.
Я для врагов был как стрела,
Я отправлял их прямо в рай.
К хорошим был всегда хорош,
Худых нанизывал на нож.
Непритязателен в еде,
Я «ел» нисколько не давясь
Тех, кто упорствовал в вражде.
Один из них, знай, это ты!
Ведь ты из знати, коли так,
Ты – кровник мой, мой смертный враг.
Нам в мире быть нельзя никак.

Тому кто враг, врагом и быть,
Вражды никак нам не избыть.
Ты, Байеке, какой султан?
Ты – потомок верблюда-ублюдка,
Не жди от меня ты уступки.
Знай, если где-то вдруг один
Ты встретишься однажды мне,
Подниму тебя как чебачка,
И только поморщась слегка,
Сглотну тебя, в том я клянусь! –
И косточкой не подавлюсь!

Исатайдың сөзі

О, верный друг мой Махамбет,
Ты – хищник больше, чем поэт.
Я знаю, мне везенья нет.
А иначе как понять,
Что только раз поверив лжи,
Покинут счастьем я теперь,
Без войска рыскаю как зверь.
В степи хожу один как перст.
Коль выпал жребий мне такой,
Придется, видимо, стерпеть.

Когда мир станет без прикрас,
Когда придет твой смертный час,
Когда помедлив у черты,
Потом сойдешь в могилу ты,
Туда сойдет ли кто с тобой?
Зачем в горячке горьких дум,
Лить слезы скорби о былом,
Заполнив жизнь свою тщетой?
Покину ль друга на врага,
К чему юлить мне, бегать, лгать,
Я уж настигнут злой судьбой.
Раз умереть – удел людской,
Что толку жить в чреде забот?
Не лучше ль к воле повести
Задавленный нуждой народ?
За сорок было мне чуть-чуть,
Когда людей собрав в орду
Повел к Жаскусу я их в путь.
Ворвались в ставку мы как львы,
Но хан пощады стал просить
Заплакал он, забыв про стыд.
О, простодушие мое –
Я захотел его простить.
А ты, мечом грозя с коня,
Хотел монарха зарубить.

А войско копыя опустив,
В молчаньи ждало мой вердикт.
За эти сорок с небольшим,
Я делал только, что хотел,
Чужих не слушал я речей,
Я жил лишь волею своей.
И хоть ты звал меня к борьбе,
Я не прислушался к тебе.
Как дуб, что криво лишь растет,
Упрям был я, твой сводный брат.
Текла речь хана как елей,
И дал ему я десять дней.
Теперь я сам тому не рад.
Я войско тут же отпустив,
Ушел в пустыню Бекетай.
С тех пор я, милый мой народ,
Не мог увидеться с тобой,
И, оттого, в душе – раздрай.
На всё – воля Аллаха,
Смерть приму я без страха.
И ты прощай, мой друг, прощай,
Не видеть больше мне тебя,
Пришел мой час и жизни край.
О, бранный, о, призрачный мир,
Все труды мои – зря.
В сожаленьях уходит
Из жизни батыр Исатай.

Проклятье отцам твоим, хан!
Получив передышку, ты выждал,
И войско царское вызвал,
Где я находился, ты вызнал,
И выстрелил мне в живот.
Когда в беде, не надо слов,
В беде копые лишь ты готовь.
Одни, но против всех полков,
Кабланбай и Калдыбай,
Рсалы, Кобек – погибли все,
Смешав с землей и пот, кровь.
Лишь Исатай и Махамбет
Остались словно пара львов.

Разграблен весь и разорен,
С золой забывшей про огонь,
Средь сотен, сотен мертвых тел,
Нарын мой, ты осиротел.
В березках, соснах, тальниках,
Как будто вымер иль зачах,
Осиротел и лес густой.
Не видно и в озёрах птиц,

Они куда-то унеслись,
Осиротел и берег пустой.
Горюют матери, отцы,
Ведь без детей их дни пусты,
Сиротство – это смерть детей.
Смеющихся не видно дев,
Рыдают жены овдовев,
Отдав войне своих мужей.
Тут не осталось и скота,
Вокруг разруха, пустота,
Чего же мне теперь жалеть,
Осталось мне лишь помереть.
Я ухожу, но жив народ.
И славе доблестной моей
В нем суждено еще греметь.

Привет хочу я передать
Всем вам, живым, земле родной.
В свой смертный час молю о том,
Чтоб глас услышали вы мой.
Я гордый лев ваш, Исатай,
Не смог свершить, чего хотел,
Меня настиг мой смертный час.
Проймет ли горький мой удел
Живых, вас, в сонме ваших дел,
Найду ль сочувствие я в вас?
Кто флаг отмщения понесет,
Тому от всех, от нас, почет.
О, бранный мир, о, бедный люд,
Найдется ли тебе приют?
Так говоря я шел на бой,
Вас увлекая за собой.
Того, кто знатен уравнивал
С аульной чернью я копьем,
Сиротам дал я пищу, корм,
Вдов поселил в хороший дом.
И что мне это принесло,
Нашел сочувствие ли в ком?

Не дал и другу воли я,
Не дал я хана наказать.
Хоть и расквакалась тогда
В шатре галдя как челядь, знать.
Их лжи поверил я, герой,
Вонзил себе сам в спину нож.
В семье богатой я рожден,
Пил мед из чаши расписной
Но вот настали времена
Когда плоток воды речной,
На сутки пищу заменял.
Меня страданьем не проймешь.

И если я умру, а ты
В живых останешься, мой друг,
Я верю, сына Жакию,
На воспитание возьмешь.

Мен Нарыннан кеткенмін

Я покинул Нарын,
Навсегда я ушел.
Пока еще был в силе я,
Бурнотекущий, злой Жайык,
Коленом стукнув, перешел.
Я думал, что найду приют,
Назара бросив, я, Шурен,
Таясь от всех, к тебе пришел.
За что же сдал ты Жакию,
Иных ты, что ли не нашел?
Конечно, ты и сам с усам,
Но поступать так, милый друг,
Нехорошо, нехорошо.

Мінгені Исатайдың Ақтабан-ай!

О, Актабан, ты гордость Исатая,
Тебя балует меры он не зная.
В тебя три раза метились из пушки
И промахнулись зря лишь громыхая.

О, Актабан, скакун наш белоногий,
Солдат в степи так стало ныне много.
Но стоит сесть в седло лишь Исатаю,
Он превращает всех врагов в убогих.
О, Жакия, сын Исатая грозный,
Сдержать тебя в атаке невозможно.
Не уберег тебя я в этой битве,
Ты как тигр, что рыщет ночью звездной.

Еңіреу ұлы емшек боз

Пусть этот серый игривый скакун
Для воина станет подарком.
Дно чарки дубовой – в меду,
Оставьте и воину чарку.
И тогда, если враг нападет
В неприютной степи, этот воин
Не отступит в сражении жарком.

Шамдансам, шалқамнан түсер асаумын

Во гневе я яростен, неукротим,
Не гнусь, а ломаюсь я напрочь.
Так сокол не знает пощады,
Дичь подминая.
Раз ты воин, скачи на врага,
Не думай нисколько о завтра,
С копьем лишь одним налетая.
Пусть врагов будет целая стая,
Пошли их разом всех на хрен.

Мен ақ сұңқардан туған құмаймын

Я из белых соколов – лучший,
Нет мужа грознее и круче.
Я скакун, не знающий плетки,
Меня понуканьем не мучьте.
Я тополь с подрезанными корнями,
Раз подкопали, рушьте!

Аспанда ұшқан ақ сұңқар

В небе сокол летает белый,
В руках моих – ястреб прелестный.
Ни на земле, ни на небе
Не нахожу себе места.
Едва женившись, ушел я,
Не познав объятий невесты.
Мой конь, отвергавший ячмень,
В корм теперь ковыля не находит.
Моим детям шербет был не впрок.
Боюсь, ныне голодными бродят.
Этот мир стал черствым, скупым,
Мир, ярмаркой прежде бурливший.
Я прячусь в степи как карсак,
Скитаюсь без крова и пищи.
Овдовеет жена, выйдет замуж,
Друг опять обрастает друзьями.
Без меня и старик не станет грустить,
На мысль набредет, погрузившись в память.
И только сынок мой, малец,
Не зная как жить без меня,
Упрется в безбрежность глазами.

Еріскендей ер болса

Если есть, кто пойдет за мной,
Если выдержит круг земной,
От битвы не отступлюсь,
Пойду на врага войной.

Я – матерый из всех орлов,
Для людей не жалею слов.
За что ж отовсюду гоня,
Эти люди травят меня?
Послушай меня, о, народ,
Я чист как ребенка слюна.

Жабыгу (Исатайдың атынан)

Декабрьской стужей охвачена,
Округа под снегом лишь мокнет.
С неба кружась и беснуясь
Хлопьями валит снег.
Не дает глаз открыть,
Ресницами дрогнуть.
Хотел за народ пострадать,
Со знатью его уравнивать,
Но не смог я достичь своей цели,
Душа еле держится в теле,
О, да, пострадал я безбожно!

Сөйлесем, даусым аңқыған

Когда говорю, голос мой звонок,
Говорить я всегда готов.
Пусть берши они, но не видел я пользы
От Егиз и Балкы родов.
Разодрано озеро криками чаек,
Так и я весь недостаток свой расплескал
По Нарыну – от края до края.

Китайское красное платье жены
Не выцветет разве в разлуке?
Белому соколу по нраву ли будет,
Влекомая волком добыча,
Когда она тут же и тухнет?
Для ястреба дичь – повседневный их корм,
Но я не о том, не о том...
Отнял враг у меня и жену и детей,
Округи лишился я всей.
Расставленных всюду сокрыто
Не избежал я сетей.
Ах, если подумать чуть глубже, зорчей,
Есть ли участь среди смертных грустней,
Чем участь моя, Махамбета, друзья?
На все белом свете, клянусь,
Таков только я.

Истеген ісім кетті далага

Все усилья брошены на ветер,
Мне б Жайык перейти, но куда там...
Одиноко встречаю рассветы,
Провожая угрюмо закаты.

Не дойти до жены и детей мне,
Как затравленный волк озираюсь.
Может, это день мой последний,
Неужели умру я скитаясь?

Абайламай айырылдым

На той стороне остался мой край,
Нарын потерял я внезапно.
И пусть я ушел, я весь в ранах ушел,
Равен смерти был путь мой попятный.
Скорбел я и пел, пел и скорбел,
Но есть ли наследник слов моих внятных?

АУЭЗХАН КОДАР.

Знакомтесь: художник Максут Тивамов

Призвание – это то, к чему ты призван – возможно, самим Господом. Художник, которого мы хотим представить долгие годы жил самой обыкновенной жизнью. Был спортсменом, шахматистом, садоводом, разводил пчел. И во всем достигал высоких результатов. Прекрасный семьянин, сыновья уже заявляют себя в спорте.

Рисовать стал неожиданно – уже в зрелом возрасте. Садится за стол, берет лист ватмана и может сидеть несколько часов, пока не вызреет некая композиция. Откуда она приходит, он и сам не знает. Улыбается: «Откуда-то свыше, наверно...».

Впрочем, это не имеет никакого отношения к мистике. Рисунки Максута Тивамова тем и ценны, что они не содержат какой-либо фабулы или идеологии. Возможно, это какой-то подсознательный прорыв к архетипам – многие его рисунки ветвятся как древо жизни, в силуэтах зачастую встречается что-то птичье (птицы как соединители миров). К примеру, в одном из силуэтов я ощутил сходство с пушкинским профилем, а ведь поэты – это тоже сила связующая небо и землю.

Сакен Нарынов, один из ведущих архитекторов Казахстана, считает, что возможно, у этого необычного художника задействовано правое полушарие, с его иным видением мира и бесстрашием перед хаосом. Не исключаю, что Нарынов прав. Возможно, что за «Черным квадратом» К.Малевича, поставившим точку над всеми рациональными этапами развития искусства, начинается уже иное искусство. Как бы то ни было, на мой взгляд, парадоксальное творчество уйгурского художника Максута Тивамова заслуживает, чтобы выйти на широкую аудиторию зрительского внимания.

Рисунки представлены без названия, мы их только пронумеровали, но и нумерация эта чисто формальна и не означает какого-либо иерархического порядка.

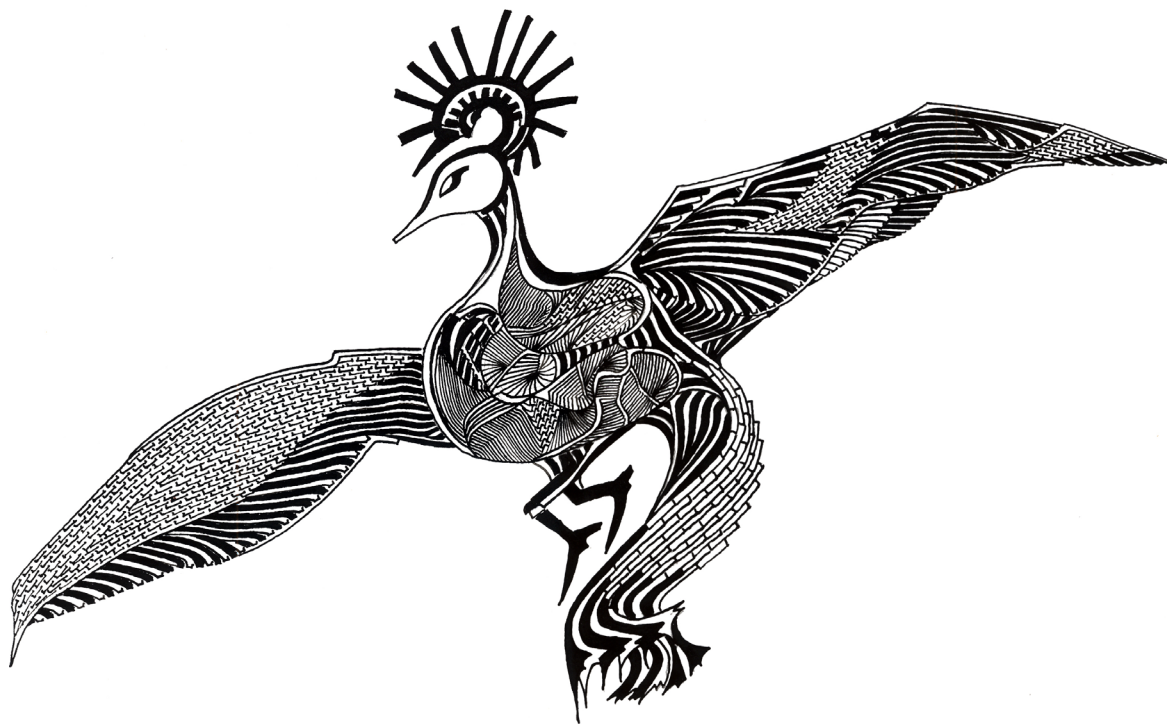

Рис. №1

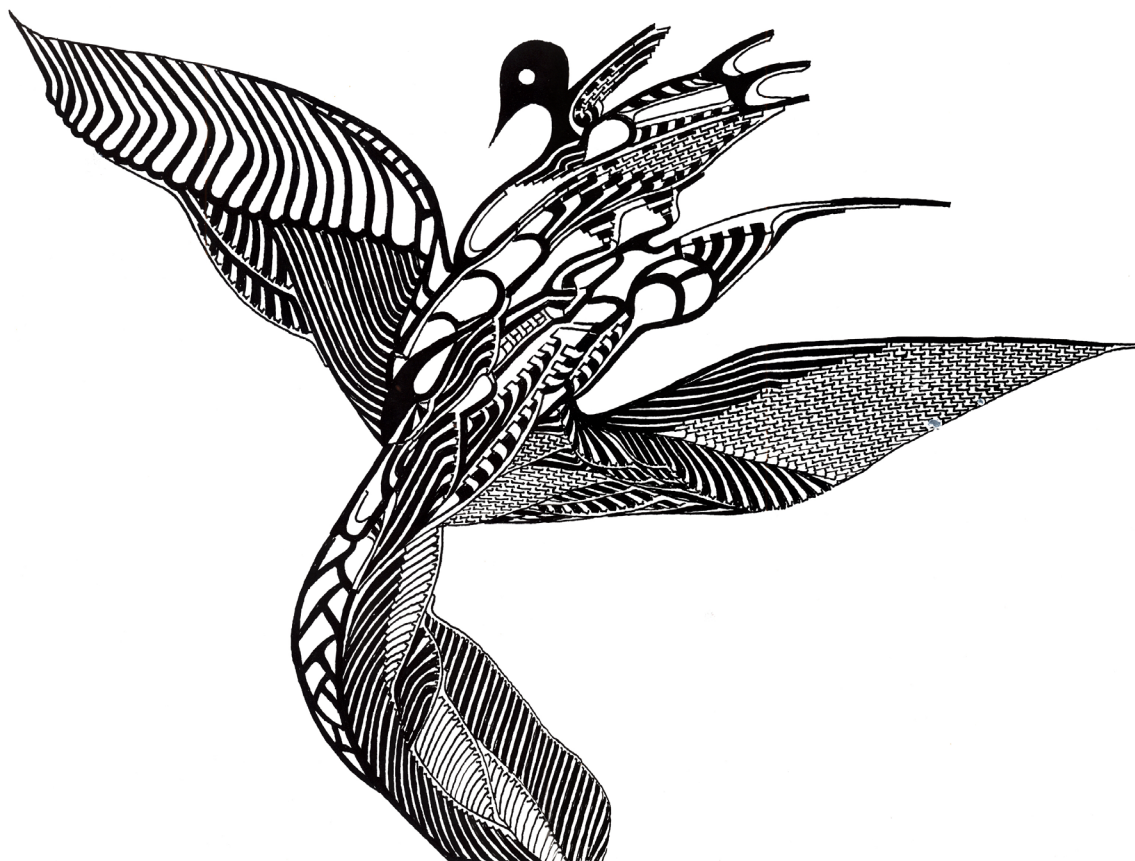

Рис. №2

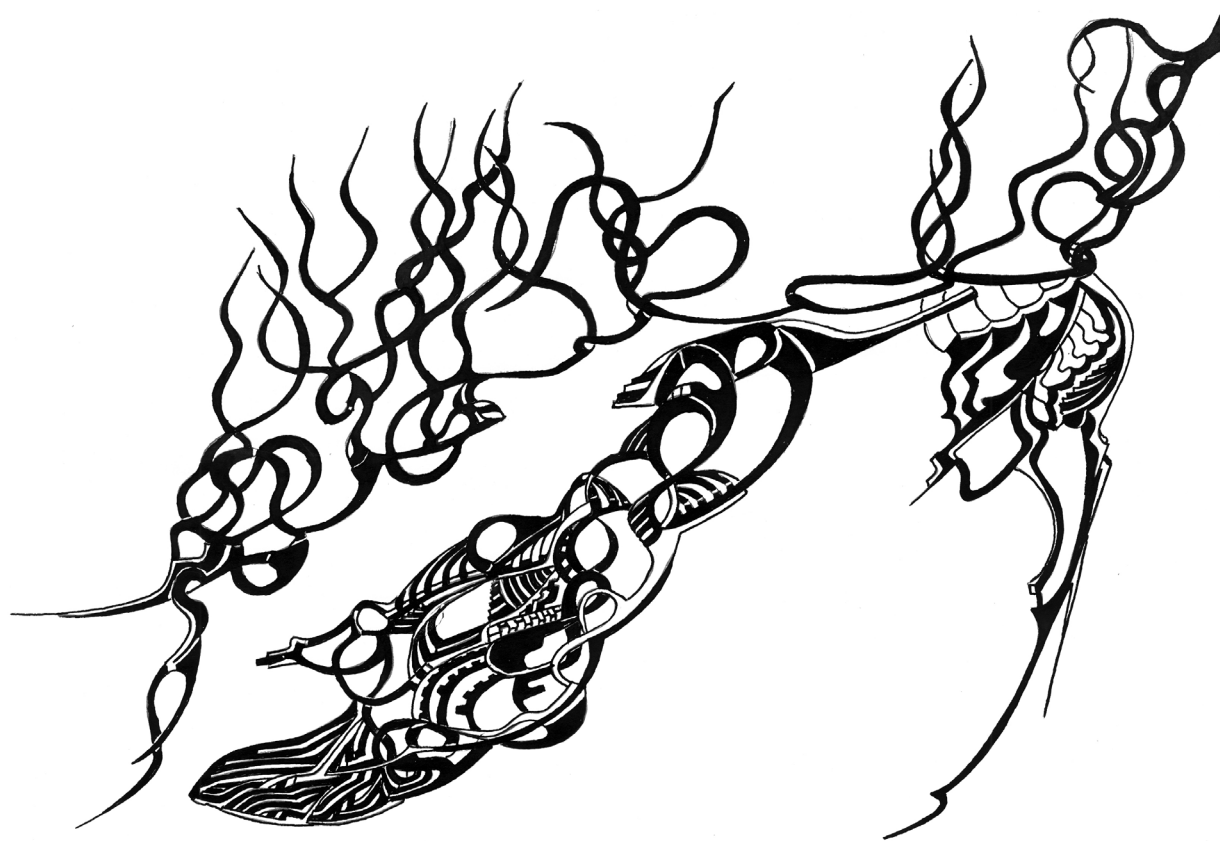

Рис. №3

Рис. №4

Рис. №5

**Болатбек Қонысбай, Сакен Нарынов. Алшандаған
«АЛТЫН САҚА»**

Кең байтақ Ұлы Даланы, алшысынан тұрған «АЛТЫН САҚА» билепті. Мерейі үстем болған хандыққа, шекаралас телегей теңіздің жиегін мекендеген КЕНТАЙ асықтар «АЛТЫН САҚАНЫҢ» қолтығына кіріп уәзірлікке таласады. Ханның көңілінен шығу үшін әр түрлі әуенге салып, қанша алуан өнерлерінің қырларын көрсетеді.

Көк Төбенің басында алшы тұрған «АЛТЫН САҚА» кентайлардың өнеріне тәнті болды. Көрсеткен өнерлерінің әрбір қырына ат қойып, айдар тағып, аптаның әр күнін еншілеріне бөліп береді

Қынжы	– ДО	– Дүйсенбі
Шоңқы	– РЕ	– Сейсенбі
Алшы	– МИ	– Сәрсенбі
Бүк	– ФА	– Бейсенбі
Омпы	– СОЛЬ	– Жұма
Тәйкі	– ЛЯ	– Сенбі
Шік	– СИ	– Жексенбі

Сөйтіп әділеттілігі мен ақылының арқасында, Әлемді үйлесімдік пен тепе-теңдікте сақтап, ғасырлар бойы баянды ғұмыр кешеді. Күн санап әр апта алмасып жатады.

Телегей теңіз жиегінде, жеті кентай асық ұяға қонған,
Көк төбенің шыңында «АЛТЫН САҚА» алшысынан тұрған,
Аптаның әрбір күнін кентайларға еншілеп бөліп беріп,
«АЛТЫН САҚА» патшалығы баянды ұзақ ғұмыр құрған.

Асық **оңқай** және **солақай** болып екіге бөлінеді. Оң қолға ұстағанда алшы жағы басбармаққа, тәйкі жағы сұқ саусаққа дәл келіп, шіге жағы алақанның аясына, бүге жағы сыртына келсе, оңқай болады. Алшы жағы сұқ саусаққа, тәйке жағы басбармаққа, бүгесі алақанның аясына,, шігесі сыртына қараған асық – солақай деп аталады.

ОҢҚАЙ

СОЛАҚАЙ

Сақа – құнан, дөнен, бесті қойдың, құлжаның оңқай асығынан шығады.

Сомпай – сиырдың асығы.

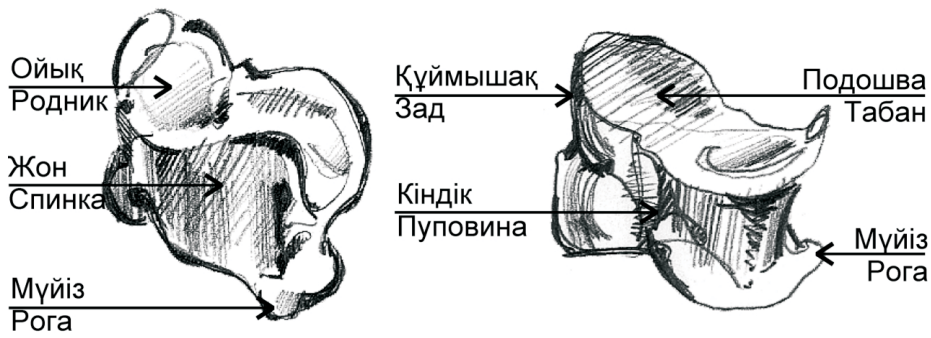
Кеней – «кентай» деп те аталатын жәй кішігірім асық.

Көктабан – тәйке жағынан қорғасын құйылған, салмақты сақа,

Қызасық – жіліншігінің бақаймен жалғас сүйегі, одан дойбы тасын жасайды.

Пұш – тәйкі түспесін деп, алшы жағы жонылған асық.

Асық жамбы – асықтан қалып алынып, сол қалыпқа құйылған таза сом күміс.

Бүк (Бүге) – асықтың дөңес беті жоғары қарап жатады - жоны
Шік (Шіге) – асықтың бүгесіне қарама қарсы қапталы - кіндігі
Тәйкі (Тәйке, Тапай) – асықтың тайқылау қапталы - табаны
Алшы – асықтың тәйкіге қарама-қарсы бетіндегі қапталы – ойық, бұлақ
Шоңқы – асықтың ашасы үлкен жағы жоғары қарап тұрады - мүйізі
Оңқы (Омпы) – асықтың шоңқаға қарама-қарсы беті - құйымшағы
Қынжы – бүк те емес, шік те емес, бір бүйіріне қарай қисайып тұруы

